

Александр СИЗОНЕНКО

**ГАМБУРГСКИЙ
СЧЁТ**

AND JOHN BROWN

HERMANN

AND

THE

REPUBLICAN

CONVENTION

OF

1854

AND

THE

REPUBLICAN

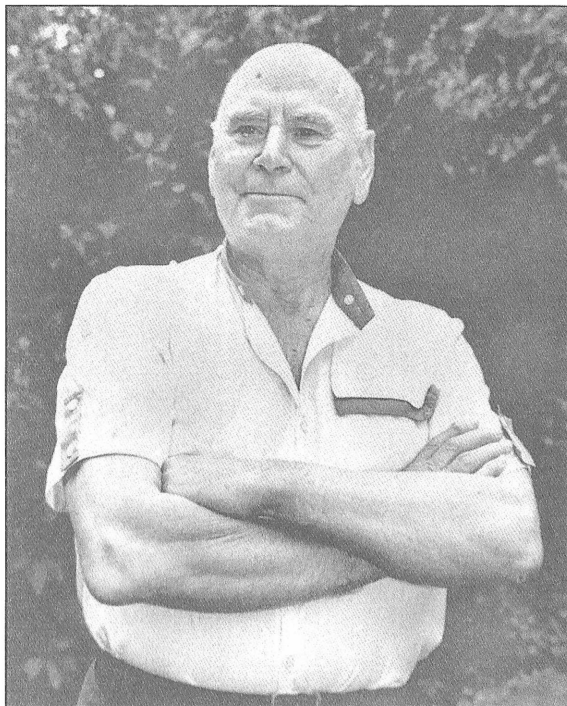
CONVENTION

OF

1854

*Коммунистической партии Украины
посвящаю.*

Автор

Молодость, которой будто бы и не было то при оккупации, то через фронт, а то и после тяжелого ранения и послевоенного лихолетья, теперь уже отлетела от меня навсегда, взмахнув у самых глаз души черными и скомканными крыльями тяжелейших потерь и незатихающей печали и скорби. Они, эти крылья, будут шелестеть надо мной непрерывно даже во времена дружеской беседы, духовного единения с дорогими сердцу людьми, в дни успехов или просто добротной сделанной и завершенной работы, и не будет мне в сем мире просветленной хотя бы минуты.

Ол. Сидоренко

Из романа «Далекий Бейкуш»

Александр СИЗОНЕНКО

ГАМБУРГСКИЙ СЧЁТ

Киев 2008

УДК 821.161.1 (477)-92

ББК 84 (4 Укр) 6-44

С 34

Александр СИЗОНЕНКО
ГАМБУРГСКИЙ СЧЁТ

Киев: издательский дом «АДЕФ-Украина»

Эта книга, как и все предыдущие, созданные выдающимся украинским прозаиком Александром Сизоненко почти за шесть десятилетий его литературной деятельности, — книга-боец. Она пришла к нам как бы из гущи сражений, несет на себе отпечаток переживаемого времени. И в то же время помогает воспроизвести целостный образ страстного и непокоренного участника битвы за те высокие нравственные идеалы и ценности, за которые на суровых фронтовых дорогах и ему, и его боевым товарищам довелось платить кровью, а то и жизнями.

В сборник вошли публицистические произведения, опубликованные за последние годы в периодических изданиях.

Книга рассчитана на массового читателя

Составитель и редактор — В.В.Сиряченко

Издано по инициативе Всеукраинского общественного объединения «Интеллигенция Украины — за социализм»

ISBN 978-966-187-009-2

ПОДВИГ СОВЕТСКОГО СОЛДАТА

Пожалуй, многим приходилось испытать такое ощущение. Идешь среди ночи по топкой дороге, в сплошной темноте. И вдруг далеко впереди замечаешь яркий огонек. С каждым шагом он приближается к тебе. И дорога кажется не такой трудной, и поклажа как бы становится легче, и к цели шагаешь уверенней. Крепнет вера, что непременно достигнешь ее.

Именно такое значение в нынешней действительности приобретают для нас жизнь и творчество Александра Александровича Сизоненко. Каждый, кто хотя бы раз общался с этим Человеком с большой буквы, приобщался к его замечательным и чистым, словно горный родник, произведениями, навсегда сохраняет в собственной душе его жизнеутверждающую и созидательную энергетику.

Сын степного Причерноморья, он, наверное, с молоком матери впитал не только любовь к своим необозримым просторам, но и самобытный тип характера, который присущ таким людям. Их можно постараться понять, завоевать их расположение, но невозможно подчинить себе, сломить их волю, заставить их быть иными, думать и жить по своему подобию.

Тем более юноше примеры для подражания далеко искать не приходилось. Неподалеку от его родного села Ново-Александровки осенью 1919 года в горниле гражданской войны, в железном кольце деникинского окружения родилась легендарная Баштанская республика. Судьбой ей был отмерен недолгий век, но эстафету борьбы баштанцев за землю, за волю, за лучшую долю подхватили грядущие поколения. И Александр Сизоненко был среди них.

И ему, и миллионам его ровесников было что защищать, за что бороться, когда на нашу страну обрушился смертоносный смерч фашистского нашествия. Это они через два с лишним года погнали на запад оккупационную нечисть с такой неукротимой яростью, что не было, казалось, силы и преград, способных остановить освободителей Европы от фашистской чумы. В решающих и кровопролитных боях за Берлин, во время штурма одной из резиденций командования вермахта, когда до капитуляции гитлеровского гарнизона оставалось два дня, тяжелейшее ранение в ближнем бою надолго выводит сержанта-минометчика Сизоненко из строя.

Жестокие звери в человеческом обличье пытались убить его, как лишили они жизни 600 тысяч советских воинов, погибших в боях за взятие Берлина. Они не смогли расправиться с ним физически, как не смогли уничтожить его нравственную память. С апреля 1945-го и по сей день бережно несет он ее в своем сердце. Несет через годы и расстояния, по праву долга перед павшими и живыми.

Как и многим литераторам-фронтовикам, минувшая война не дает ему покоя, побуждает вновь и вновь пропускать через сердце пройденное, выстраданное и пережитое, трагические и героические страницы. Однако впервые к военной тематике обогащенный к тому времени жизненным и профессиональным опытом писатель обращается в середине пятидесятых годов. Последующее время лишь подтвердило, что в советскую литературу пришел зрелый, пронизательный и вдумчивый писатель, способный объективно исследовать истоки героического прошлого и настоящего нашего народа, продолжатель жизнеутверждающих традиций Михаила Шолохова и Александра Фадеева, Алексея Толстого и Юрия Яновского, Олеся Гончара и Михаила Алексева, Юрия Бондарева и Валентина Распутина.

Вершиной творчества Александра Сизоненко является трилогия «Степь» («Степь», «Была осень», «Цель»), напряженной работе над которой он посвятил без малого десять лет и которая принесла славу одного из лучших произведений советской литературы о Великой Отечественной войне.

Именно «Степь» легла в основу вышедшего к 60-летию Великой Победы бесценного издания «Советский солдат» — достойного духовно-нравственного и литературно-художественного памятника мужеству Воина-Освободителя. Создать такое монументальное произведение был способен не просто великолепный знаток исторической правды и мастер слова, но человек высокой нравственной чистоты, внутренней культуры и порядочности. Навсегда сохранивший, как я уже говорил, в своей памяти имена тех, с кем ему выпало идти тяжелыми дорогами войны и кому не судилось дойти до Победы.

Один из них — командир минометной роты Михаил Сухов. До последнего дня напутствует он молодого сержанта беречь бойцов, особенно пожилых, ведь у каждого из них семьи и дети, а до краха Германии — считанные дни. Трогательно заботится о его супруге — юной Гале, недавно ставшей матерью, без колебаний перечисляет ей часть своего офицерского жалованья. Старается, как мог, сохранить своих минометчиков, но себя не уберег. Пулеметная очередь сразила лейтенанта на подступах к аэродрому Темпельгоф.

Не можешь не согласиться с выводом автора эпопеи о подвиге советских воинов, вернувшихся к нам «кто знает, из каких фронтов и дальше и покрывших свои имена неувядающей славой»: память о них — это не личное дело каждого из нас, а святой долг общества в целом перед нынешним, но еще более — перед грядущими поколениями.

Мудрый, много повидавший и знающий писатель не мог даже в страшном сне представить, что найдутся силы, способные по заокеанским лекалам разодрать на части его великую Родину Советский Союз, которую они отстояли в смертельных боях и во имя которого отдали свои жизни Михаил Сухов и его боевые побратимы. Что дорвавшийся к власти Ющенко и его помаранчевая камарилья начнут тащить на пьедесталы почета тех, кто стрелял в спины его боевым товарищам, кто вместе с агонизирующими гитлеровцами защищал до последнего обреченный Берлин. Что будет цинично фальсифицироваться, всячески извращаться правда о Великой Отечественной войне и подвиге Советского Солдата, многие другие героические страницы нашего прошлого.

Когда-то, в ушедшие теперь уже в историю времена Владимир Ильич Ленин задавался вопросом «С кем вы, мастера культуры?». Для Александра Сизоненко двух ответов на этот вопрос никогда не существовало. Он остался вместе с обманутым народом, с истерзанной новыми оккупантами Украиной. Он не поспешил обслуживать властные амбиции вершителей проамериканского «нового порядка», как поступили немало его коллег по литературному цеху, не позволил себе ни миг усомниться в исповедуемых им принципах. По-прежнему отстаивает их со свойственными ему страстностью и убежденностью.

Его публицистика последних лет на страницах газет «Коммунист» и других патриотических изданий звучит как набат, как призыв к сопротивлению и борьбе. С ней, уважаемые читатели, вы имеете возможность познакомиться в предлагаемом вашему вниманию сборнике.

Писатель-воин, писатель-боец, писатель-зодчий с нами вместе, в едином строю созидателей будущей социалистической Украины. Его слово зовет, сплачивает, воспитывает, вдохновляет, учит побеждать!

Земной поклон вам за это, Александр Александрович, доброго здоровья и новых щедрых урожаев на вашей и без того богатой творческой ниве!

*Петр СИМОНЕНКО,
Первый секретарь Центрального Комитета
Коммунистической партии Украины*

СПИТАЙ: ХТО МИ?

Смерть кожної людини здрібнює й мене, бо я єдин з усім людством, а тому не питай, по кому б'є Дзвін: він дзвонить по Тобі.

Джон ДОН

Від древнього народу майя нічого не лишилося — його стерли з лиця Землі іспанські завойовники, оті жорстокі й шалені конкістадори.

«Книги майя були знищені під час іспанського завоювання, — свідчить «Большая советская энциклопедия» (том 26, стор. 87). — Глава францисканської місії в Юкатані Дієго де Ланда спалив у 1561 році бібліотеки майя. В результаті християнізації древні індіанські письмена були повністю забуті індіанцями».

Вдумайтесь у цей енциклопедичний запис! Згадаймо також строфу Дмитра Кременя з його «Пекторалі», удостоєної Шевченківської премії 1999-го:

Київську бібліотеку спалиш —
Не Александрійську, то й простять.
А чорний сніг і біла галич
Уже з Чорнобиля летять...

Чи не нагадують нам оці тексти культурну і мовну ситуацію та перспективи демографічного процесу в нинішній Україні? На рідній, нашій, «не своїй землі»?

Але почитаймо далі БСЭ: «Джерелами для вивчення писемності майя є три уцілілі рукописи (т.зв. Дрезденський, Мадридський та Паризький кодекси). Крім того, археологічні експедиції відкрили велику кількість написів на стелах, вівтарях, стінах будівель, кераміці і т.д. Ці написи, іноді досить об'ємні (наприклад ієрогліфічна драбина в Копане), охоплюють період часу понад тисячоліття. Письмо майя — єдине суто ієрогліфічне письмо в Америці.

Вивчення писемності майя розпочалося після публікації Кінгсборо (9 томів 1831 — 1848) уцілілих рукописів та видання 1864-го «Повідомлення про справи в Юкатані» Дієго де Ланда, в якому наводиться ряд ієрогліфів.

Численні безрезультатні спроби дешифрування робили вчені різних країн, особливо США, Франції, Німеччини» (там само, том 26, стор. 87).

І тільки розвиток міжнародної комп'ютерної мережі Інтернет, дав змогу розшифрувати найтаємничіший напис на вівтарях храму, поглинутого джунглями Гватемали і знайденого лише зараз із вертольотів. Його довелося буквально вирубувати з віковичних дерев та ліан, що виростили на його апсидах, банях, портиках і порталах та обплели суцільним мереживом. Тільки білий камінь, з якого цей храм був збудований, просвічувався крізь зелень. Тому його помітили вертольотчики ВПС США, і потім самі ж доставили сюди експедицію вчених і робітників.

Вирубавши з джунглів та розшифрувавши з допомогою наймогутніших комп'ютерів цей, здається, не людський, а божественний напис на вівтарі забутого й покинутого храму, вчені, з'їхавшись з усіх країн та континентів, ухилились за голови, прочитавши:

«Ти, котрий пізніше явиш тут своє лице!

Ти захочеш дізнатися: хто ми?

Спитай вітер. Спитай хвилю. Спитай зорю. Спитай бурю. Спитай Землю — Землю страждання, Землю прощання і Землю улюблену — хто ми?

Ми — Земля!»...

Збожеволіти можна від немислимої, нечуваної та незнаної досі поезії!

Що хотіли виразити й сказати нам ті, приречені на вимирання, що лишили нам цей напис?

Що означає цей напис для нас, нинішніх? Що значить він для нас, українців? Благання? Заповіт? Попередження? Заклик?

Задумаймося: хто ми? Що з нами робиться? Куди нас ведуть? Хто нас веде? Куди йдемо? Задумаймося — гірко задумаймося...

Війни немає, а в Україні щороку гине 400 тисяч чоловік! Щороку наша нація без війни втрачає армію Паулюса, колись знищену в Сталінграді!

Тоді Гітлер, у лютому 1943-го, оголосив траур по всій Німеччині та на всіх завойованих територіях. А у нас зараз оголосити траур нікому. Ніхто не здатен подивитися у вічі своєму народові і сказати правду: чому гинемо?! Самі себе теж не питаємо...

Вмираємо тихо і смиренно — куди там тому древньому народові майя! Він боровся проти своїх поневолювачів і гинув у боротьбі, захищаючи свої храми й бібліотеки, безсмертні написи на вівтарях і стелах. А ми конаємо мовчки, покійно, мов українські сиві й муругі воли, якими чумаки возили сіль Землі із Криму, а селяни орали й засівали ниви.

І нікому оголосити траур за нами, за наш терплячий й роботящий народ, що тисячоліттями годував хлібом усіх,

навіть своїх поневолювачів і завойовників, не питаючи, що у них за душею, що вони думають про нас, добрих і щедрих.

Хто ж заступиться за отих забутих трударів, викинутих на смітники й звалища, де вони риються в покидищах, порпаються в контейнерах, визбируючи недоїдки зі столів ситих і розгодованих своїх грабіжників, котрі й згадують їх тільки перед і під час виборів як електорат, щоб сховатися під парасольку депутатської недоторканності. Скуповують їхні голоси за продуктові подачки та за гроші, вкрадені у них же! Таки в них, пограбувавши й привласнивши шляхом «прихватизації» надбане тяжкою їхньою багатолітньою працею і зробивши нещасними їх та дітей їхніх з онуками.

Не можу дивитися на оті базари, що починаються від самих наших порогів! Тягнуться по всіх вулицях і провулках. Що зробили з моїх роботящих співвітчизників — робітників, інженерів, майстрів, конструкторів, учених, котрі на страшенному осонні, у зливу і град, в морози й хурделиці гибіють у базарних рядах, розстелених по землі, по тротуарах та сходах. Як у війну! Як в окупацію! Хоч ми ніби ніким і не завойовані.

Ось що таке «ринок», «ринкова система», віртуальна папаця від усіх економічних «лих» адміністративно-командної системи, якою нас не перестають лякати, маючи за дурнів!

На торгашів «мелочовкою» перетворені горді майстри і вчені — вся наша роботяща нація. Бо коли подумаєш про селян, то й за голову вхопишся, там все вже пропало. Колгоспи знищили. Землю роздали «у вічне користування», а тепер «всенародно обраний» намагається якомога швидше пустити її в розпродаж. А обробляти її нічим. Значить, залазь в борги. А потім за ці борги землю в тебе

заберуть чорти нетруджені, ті самі твої грабіжники, за ціну, яку визначають самі. Тобто — задарма! Бо законів або нема, або вони не працюють. Он заарештовують наших розкрадачів у інших країнах, а у нас їх, навіть якщо вони вкрали мільйони, розтринькали банки, вивезли за кордон десятки й сотні мільйонів доларів, якщо крадуть у держави цілі пароплавання, їх відпускають з підпискою про невиїзд, і вони теж опиняються за кордоном, біля своїх грошей на банківських рахунках.

Або роками судять, а через кілька місяців випускають. Ніби на глум.

Журналістів убивають серед білого дня, як Бориса Дерев'янка, Георгія Гонгадзе, Ігоря Александрова та багатьох менш відомих, а вбивць вигадують, хапають кого попало, і нікому нічого не доведеш. Жодного замовника вбивства не встановлено. Бо і замовляють, і розслідують, і беруть «під контроль» одні й ті ж. Все видно як на долоні простим смертним, а правоохоронцям у найвищих чинах все не вистачає доказів, щоб покарати злочинців. Все розкрадається, грабується, а народ вимирає. І нікому зупинити цю вакханалію.

Ну й часочки ж настали! Як побачу отакі базари чи в Києві на Михайла Коцюбинського, біля підніжжя височених сходів, що ведуть на ринок «Центральний», чи в Корчуватому, чи у Чапаєвці, так і згадаю окупацію: тоді теж і містах, і селах усі жили з торгівлі. Тож чи треба когось завойовувати? Чи досить того, щоб з громадян Великої Держави зробити дрібних лихварів, торгашів, і нація загине. Додумалися ж «демократи» у «цивілізованому світі»! Ні тобі війни, ні окупації, а втрати, які прийнято вважати й називати «непоправними», перевищують у мирний час найстрашніші втрати тотальної Другої світової війни.

Ще через десять років нас лишиться ще на чотири мільйони менше, а через сто — на сорок мільйонів зменшиться населення України. Що ж від нас залишиться? Як у тій казці про вовка і ягня — ріжки та ніжки?

Саме й лишиться отих десять мільйонів, а може, й десять відсотків, про які так палко мріяв один правозахисник — колишній в'язень мордовських таборів. Засмучений та обурений відмовою друкувати його досить грубенький роман у газеті, він сказав редакторові, розмірковуючи вголос, виповідаючи, мабуть, давно вимріяне й наболіле:

— Хіба ж це нація? Дуже багато в ній зросійщеного та люмпенізованого мотлоху! А еліти майже нема. Нікого й паном назвати. От коли залишиться 10 мільйонів — ото будуть українці! Справжні та свідомі!

Пане правозахиснику! Не журіться й не побивайтесь: через п'ятдесят років, а може й раніше, українців саме стільки й лишиться. Може, ви і такі, як ви, й помагаєте розробляти й здійснювати нинішню демографічну програму, яку простіше й точніше було б назвати геноцидом української нації? Га? Нас же й так поставлено на конвеєр винищення! Не бачите?

Відповіді ні від кого не діждемося. Але й ви, пане правозахиснику, не діждетесь здійснення своєї мрії, бо вмрете. Навряд щоб вам у такому солідному віці вдалося прожити ще півстоліття. Або домагайтеся від своїх хазяїв геноциду ще динамічнішого та жорстокішого, або подбайте про оті новітні досягнення науки заморожування й оживлення, що тепер здатні подовжити ваше дороге цінне життя. Інакше вам, сердешному, доведеться терпіти оцей, по-блатному і табірному мовлячи, сорокашестимільйонний «мусор», зменшений «ринковими реформами» на шість мільйонів.

Утрата, щоправда, для вас і особливо для ваших заокеанських хазяїв — невелика. От якби вимерло вдєсятеро більше — отоді б ви вже побудували елітну чи елітарну Україну! Були б самі пани!

От тільки хто ж землю оратиме? Хліб вирощуватиме? Вугілля добуватиме і метал варитиме? Та й панами ні селян, ні шахтарів, ні металургів — аж ніяк не назвеш! Особливо, якщо їм ще й зарплату не платять! І куди ж їх, каючих, подіти, щоб не псували настрої панству?!

Може б, табори та концтабори, а то й «трудоармії» незабутнього «демона революції» відновити? Так виздыхає ж з голоду й холоду і саме недалуге українське панство. Ну, як бути? Хоч і величається між собою «панами» залюбки, ну, ніяк не приживається панство в розграбованій ним же Україні! Не приживається, й квит! А так же ж хочеться пожити панами — на чужому горбі, на чужій праці! Дехто й живе вже на широку ногу.

Мучить, та й мучить, і не перестає мучити ще одне: чому іще швидше за український народ вимирає його культура? Дивує й обурює відсутність в радіоефірі та особливо на телеекрані української народної пісні, наче вона оголошена поза законом. Живемо, як за фашистської окупації, коли нас глушили отими «всепереможними» марш-лієдами. Отак тепер глушать попсою, роком, шлягерами і шоу.

Слухаючи какофонію, що звучить з радіоефіру, дивлячись на корчі та конвульсії так званих поп-зірок, хочеться гукнути: «Хто ви, панове? Українські керівники телерадіокомпаній чи гауляйтери, наставлені міжнародними українофобами? Хіба забули, як за радянських компартійних часів, які нині проклинаємо, склалися радіо і телепрограми? Чи тоді б дозволили забити радіоефір і телеекран бездарними й жорстокими бойовиками,

мільними й нищими чужинськими телесеріалами, та й доморощеними «Элками и корешами», «Верками Сердючками» та брутальними «Джентльмен-шоу»?! Начисто витіснивши національний театр, кінематограф, найкращу в світі українську народну пісню?!

Що це за сторонні спостерігачі роз'їжджають у нас на «мерседесах», «ауді», БМВ, понаїдавши, пробачте, «лиця», як писав Коцюбинський? Та й не сторонні спостерігачі, а, здається, мало не натхненники українофобського процесу зі знищення національної культури.

Вже десять років, якщо не більше, не чути народних пісень та романсів у виконанні Бориса Гмирі — неперевершеного баса, Михайла Гришка з його баритонем унікального тембру; оксамитового сопрано Зої Гайдай не замінять ніякі заїжджі «знаменитості», як і дуєт незабутніх Литвиненко-Вольгемут і Паторжинського. Не чути й чарівного голосу Івана Семеновича Козловського. Або чудового естрадного співака Юрія Богатікова.

А де наша славетна й неповторна капела бандуристів? На жодному урядовому концерті за десять літ незалежності її не видно й не чути! Де вишукана й благородна «Думка», якою гордився весь Союз? Де хор Верьовки-Авдієвського — пристановище національного духу, окраса та оберіг його? А Микола Кондратюк, Євгенія Мірошніченко, Лариса Руденко? Якщо багатьох з них і не стало, а інші постаріли, то є ж записи їхніх неперевершених голосів?

Та й нинішніх наших геніальних співачок у розквіті таланту і вроди: Ольги Басистюк — що зачарувала Бразилію, Південну Америку й світ, та Марії Стеф'юк — голосистої і граційної — не видно й не чути. Чого б то? Чому б то? У незалежній та суверенній Україні?!

Замість цих рідкісних талантів телебачення демонструє не класику, а паплюження наших святинь. Наприклад, шедевра Руданського «Повій, вітре, на Україну» в блюзнірському, безглуздому оранжуванні та конвульсивних корчах Ель Кравчука та його божевільної команди. Хай біснується на «шедеврах» сьогочасних попсових! І де завгодно, тільки не на Державному УТ-1.

Ще страшніше звічевив та споганив цю святу для українців пісню якийсь інший естрадний співак — стрижений та набурмосений, він не співає, а ніби погрожує всіх убити, звічевити, скалічити! З таким виразом обличчя та мімікою, з таким лютим поглядом ходять не на співи, а на розбій або на гвалтування. Пригнувшись до самої підлоги та засунувши мікрофон у рот, цей горе-співак конвульсійно вигинається, випручується з невидимих ліан і хрипить передсмертно: «...і другого полю-била-била-била. Гах!» — раптово випростується і сам собі плече в долоні, заохочуючи до аплодисментів зал, що теж корчиться в конвульсіях, здіймаючи, ніби в летаргічному сні, руки над головами або в наркотичній маячні сіпаючись з болю.

Як можна телесуватися й корчитися, отак дружно й сомнамбулічно хитатися в такт, немов на отих сумнозвісних сеансах Кашпировського, несподівано й несподавано подарованих нам тихою-гострою, як сапа, «перестройкою» Горбачова?!

Мимоволі думається: хто ми? Дивлячись на оцих біснுவатих — чортів, чортиць і чортенят, на оце офіційно дозволене знуцання над національною культурою, над народними святинями, починаєш вірити в нашу неповноцінність. Бо яка ж би нація дозволила привселюдно, з головного державного каналу отак паплюжити свою тисячолітню культуру? Збиткування над Шевченком якихось психічно

неврівноважених зайд — гомосексуалістів чи наркоманів?!
Лишається або заплакати, або визвірितись:

— Панове керманічі та правоохоронці! Ви там за щонебудь відповідаєте? Чи дарма проїдаєте державний і народний хліб на високих та відповідальних посадах? Чи й справді на пню вже продано, й державні телеканали і ви не маєте ніяких прав і впливу навіть на формування телевізійних програм? Бо, кажуть же, щороку з України зарубіжним телемагнатам на кшталт Березовського наша телерадіокомпанія переказує 89 мільйонів доларів прибутку. Якщо це неправда, спростуйте її у пресі чи з телеекрану!

Питай — не питай, ваша державна, депутатська недоторканність настільки непохитна, що до вас ні муха не долетить, ні звук не долине. Вже не раз переконувались, що навіть Верховна Рада для вас — все одно що пісочниця для дітлахів біля якої-небудь «хрущовки». Де вже там обуреним телеглядачам достукатися до вашого сумління. Як же його потривожиш, коли виникають сумніви: є воно у вас чи немає? Тим більші сумніви викликає ваш слух і художній смак: може, вам усім з дитинства, як кажуть в народі, слон на вуха понаступав? І ви не чуєте й не розрізняєте мелодій?

Тоді вам дійсно все одно — що Гмиря й Гришко, що Ель Кравчук. Інакше треба ненавидіти національні шедеври, щоб замінити їх копійчаними шлягерами бердичівсько-жмеринського стибу. А геніальних співаків — так званими естрадними «зірками», у яких ні голосу, ні емоцій, ні художнього смаку — лиш риб'ячі очиці, що ніколи нічого не виражають. Така собі мертвонароджена поп-культура для духовних поп-мертвяків, де сновигають або сіпаються в диявольських вихилясах та прибамбасах алкоголіки чи наркомани, яких нагороджують

орденами, оголошують «заслуженими» чи «народними», навіть геніями. Кого, Господи, кого?!

Від початку незалежності й суверенітету не чуємо з вашої ласки ні Бетховена, ні Моцарта, ні Бортнянського, Березовського (не бізнесмена) та Веделя, ні Лисенка і Гулака-Артемовського, ні Леонтовича та Косенка, ні Аркаса та Лятошинського, ні братів Георгія і Платона Майбород, ні Олександра Білаша з його піснями на слова Малишка, Олійника та Михайла Ткача.

Натомість нам нав'язують «геніїв» з брутальними й анемічними претензіями на біблійність, з отими завиваннями: «Блудний син, блудний син, блудний син...» Ну й блуди і блукай собі — світ великий! Аж ні-і-і! Вони лізуть на державний телеекран, пнуться у радники до президента й прем'єра при живих наших класиках — Ліні Костенко, Борисові Олійникові, Дмитру Кременю.

І ці примітивні «ринкові» вискочки ганьблять з наданих їм телеекранів своїх великих попередників, істинних поетів та композиторів, називаючи їх «вчорашніми», «консерваторами», хоч самі й нігтя їхнього не варті. Не достойні з ними навіть поряд стояти!

Чуєте, ви! Сьогоднішні скороспілі ринкові генії! Вас не те що завтра забудуть — вас сьогодні не знають і не пам'ятають у тій же Жмеринці, у тому ж Бердичеві та Білій Церкві! Бо жодної вашої пісні не можна запам'ятати — ні безглузких три-копійчаних слів, ні бездарної музики, хоч вона й звучить настирливо й нахабно і в радіоефірі, і з державних телеканалів. Запущена туди ким? За які гроші?

Не воля, не безцензурність для найповнішого виявлення хисту і творчих можливостей ваблять вас, а вседозволеність: «Все, що не забороняється, — дозволяється». Безглузде гасло знищення самого поняття і явища

«свобода», потрактованого найяснішими умами як відчуття й усвідомлення необхідного самообмеження. «Гуляй, Васю, гуляй!» А оглянешся — не те що шпиць, а й друзок не лишиться.

Гуляєм, гуляєм, гуляємо! По чотири, по п'ять днів підряд!

А книжки не видаються, газети й журнали перманентно закриваються то через безгрошів'я, то прикриваються з політичних мотивів. Художні колективи, письменники, режисери, актори, композитори ледве животіють, а по всій Україні — навколо столиці, обласних та районних центрів, у прибережних курортних зонах — будуються новітні вілли, кількاظоверхові дачі з саунами та відкритими плавальними басейнами, і ніхто нікого не питає: «Откуда дровишки?»

За яку державну чи депутатську зарплату, за який фінансовий, юридичний чи будівельний «бізнес» споруджується така розкіш, коли поруч вимирає знедолений, безробітний, окрадений народ?! Добралася ця пошесть і до Кончі Озерної письменницької: колись Малишко, ще 1947 року, домігся дозволу в Хрущова й Кагановича на відведення у рідному йому Обухівському районі земельної ділянки під забудову дач для письменників. І Літфонд, теж не без допомоги ЦК КПУ і Ради Міністрів, уклавши договір з найпотужнішою будівельною організацією «Хрещатикбуд», за одне літо збудував 26 дач!

Обиватель млів: «Живуть же, гади!» — написав колись Борис Олійник у знаменитому вірші «У поета гроші завелись».

«У поета? Гроші? Та облиште!»

Були, були... Гонорари бо тоді платили!

Поряд з Головком, Гончарем, Панчем, Смоличем, Малишком і Минком, котрий несподівано й для самого себе став мільйонером через свою п'єсу «Не називаючи

прізвищ», будувалися й «рядові» письменники й поети: Грицько Бойко, Павло Усенко, Микола Нагнибіда, Василь Швець, Володимир П'янов, Оксана Іваненко, Наталя Забіла, Дмитро Білоус.

Це була Мекка і Медина творчої праці та дружнього спілкування. Але час невблаганний: письменники пішли в інший світ, а дружини, діти й онуки попродавали дачі. І що ж тепер тут витворюють «нові українці»?! Скуповують по три-чотири ділянки (а ділянка — 0,4 га), зносять прекрасні цегляні будівлі і ставлять нові — розкішні, шикарні, як у Маямі чи на Канарах! Надивилися ж по світових курортах! А один з них примудрився набудувати аж чотири чи п'ять, як кажуть місцеві жителі, «Білогорських фортець» за глухими «частоколами», ніби збирається оборонятися від Пугачова.

Але ж... Яїк — далеко. Надто далеко! Тому «фортеці» помаленьку розпродуються в міру завершення будівництва, і по єдиній нашій вулиці здійснюють ранкові пробіжки в супроводі охоронців якісь незнайомці. Щоправда, деяких пізнають і, оглядаючись вслід, кажуть здивовано: «Ти диви, мільярди побігли». — «І не бояться?!» — скаже хтось ще здивованіше.

А кого ж їм боятися? Нікому ні до чого діла немає, хоч у нас є СБУ, МВС, Генеральна прокуратура.

Та й податкова інспекція та податкова поліція теж. Але вони здирають копійки з нещасних платників податків, яким не вистачає «прибутку», щоб розплатитися за комунальні послуги, а мільйоннодоларові державні крадії, хабарники й авантюристи розкошують безборонно й нахабно. Ще й хизуються!

Отаку «модель демократії» підкинули нам не без консультацій фонду Сороса, інституту Крібла, Міжнародного

валютного фонду, Світового та Європейського банків: гроші, гроші, гроші! Все в грошах — і не в яких-небудь, а в «зелені», в доларах! Хоч вони, ці долари, нічим не забезпечені: ні золотом, ні платиною, ні державними активами. Перемігши у «холодній війні», єдина на планеті «наддержавна» править світом, його економікою й фінансами з допомогою дутого, фальшивого банкнота!

Навіщо здалися групи армій «Північ», «Центр», «Південь», танкові групи Клейста, Манштейна, Гудеріана, Гьопнера, Гота? Нащо танки, бронетранспортери, авіація й артилерія?! Не стало іншої «наддержави», що могла б здійснити «укорот», для світового панування виявилось достатньо й фальшивого, нічим не забезпеченого долара.

Тому й усе в цьому сучасному світі — фальшиве! Немає святинь, немає вірності ні в дружбі, ні в любові, ні в товаришуванні. Про політику й говорити нічого. Все купується й продається. Людське життя? Будь ласка: Лістьєв, Гетьман, Дерев'яно, Олійник... Нещасний Георгій Гонгадзе, якому й голову відрубали, й шкіру з нього, мабуть ще живого, зняли. А тепер ось Ігор Александров, забитий в офісі бейсбольними битами на початку робочого дня. Що це за держава? Що за правоохоронні органи? Що за СБУ? Все це просто оперета! Людей убивають, убивають, убивають, а вбивць і замовників не знаходять! Чому? Може, вони перемішалися — замовники, розслідувані і вбивці?! Тоді й справді з такої чехарди, з «кучі малої» не виберешся і ні в чому не розберешся.

А що оце на очах ошелешеного «цивілізованого» світу витворили з банком «Україна»? Єдиний банк, який обслуговував сільське господарство, або «аграрний сектор», розікрали можновладці. Парламентській комісії Нацбанк,

який за все це відповідає або мав би відповідати, не показав навіть банківських документів?! Що ж це, як не прикриття злочинів? Які можуть бути таємниці у збанкрутілого чи розграбованого банку? Звичайно, тільки ті, хто саме розікрав його, хто привласнив його активи. Беріть і тягніть до суду чи одразу ж садіть у буцигарню! Не судять і не садять. А якщо й судять, то для проформи. А якщо й садять, то для «блізіру», як кажуть в нашому селі: Кудюкін он украв «під високою руководящою» Чорноморське пароплавство, перейменоване для зручності в «Бласко», а це ж стільки океанських пароплавів, скільки днів у році! Перевів під ту «високу руку», як твердять полковники з «Антимафії», валюту, сам відсидів рік чи півтора — і вже на свободі «за станом здоров'я». А стан здоров'я такий, що організовує, тепер уже під патронатом церкви, нове пароплавство, щоб і його вкрати. Рекламу дає в газетах!

І ніхто ніби й не бачить і не чує. Яка ж може бути довіра до такої, з дозволу сказати, влади? Починаючи з Лазаренка, що вкрав мільярди, будучи прем'єром, і перевів їх по всіх світових банках на найвіддаленіших островах в океані і материках, де й досі знаходяться нові й нові багатомільйонні рахунки, у нас для таких багатіїв не існує ні законів, ні слідчих та каральних органів, ні судів. Якщо й затримують, заарештовують і судять, то тільки в інших країнах. Що ж це таке? Як це називається? Корупція? Продажність? Суцільний бандитизм?

Але... Якби хтось прийшов і спитав: хто ми? Яку б відповідь він почув?

Про духовність я вже й не кажу. Серед так званої «еліти» панує або кланова кругова порука, або розбрат і відчуження. Наклепи, плітки, політична зашореність, перебільшене уявлення про власну персону, гіпертрофоване

самолюбство, самозакоханість отруюють взаємини, творчу атмосферу, скажімо, в Спілці письменників. А з літератури, як відомо, все починається: і кінематограф, і театр, і опера — з сценарію, п'єси, лібрето. Тому й вважалося Спілка письменників донедавна провідною творчою організацією України і Союзу.

Заради справедливості треба зазначити, що ці вади, на жаль, загнуздилися поміж українцями здавна і отруювали життя. Вони заважали не лише дружити, а й жити у мирі та злагоді. Будувати свою державу теж заважали й заважають.

Але ми й зараз оспівуємо «на користь чи в догоду» вихованця єзуїтського колегіуму Виговського — шпигуна Ватикану і Жечі Посполитої, що зраджував Хмеля таємно за його життя і відверто — по його смерті?! Возвеличуємо його як великого стратега і полководця, рядимо в шати українства, вкладаємо в уста народну (здебільшого — подільську) говірку, а обранця Бога — Богуна, найвидатнішого та найосвіченішого з наших полковників, героя нашої історії, дум, пісень та переказів, садимо в куточок на лаві, в самому порозі, мало не в кочергах, і затикаємо йому рот! Наче він ні голосу, ні авторитету не мав серед товариства, поміж старшиною й козаками. Але ж це — неправда. Справжнісінька брехня!

Богуна всі любили. Більше, ніж Хмельницького! Тому й славили і славлять його й досі у піснях та думках. А тоді по всіх усядах співали про нього кобзарі — ці сліпі наші Гомери.

А польське панство боялося й ненавиділо його. Хоча й захоплювалося його подвигами ратними, героїчною вдачею і вродою. Бо й серед них, шляхетних, мало знаходилося таких, як він, гречних та відважних. І навряд щоб хтось з їхніх полковників зрівнявся з ним у знаннях артилерії та

у високій майстерності фехтування, яких він набув, як твердять перекази, в Італії та Франції. Недарма ж і досі ходять легенди про його знамениту «метелицю» — новий прийом в шабельнім герці, проти якого не встояли ні Сапега, ні Ян Собеський.

Саме ж Богун, замінивши полоненого татарами гетьмана, вивів з оточення козацьке військо через болото. Інакше трагедія під Берестечком була б ще фатальніша. Але й там лишилося багато нез'ясованих обставин: чому, наприклад, гетьман, подавшись за татарами, щоб повернути їх на поле бою, взяв з собою генерального писаря, котрого мав би залишити замість себе? Існує багато здогадів та припущень. Є й такий: боявся, що Виговський схилить старшину до покори своєму сюзеренові, польському королю!

А ось що пише у «Дзеркалі тижня» Микола Метьолкін до 350-ліття Берестечка: «10 липня (1651 року. — *О.С.*) вінницький полковник Богун, обраний новим гетьманом, приймає рішення відігнати Лянцкоронського з правого берега річки Пляшеви... Чому Богун не попередив тих, що залишилися, — невідомо. Польські джерела (знову польські, ніби своїх немає! — *О.С.*) стверджують: у козацькому таборі починається паніка, багато хто кричить, що Богун покинув усіх напризволяще. Козацькі полки починають відходити до переправи. Конецпольський, бачачи, що суперник відступає, кидає свою армію на відступаючих і особисто кидається в бій. За свідченнями польських істориків (а де ж наші? — *О.С.*), на переправі починається розгардіяш, мости не витримують, сотні козаків падають в Пляшовець та Ікву, багато їх тоне, частина робить спробу прорватися, кинувшись на поляків». Якщо вірити чужим свідченням, картина страшна й принизлива!

А все починається з недовіри. Звідки у нас ця риса? Чому ми такі підозріливі? Мабуть, тому, що нас дуже багато зраджували: і турки, і татари, і литовці, не кажу вже про поляків, що садовили на кіл кожного, кого ловили із зброєю в руках. Історична пам'ять вибіркова і жорстока!

Як нам витруїти із свого духовного світу синдром недовіри і підозрливості? Відповідь — за сімома замками! Бо й нинішня ситуація в незалежній Україні, особливо у взаєминах керівної верстви з населенням, мало дає підстав для довіри. Дуже мало! І Берестечко — із зрадою татар та з підступністю короля Яна Казимира та колишніх православних князів Острозьких та Вишневецьких, що перейшли в католицизм на початку XVII століття й лютували гірше за правовірних католиків, — Берестечко у нас в крові!

Спасибі невгамовній, невсипущій та незрівнянній Ліні Костенко! У нас тепер є її блискучий роман у віршах — «Берестечко»! Читаючи в її інтерпретації «тую славу» чи, скоріше, неславу, нашу найтрагічнішу поразку, лікуймо свої душі від зневіри, недовіри й підозрливості. Шануймо своїх предтеч і свою історію, якою б трагічною вона не була! Бо це ж наша історія — іншої немає й не буде! А сучасне й майбутнє виростає з нас, таки з нас, хоч ніхто нас не чує, ніхто нас не бачить, ніхто з нами не рахується. Але історію творять не тимчасовці, не грабіжники свого народу, тим більш не зайди — а таки ж Народ! У які б злидні його не вганяли...

Нині ми переживаємо ще одне Берестечко. Хай і не в битві, хай і без прямого кровопролиття, але втрати наші — колосальні! Історики твердять, що армії Яна Казимира і Богдана Хмельницького мали приблизно по сто тисяч воїнів. Що ж ці сто тисяч козаків і посполитих з косами порівняно з 400 тисячами щорічних втрат України

нинішньої?! Замислімося над цими страшними втратами! Які реформи, який ринок, які «нові власники» на селі виправдають ці втрати?! І чи існує взагалі виправдання винищенню, геноциду власного народу, під якими б прапорами вони не провадилися? Чи під ринковими гаслами, чи під гаслами так званої «демократизації», чи під прапорами «повернення в цивілізований світ».

У який «цивілізований»? Де правлять бал долар, злочинність, бездуховність, безробіття, проституція й наркоманія? Торгівля людьми? Злидні й безправ'я, коли не докричешся до держави, до влади, до правоохоронних органів, до преси й телебачення? Який же це цивілізований світ, коли купка спритників обікрала за одну ніч увесь 300-мільйонний народ СРСР, в тому числі й 52-мільйонний український народ, і продовжує «прихватувати» й привласнювати всі наслідки 70-літньої праці всього люду, що відмовляв собі у найнеобхіднішому і працював усе життя не покладаючи рук?!

Хіба ж чесних, розумних людей, світочів науки, культури, літератури і мистецтва, видатних політиків і мислителів не зжили зовсім із світу з настанням так званої незаможності?

Зате колишній член Політбюро і секретар ЦК КПУ з ідеології тут як тут: партквиток і політорієнтацію поміняв — і будьте ласкаві: в славі й шані! І теж не злазить з телеекрану: як тільки новий закон про утиск трудящих, тут і «він» та й йому подібні зі своїми коментарями!

А де ж Борис Олійник? Навіть коли був віце-президентом Ради Європи, доступу на телеекран не мав! Навіть коли після так званої «оксамитової революції» знов таки очолив нашу парламентську делегацію в Раді Європи, не показували його і в найкоротшому телесюжеті — «випускали на

залю» когось із членів делегації, а йому, всенародно відомому поетові і політикові, не давали жодного слова мовити з телеекрану. Доки ж це триватиме?

Доки ми будемо слухати недорік і тугодумів замість того, щоб почути Бориса Олійника, Сергія Правденка з їхнім інтелектом та блискучою ораторською майстерністю, академіка Петра Толочка, поетесу Ліну Костенко. Та й молоді ж уже заявили про себе на повен голос: Дмитро Кремень — новий лауреат Шевченківської премії! Невже й Шевченківська премія дається для того, щоб поети мовчали, доки розглагольствують недоріки, вганяючи усіх нас у сон або у відразу, так що й телевізор неважко зненавидіти!

«Прагматизм! Прагматизм! Прагматизм!» — кричать з усіх амвонів і трибун. А й невтямки, що голий прагматизм убиває душу, романтичні пориви й наміри. Прагматизм убиває любов, дружбу, веде до споживацтва і ставить вигоду, зиск над усім. Прагматизм саме й породжує недовіру, захланність і розбрат. А ті, в свою чергу, руйнують нашу спільну державну економіку, вбивають нашу культуру і духовність.

Булава, «шапка Мономаха» застили світ нашим попередникам у вирішальні періоди нашої історії, позбавляли нас державності, як і тепер змагання за місце біля «корита» заважає нинішнім політикам (а чи ж політикам?) будувати незалежну, суверенну Україну. Будувати, а не «розбудовувати», як тепер, вслід за недолугими діаспорними лексичними вивертами, прийнято називати цей святий для кожного українця процес. То — будували, будували, а тепер «розбудовують»? Тобто — руйнують? Чи як? Так воно й виходить. Так уже й вийшло. Бо з десятого місця серед найрозвиненіших країн світу Україна

опинилася десь наприкінці першої сотні, втративши статус ядерної держави, сучасні виробництво та економіку, позбувшись високих технологій.

А все гроші, гроші, гроші — за всяку ціну! Та все у власну кишеню! Ота проклята диявольська «зелень» з чужої руки отрує (вже отруїла!) все суспільство. Вона небезпечніша за СНІД, бо вбиває не тіло, а душу, нищить людську й національну гідність і гордість.

Принизливо бути рабами завойовників, імператорів, королів, царів. Але не менш принизливо й рабами грошей ставати чи вже й бути.

Як же вам тепер на Україні,
Генії з божественним чолом?
Знову при хазяйському коліні?
Знов перо рівняєте з кайлом? —

запитує Дмитро Кремень у своїй «Пекторалі». І відповіді немає...

...А тим часом думається: хто ж ми?

«Спитай Зорю, спитай Бурю, спитай Хвилю, спитай Вітер: хто ми?» Це запитання, як і можлива відповідь, адресовані всім людям Землі, всьому Людству на віки вічні. Але передусім нам, українцям.

Частіше повторюймо ці віщі, майже божественні слова і задумуймося: чи не жде нас, українців, доля древнього поетичного народу майя?

А може, вона вже вершиться? Бо хто ж скаже нам: хто ми?

І чи можемо відповісти: ми — Земля?

* * *

«ИДУ НА ВЫ...»

По преданию один из русских князей
предупреждал своих врагов, что идет на
них войной.

Вы меня на свой аршин не мерьте,
Не равняйте судьбы, господа.
Равными мы будем только в смерти,
Но при жизни — вы мне не чета.

А настанет срок — и вас отправят,
Как и прочих смертных — в мир иной...
Жили вы вне кодексов и правил
И вне правил бой вели со мной.

И чего вам тихо не сиделось?
Жизнь моя была вам вопреки.
Оболгать в газете — эка смелость!
Эка мудрость — вешать ярлыки!

Вы служили бесам, а не Богу,
Потому и вяли на мели...
Жаль, что так бездарно и убого
Ваши годы долгие прошли.

Вы меня на свой аршин не мерьте
Я, как князь Олег, «иду на вы».
У таланта светлый миг бессмертья,
У хулы — лишь горькое «увы...»

ОГЛЯНИСЬ ВО ГНЕВЕ, АМЕРИКА!

Сколько у тебя врагов? Почему они такие злые? Почему так ненавидят тебя, Америка? Задумайся! Ибо ты сеешь зло и ненависть, а называешь это демократией. Ибо ты насаждаешь «новый мировой порядок на все века» по человеконенавистническому плану Аллена Даллеса, а называешь это «справедливым режимом наибольшего благоприятствования». Да только для кого? Для США?

Кто же, как не ты, Америка, насаждая идеологию чистогана, губишь всю финансовую систему мира господством абсолютно ничем не обеспеченного доллара? Кто же, как не ты, поклоняясь ему, доллару, знаешь, что за всё в этом мире нужно платить?!

Ибо в нём, в этом не очень белом мире, все взаимозависимо и взаимосвязано: ничто из ничего не возникает, решительно ничто не исчезает бесследно, как материя, а только переходит из одного состояния в другое.

Кто же, как не ты, Америка, после эпохи Возрождения... возродила давно отмершее рабство в совсем иной социально-экономической формации?! Ты охотилась в Африке на негров, словно на диких зверей, ловила их и вывозила

за океан на свои плантации, чтобы самой не работать, а только считать барыши — те же самые прибыли любой ценой! Из 10 несчастных ты довозила одного — остальные погибали в трюмах без пищи! Ты думаешь, они это забыли? Их внуки и правнуки ненавидят тебя, хваленая Америка!

Не кто-то другой, а ты Америка, истребила благородных мирных индейцев, создавая для себя «жизненное пространство» на их благодатных землях! Их потомки до сих пор проклинаят тебя!

В XX веке ты, Америка, — ты, а не кто-то другой! — совершила самое большое преступление в истории человечества: 6 августа 1945 года, без какой-либо военной необходимости, сбросила атомную бомбу «Малыш» (видимо, «Беби», по-вашему) на беззащитную Хиросиму, а 8-го — на Нагасаки! Погибло в один миг свыше 250 тысяч человек! Ты думала, Америка, Небо и Человечество забудут это неслыханное и невиданное преступление?! Это варварство? Это злодеяние? И не надейся, Америка!

Кто же, как не ты, Америка, залила напалмом и оранжевыми ядами работающий и мирный Вьетнам, потерпев там позорное поражение?!

Кто же, как не ты, Америка, разорвала пополам Корейский полуостров на шесть десятилетий разъединив единый народ?!

Кто же, как не ты, растоптала маленькую Гранаду, и она под твоим солдатским сапожищем только вздохнула, как грудной ребенок. Если успела.

Ты убила, Америка, многих своих президентов, хвастаясь «демократией». Вспомни об убийстве осенью 1963 года любимого президента всех американцев Джона Кеннеди, а со временем и его брата Роберта — министра

юстиции, чтобы не копал чересчур глубоко. Убийцы и до сего дня не найдены! А дело — закрыто.

Тогда же в Мемфисе ты застрелила Мартина Лютера Кинга — пламенного борца за мир!

Ты ввела средь бела дня, без всякого повода, свои войска в беспомощную Панаму и похитила ее законноизбранного президента! Еще и хвастаешься этим насилием и поныне. Хотя и твердишь, что в демократической стране только суд может назвать настоящего виновника. А как же презумпция невиновности, а? Может она существует для других обвинителей, но не для тебя, Америка?!

Ты провела «Бурю в пустыне» и «Шок и трепет» и до сих пор уничтожаешь Ирак перманентными ракетными атаками и бомбардировками.

Не кто-то другой, а ты, Америка, разорвала на куски и уничтожила суверенное государство — Союзную Федеративную Республику Югославию в центре Европы! А потом на глазах так называемого цивилизованного мира бомбами и ракетами, даже «Томагавками» подводных лодок с акватории Адриатики стирала с лица земли Белград, Нови Сад, другие города прекрасной страны, бомбила колонны беженцев с женщинами, детьми и стариками! Разрушила исторические, едва ли не самые лучшие в Европе, мосты через Дунай.

Это твои бомбы, Америка, попадали в родильные дома и убивали рожениц и грудных детей! Попадали «точечными ударами» в детсады и убивали деток, которые только становились на ноги и учились говорить! И это — демократия? Миротворческие акции?

Это с тебя, Америка, бандиты-террористы берут пример — с твоих бесцеремонных военных вмешательств в дела суверенных государств под флагом «национальных,

стратегических и экономических интересов США» в любом регионе мира — на далеких островах и континентах!

А теперь они, наученные твоими вероломностью и бесцеремонностью, за 20 минут поставили и тебя, Америка, на колени и навсегда сбили с тебя спесь зазнавшейся «сверхдержавы»!

И я — чудом уцелевший солдат второй мировой войны, в которой мы были союзниками, 29 апреля 1945 года почти убитый в центре Берлина и чудом спасенный только 9 мая, в День Победы, — обвиняю тебя, Америка, перед лицом твоего бедствия: ты сама породила его своей экспансионистской международной политикой, потворством террору, если он приносил тебе выгоду! Ты породила и свое страшное бедствие, и тех отчаянных террористов-камикадзе: они возникли из злого мщения за твои корыстные, несправедливые, захватнические действия, зазнавшаяся Америка!

Что бы дальше ни произошло, какие бы методы мщения и отплаты не применились, тебе, Америка, все равно придется менять свой норв! Ибо твои действия по отношению к перечисленным выше и неперечисленным странам и народам — это ни что иное, как государственный терроризм! Будем называть вещи своими именами, без каких-либо эвфемизмов. Ибо перед лицом трагедий не только для тебя, Америка, но и для всего человечества иносказаниям и завуалированности места не должно быть!

Присоединяясь к вселенскому сочувствию жертвам террористических актов, которые являются, прежде всего, началом или олицетворением войны третьего тысячелетия, не могу не указать человечеству с высоты своего военного и житейского опыта на его лицемерие: почему же вы, жители планеты Земля, европейцы, не объявляли траур по растерзанному Вьетнаму? А ранее — по Хиросиме и Нагасаки,

стертым с лица Земли атомными атаками без военной необходимости? Почему не плакали и не голосили над растерзанной на ваших глазах, заброшенной бомбами и ракетами Югославией? Аплодировали «миротворческим акциям»?

Но ведь там гибли такие же незащитные люди, как и в Нью-Йорке и Вашингтоне! Только там, в Белграде и в городе Нови Сад, были еще и роженицы с грудными детьми! Старики, женщины, девушки и дети! Которых в небоскребах-близнецах и в Пентагоне не было. На наше и на твое счастье, Америка. Ты оглохло, ты ослепло, человечество! Ты превратилось в лакея «сверхдержавы»! Или в тебя уже навеки вошел яд двойных стандартов, насаждаемый, снова-таки, не кем-то другим, а США!

Или уже и не люди — в Югославии, в Сербии, в Хиросиме и Нагасаки, в Ираке и Вьетнаме?! А настоящие люди живут в данное время только в США?

Тогда — что же такое оголтелый расизм?

Но именно из них, граждан Америки, как результат телевизионного и всякого иного насаждения терроризма, насилия, пыток и изнасилований, родились террористы-камакадзе, которые уничтожили всемирный торговый центр — символ мамоны и наживы, а также главнейшее крыло Пентагона — символ «непобедимости» армии США.

Оглянись же во гневе, Америка! Ты пожинаешь плоды своей всемирной экспансионистской политики и бездуховности!

Ненависть, как известно, порождает ненависть, мщение — мщение! А угнетатели, хоть сколько их было в истории человечества, непременно гибли, забытые и проклятые! Не ступай в их следы, Америка! Не надевай на себя мундир мирового жандарма. И запомни: жандармы никогда и нигде не были демократами...

СТОЛЬКО ГРУСТИ В ТОЙ ПЕСНЕ...

...Предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу, — все это мы будем ловко и незаметно культивировать.

Аллен ДАЛЛЕС

К сожалению, слово о Годе России в Украине приходится начинать с этой цитаты. Еще отвратительнее и ужаснее звучит стратегическое намерение: «Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, непоправимого угасания его самосознания».

Эти изуверские намерения извечных врагов России всплывут в памяти, когда у дворца «Украина» увидим на противоположном тротуаре скудненький, но крикливый «гурт» с плакатами: «Путин! Возвращайся в Москву!», «Москали! Прочь из Украины!», «Нет и не будет прощения России за голодомор в Украине 1932—1933 годов!»

— Вот вам, Галина Дмитриевна, — говорю жене, — «план» Аллена Даллеса в действии. Как можно обвинять

Россию в голодоморе, когда в ней самой вымирали Дон, Кубань, Ставрополье, Яик Пугачева — Урал, все Центральное Черноземье: Белгородская, Воронежская, Курская, Орловская, Тамбовская области, не говоря уже о Нечерноземье?!

А сам себе думаю: это же какую хитрую, экспансивную и непрерывную агитацию и пропаганду ведут наши общие враги, чтобы натравить на братскую Россию украинский народ?! Оболванить хотя бы какую-то часть его!

Горько и больно видеть последствия этой пропаганды, этого сатанинского «плана», обманутых своих сограждан...

— Не туда бьешь, Иван, — высунувшись из машины, напоминаю им реплику мифического Коня из фильма Довженко «Иван». Но они меня не слышат через широкую Красноармейскую улицу, переименованную в Васильковскую. Да и из-за собственных выкриков. Ибо кричат без умолку одно и то же: «Позор!», «Прочь!», «Позор!».

— Наверное, хорошо заплатили, коль так кричат, — ухмыляется какой-то прохожий и идет дальше...

Мы и сами — жертвы голода: весной 33-го умрет от голода мой дед Дмитрий Чорнуха, бывший лейб-гвардии Семеновского полка гренадер, а у жены — 32-летний отец, бабуня Параня, две маленькие сестрички-близняшки. А тетка Гашка, вдова, подхватит целый выводок своих детей и четырехлетнего Галиного братика Сашку и рванет с ними куда глаза глядят — аж в Ташкент — «город хлебный». Там они и выживут среди сердобольных узбеков.

А наша семья выживет потому, что отец осенью 33-го уйдет из села в соседнюю Бармашовку, поступит на работу в совхоз имени Кагановича, который там организовывался. И мы будем получать по карточкам 1 кг 400 г хлеба на четверых.

Россия страдала от голода так же, как и Украина, как Белоруссия, а возможно, и больше. Сябры-то спасались бульбой.

Так разве можно обвинять Россию в голоде 33-го, если она подвергалась геноциду, осуществляемому последователями Троцкого, а не только и не столько Сталиным. Вспомним, кто правил тогда партией, правительством России и Украины? Недаром Борис Олийнык еще на Съезде народных депутатов СССР, а потом и с трибуны Верховной Рады Украины неоднократно призывал поименно назвать всех виновников голода, раскулачивания и расстрелов 37-го года!

Но все так и остается за семью замками и печатями. Может, и действительно, как утверждает Олег Черногуз, «настоящие фамилии — в архивах»?! Но до тех архивов не достучишься.

Так правомерно ли, справедливо ли обвинять в своих страданиях таких же братьев-мучеников?! Как и мы.

А открытие Года России в Украине началось гала(!)-концертом во дворце «Украина» с участием обоих президентов, которые именно в эти дни вели напряженные двусторонние переговоры. Тщательно продуманный и блестяще проведенный известным музыковедом Святославом Бэлзой концерт доставил настоящее эстетическое удовольствие. После многолетнего перерыва мы снова увидели знаменитую и несравненную «Березку» — такую же утонченную, грациозную, истинно народную, как и во времена ее родоначальницы и бессменного художественного руководителя Н.С.Надеждиной. Хотя её самой уже давно нет...

— «Березка» принесла нам настоящее наслаждение, — скажет на следующий день художественный руководитель

Народного хора имени Веревки Анатолий Авдиевский. — Как радостно и как здорово, что нашлись и сегодня молодые люди — последователи Надеждиной! Нам крайне необходимо во времена бездуховной масс— и поп-культуры хранить народные традиции! А «Березка» как раз и является ярким воплощением русских и славянских народных традиций.

И действительно: как плавно плывут лебедками по сцене, а точнее — будто парят над сценой словно во сне, не переступая с ноги на ногу, а как бы трепеща, словно на ветру, высокие, стройные, тонкие станом и гибкие, благородные девы-ангелы, юные жены-княгини в русских сарафанах под любимую с детства мелодию и милые слова «Во поле береза стояла...»! Невольно удивляешься: а при чём здесь «гала»? Кто навязывает яркому, сугубо национальному искусству этот чужой и чуждый термин из лексикона «шоу-бизнеса»? Для чего? Чтобы ублажить «дядю Сэма»?

И тут вспоминается Шекспир: «Не все благополучно в Датском королевстве» — в переводе Гнедича или Жуковского.

Так же, как «Березку», встречают овациями и группу «Любэ» во главе с Расторгуевым. Сам давно симпатизируешь этим одаренным музыкантам, но радуешься и удивляешься, как после первых же слов или только музыкального вступления к каждой песне зал буквально взрывается аплодисментами. Тут уж и Договор о границе, только что подписанный президентами, и сама граница оказываются бессильными перед настоящим искусством, идущим от старинных народных напевов, талантливо осовремененных ритмизированным выполнением группы «Любэ», и особенно — её руководителя Николая Расторгуева, кото-

рый величественно и уверенно держится на сцене. Но никак не самоуверенно. Чувствуется уважение к публике. Но совсем не заискивание перед ней. Не притязание на её любовь и благосклонность любой ценой! И в минуты восторженных оваций Расторгуев — гордый, мужественный, сдержанный.

Но больше всего из всех выступающих растрогает и взволнует удивительное трио «Реликт» — заслуженные артисты России Александр Никеров, Александр Кондратов, Вячеслав Моюнов, о которых мы в Украине до сих пор и не слышали.

«Реликт» — слово хотя и чужое, но точное: среди эстрадного хлама эти ребята выделяются высокой вокальной культурой. Да и репертуаром. Их волшебное, мягкое и нежное созвучие напоминает чем-то грузинское многоголосье и остаётся в своём дивном звучании генетически русским. Когда они запоют под гитары «Бубенцы» А.Баккалейщикова на слова А.Кусикова, зал затаит дыхание:

Слышен звон бубенцов издалёка —
Это тройки знакомый разбег...
А вдали, расстилаясь широко,
Белым саваном искрится снег...

Как давно не слышим в Украине этот волнующий, до боли родной романс!? Старинный, почти забытый из-за наших хлопот о хлебе насущном в этой растерзанной «реформами» и безработицей действительности. Зал сначала замрет, а потом, опомнившись, взорвется аплодисментами, закричит «Браво! Бис!» и уже не остановится — будет поддерживать певцов аплодисментами в такт динамичному припеву. И откроется нам в этой песне бескрайняя даль России, которая уже забывается понемногу в эйфории суверенизации, а потом — в разочаровании ее последствиями.

Представится песенная и житейская удасть России и станет кого-то и чего-то жаль. И захочется кого-то звать и сейчас же видеть, давно уже не виденного и милого, родного. И сладко, и печально вспомнятся под эти слова и мелодию любимые и незабываемые Чехов и Бунин — все удалилось-отдалилось и стало еще милее. А с этой песней-романсом воскреснет и приблизится снова, еще милее и роднее в своей первозданной красоте. Такое близкое твоему сердцу и естеству, твоим вкусам и пристрастиям. И вдруг Танеев, Григорьев и Варламов приблизятся и отзовутся в твоей памяти своими мелодиями, живущими и звучащими в твоей душе, в твоём сердце ещё с юности:

Столько грусти в той песне унылой,
Столько грусти в напеве родно-ом,
Что в душе моей холодной, остылой
Разгорается сердце огне-ем...

Эта песня, к сожалению, не прозвучит в концерте во дворце «Украина», но она «реет и вьётся» над выступлением чудесного «Реликта», озвучивая и словно подсвечивая его своей грустью, как освещаются реликтовые сосны предзакатным солнцем в нашем урочище Конча-Заспа.

Но еще сильнее, до слез, взволнует трио «Реликт» песней из фильма Юрия Бондарева «Тишина» — «У незнакомого поселка, на безымянной высоте». Здесь сразу же вспомнится Юра — ровесник и друг мой по войне и литературе. А также другой его роман — «Горячий снег», к которому эта песня подошла бы еще больше. И трагически-героическая судьба нашего поколения — судьба поколения десятиклассников 41-го — вспомнится тоже. И я не выдержу эмоционального напора этой дорогой для меня песни — разрыдаюсь...

И именно в это мгновение почувствую, осознаю: нас никогда и ни за что не разъединят границы, закон о которых подпишут президенты! Нас не разъединит никто и ничто! До самой смерти. Ибо и Судьба у нас одна. И война одна — Великая Отечественная: мы — ее солдаты! А солдаты никогда не предадут товарищей! И Отчизна у нас одна — Великий Советский Союз! И не отвернем от него лица свои, память свою, сердца свои, пока живы!

Хоть и живем сейчас в разных, «независимых», государствах, но любим своё Великое Отечество одинаково: Юрий Бондарев — в России, а я — в Украине. Ведь там, в той Великой Стране, а не в этом буржуазном, капиталистическом Содоме и Гоморре, с березовскими, гусинскими, чубайсами, абрамовичами, суркисами и волковыми, пинчуками и ахметовыми росли мы, учились, воспитывались, воевали, любили и трудились, растили детей и внуков, жили, а теперь доживаем. Такие размышления, ассоциации, настроения и воспоминания навеет открытие Года.

После концерта нас пригласят на «а ля фуршет», на котором Святослав Бэлза в смокинге с черной бабочкой будет порхать между столами, президентами, гостями с бокалом шампанского, довольный выполненной миссией, похвалиться, как он скажет, «военным блоком» концерта, введенным и срежиссированным им самим. В этом «блоке» после песни «У незнакомого поселка...» прочтет отрывок из мемуаров Жукова, посвященный освобождению Киева, Народный артист СССР лауреат Ленинской премии Василий Лановой.

А меня Святослав Бэлза познакомит с министром культуры России:

— Швыдкой, — подаст холеную руку негнущийся, самодовольный и вальяжный господин и вновь сложит руки на тугом животе.

И впечатление от концерта как бы померкнет: именно этот «Швыдкой» на расправу господин вычеркнет из юбилейного комитета к 100-летию Шолохова самых выдающихся писателей России Юрия Бондарева, Валентина Распутина, Василия Белова. С чего бы это? Федор Абрамов, Владимир Солоухин, Виктор Астафьев, Евгений Носов — не говоря уж о старших — умерли. Кто же останется в этом, с позволения сказать, комитете? Кто будет отмечать юбилей лауреата Нобелевской премии, Величайшего писателя XX столетия Михаила Александровича Шолохова? И что это за Россия, что в ней какой-то Швыдкой вычеркивает самых выдающихся ее писателей?! Кто правит тобой, Россия? Один Президент Путин за всем не углядит. А такие «помощнички» в аккурат и подведут его под белый монастырь!

Я не вмешиваюсь во внутренние дела России, боже сохрани! Я только высказываю свои огорчение и удивление и за них готов просить прощения. Но, поскольку Россия мне близка и дорога, очень остро воспринимаю все негативные явления не только в экономике да социальной сфере, а прежде всего — в литературе.

Очень огорчит меня, что в выступлениях обоих президентов на открытии Года России в Украине не вспомнятся ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Чехов, ни Достоевский, ни другие гении XIX столетия — «Золотого века» Великой русской литературы. А начнется отсчет почему-то от Анны Ахматовой. Да, достойная, талантливая поэтесса. Как и Пастернак, Мандельштам, кто там еще? Но ведь не они определяют величие Русской литературы? И начинается она не с «Серебряного века» — салонного, богемного, бударного и почти альковного. Тютчев и Фет, Горький, Бунин (первый Нобелевский лауреат русской литературы!),

Куприн и Есенин, Маяковский и Шолохов, Твардовский и Симонов — огромные таланты, гении. Но их даже не вспомнили президенты. Невольно подумается: а не тенденция ли такая — замалчивать русских гениев?

Именно поэтому обращаюсь к Путину, прикреплявшему мне орден Дружбы:

— Владимир Владимирович, позвольте прочесть «Родину» Лермонтова — всего три строфы.

— Пожалуйста, — Президент России быстро и крепко возьмет меня под руку и подведет к микрофону.

С замирающим сердцем, еле сдерживая волнение, встану перед двумя десятками русских, украинских и зарубежных телекамер, перед награжденными и представителями обоих правительств, пришедших из-за стола переговоров на вручение и стоящих под знаменами России и Украины:

Люблю Отчизну я, но странною любовью:

Ее не победит рассудок мой...

Ни слава, купленная кровью,

Ни полный гордого доверия покой,

Ни темной старины заветные преданья

Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю — за что? Не знаю сам! —

Ее степей холодное молчанье,

Ее лесов безбрежных колыханье.

Разливы рек ее, подобные морям...

Проселочным путем люблю скакать в телеге

И, взором медленным пронзая ночи тень,

Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,

Дрожащие огни печальных деревень...

Не знаю, звучала ли когда-нибудь поэзия в Зале Государственных наград Администрации Президента Украины? Но на стихи Лермонтова мне аплодировали гораздо

сильнее, чем при вручении ордена. Аплодировали даже телеоператоры из-за своих грозных камер на высоких штативах. Может, удивляясь, что знаю наизусть Лермонтова? А Президент России, кажется, даже побледнеет — так на него подействуют изумительные эти стихи. Впрочем, это, возможно, только покажется...

После вручения наград подниму тост за братство наших литератур, за аристократизм, привнесенный Пушкиным в русскую поэзию, по сравнению с которым потускнеет и покажется натянутым и слишком чопорным английский аристократизм, а французский окажется фривольным, легкомысленным и даже фиглярным. Пушкинским народным аристократизмом оплодотворится и наша новейшая литература, начиная с Шевченко, продолжится Коцюбинским, Лесей Украинкой, Яновским, Гончаром, Линой Костенко, Винграновским, Борисом Олийныком.

И прочту двестише:

Все сроки кратки в этом мире,
Все превращенья — на лету!

— Все думают, что это Пушкин? Нет, это Твардовский. «Вот стихи, а всё понятно, всё на русском языке».

Прочтя эти стихи, отдам честь и Твардовскому, и живым, и мертвым товарищам, и России да её Великой литературе, подставлявшей своё могучее крыло всем братским литературам Советского Союза.

Если удалось хоть как-то сказать о наших литературах, буду считать, что недаром получу награду из рук Президента России. Ибо литература ныне не в чести: сидит где-то за порогом, как та сиротка, что «А я в попа обідала», о которой так сочувственно написал наш гениальный Кобзарь.

* * *

Я УБИТ ПОДО РЖЕВОМ...

Я убит подо Ржевом в безымянном болоте,
В пятой роте, на левом, при жестоком налете.
Я не слышал разрыва и не видел той вспышки —
Словно в омут с обрыва — и ни дна ни покрышки!
И во всем этом мире, до конца его дней —
Ни петлички, ни лычки с гимнастерки моей...
Я — где корни слепые ищут корма во тьме,
Я — где с облачком пыли ходит рожь на холме.
Я — где крик петушиный на заре, по росе,
Я — где ваши машины воздух рвут на шоссе.
Где травинку к травинке речка травы прядет, —
Там, куда на поминки даже мать не придет.

Подсчитайте, живые, сколько сроку назад
Был на фронте впервые назван вдруг Сталинград.
Фронт горел, не стихая, как на теле рубец.
Я убит и не знаю, наш ли Ржев наконец?
Удержались ли наши там, на Среднем Дону?..
Этот месяц был страшен, было все на кону.
Неужели до осени был за ним уже Дон
И хотя бы колесами к Волге вырвался он?
Нет, неправда. Задачи той не выиграл враг!
Нет же, нет! А иначе даже мертвому — как?
И у мертвых, безгласных есть отрада одна:
Мы за родину пали, но она — спасена.

Наши очи померкли, пламень сердца погас,
На земле на поверке выкликают не нас.
Нам свои боевые не носить ордена.
Вам — всё это, живые. Нам — отрада одна:
Что недаром боролись мы за Родину-мать.
Пусть не слышен наш голос, — вы должны его знать.

Вы должны были, братья, устоять, как стена,
Ибо мертвых проклятье — эта кара страшна.
Это грозное право нам навеки дано, —
И за нами оно — это горькое право.

Летом, в сорок втором, я зарыт без могилы.
Всем, что было потом, смерть меня обделила.
Всем, что, может, давно вам привычно и ясно,
Но да будет оно с нашей верой согласно.
Братья, может быть, вы и не Дон потеряли,
И в тылу у Москвы за нее умирали.
И в заволжской дали спешно рыли окопы,
И с боями дошли до предела Европы.
Нам достаточно знать, что была, несомненно,
Та последняя пядь на дороге военной.
Та последняя пядь, что уж если оставить,
То шагнувшую вспять ногу некуда ставить.
Та черта глубины, за которой вставало
Из-за вашей спины пламя кузниц Урала.
И врага обратили вы на запад, назад.
Может быть, побратимы, и Смоленск уже взят?
И врага вы громите на ином рубеже,
Может быть, вы к границе подступили уже?
Может быть... Да исполнится слово клятвы святой!
Ведь Берлин, если помните, назван был под Москвой.

...

Ах, своя ли, чужая, вся в цветах иль в снегу...
Я вам жизнь завещаю, — что я больше могу?
Завещаю в той жизни вам счастливыми быть
И родимой Отчизне с честью дальше служить.
Горевать — горделиво, не клонясь головой,
Ликовать — не хвастливо в час Победы самой.
И беречь ее свято, братья, счастье свое —
В память воина-брата, что погиб за неё.

ЄДНІСТЬ ЧИ РОЗБРАТ?

«Національна ідея не спрацювала» — в цій фразі, що свого часу збурила, а не згуртувала націю, мені вбачається не помилка Президента, а безграмотність його так званих спічрайтерів. Треба було підкреслити: «НАЦІОНАЛІСТИЧНА», а не НАЦІОНАЛЬНА! Вона, націоналістична ідея, яку нам нав'язували та нав'язують і досі, не тільки не «спрацювала», а й роз'єднує українську націю! Бо не може 50 (п'ятдесятимільйонний!) народ, вихований 70 (сімдесят) років у інтернаціональному дусі, одномоментно сприйняти ідеї інтегрального націоналізму, хто б і як би йому їх не нав'язував! Та й чи можна сприйняти ідеї, близькі до расизму?!

Національної ж ідеї як загальнонародної об'єднуючої політичної та ідеологічної платформи у нас і досі не вироблено, не сформульовано. Бо ми ще й досі перебуваємо на барикадах «холодної війни». Чи нас уперто й настирливо розводять на її протилежні фланги, замість того, щоб єднати, згуртовувати, надихати на вирішення болючих, назрілих, складних демографічних, соціальних, економічно-виробничих і духовних проблем.

Купка галасливих політиканів — фанатиків націоналізму — нав'язує народові-трудівникові, народові-мученику, переможцеві фашизму «відрубність», «винятковість»

України, запевняючи, що не було нічого світлого за 70 років Радянської влади: ні індустріалізації, ні культурної революції, що ліквідувала неписьменність, ні перетворення роздрібненого патріархального сільського господарювання на високотехнічну та високоомеханізовану галузь. Не було навіть Великої Вітчизняної війни! Я сам це чув — мене запевняли, що не було й Перемоги над фашизмом-нацизмом! Хто ж їм повірить, отаким «перелицьовувальникам» історії? І хто ж їм віддасть на ганьбу і поталу мільйони полеглих зі зброєю в руках на полях Великої Вітчизняної війни захисників Вітчизни — батьків, дідів, синів, чоловіків чи наречених?! Але не вгамовуються, галасують і досі.

Ця хибна тенденція, за всієї абсурдності, несе в собі величезний руйнівний заряд. Армію, як заявляв колишній міністр оборони Морозов, намагаються (чи намагалися?) виховувати і навчати на «бойових традиціях УПА», ігноруючи й нехтуючи бойовими традиціями славетних Українських фронтів, що здійснили грандіозні стратегічні операції, обороняючи Україну, а потім звільняючи її, розгромивши могутній, вишколений, високооснащений та високоорганізований вермахт на чолі з його класичним генеральним штабом. Оце ті бойові традиції, які гріх забувати!

А з шкільних програм та вузівських курсів вилучаються твори найвидатніших українських письменників тільки через те, що вони — радянські. Але ж вилучаються, що найбезглуздіше та найобурливіше, класики-реалісти: Панаас Мирний, Нечуй-Левицький, Коцюбинський! Тобто під наглядом та під тиском «теоретиків єдиного потоку» у розвитку буцімто безкласової української нації оголошується війна соціальному романові, повісті, драматургії. А замість них нав'язуються твори заокеанської діаспори.

Мовляв, там, за межами Радянської України, тільки й «розвоювалася» українська література! А тут, «за совітів», не було ні літератури, ні культури, ні кіно, ні театру. Гей, панове, схаменіться! «Холодна війна» скінчилася — виходьте із «голосів» та «Дойтше-вале» на поле суверенної України, засукуйте рукави та беріться за роботу! Кидайте к лихий годині мітингову бучу та ейфорію! Не оббріхуйте український народ, якщо він вам рідний! Не обкрадайте його з ідеологічних міркувань, викидаючи собаці під хвіст 70 (сімдесят!) років його історії!

Мабуть, і письменників діаспори треба донести до свідомості підрастаючого покоління, а не виставляти їх єдиними продовжувачами національних літературних традицій. Бо хіба ж може слабенька повістина Івана Багряного про розгром 14 дивізії СС «Галичина» під Бродами замінити «Альпи», «Голубий Дунай», «Злату Прагу» Олеся Гончара?! Так само, як «Жовтий князь» Барки чи твори Уласа Самчука не замінять романів Стельмаха «Хліб і сіль», «Кров людська — не водиця!», «Марко Безсмертний», «Чотири Броди», які теж давно вилучені зі шкільних програм разом з романами Гончара. Про це телефонують мені професори вузів з багатьох обласних центрів України, обуючись таким свавіллям і не маючи змоги протистояти цьому перманентному збідненню й звуженню рідної літератури, з якої й так вилучено вже «Вершники» Яновського, «Бур'ян» Головка, «Вир» Григорія Тютюнника та інші достойні твори українських письменників тільки за те, що вони не відступили з німецько-фашистськими обозами, а залишалися зі своїм народом і ділили з ним і хліб, і сльози, тугу і радість.

А хто і що замінить полум'яну поезію Малишка? Витончену лірику Сосюри, молодого Тичини, Рильського?

Пишуть мені, що вони теж вилучені з програм. Що це діється? На догоду кому? І чому — «відрубно», келейно?! Хто відповідь?

Якщо ж додати до цього наполегливе намагання за всяку ціну «пробити», протягнути галицько-діаспорно-скрипниківський правопис 20—30-х років минулого століття та дві години на тиждень, відведених у школах рідній мові, а 6 годин — на вивчення англійської, то на що ж ми перетворюємо нашу освіту?! Кого ми виховуємо? Новітніх рабів для іноземних плантаторів, що скуплять землю у нашого вимираючого селянства?!

«Горе нам!», — хочеться гукнути вслід за моєю бабусею Гапкою, що перед смертю в окупації на нетопленій печі тільки й сказали:

— Горе та й годі... — зітхнули й тихенько вмерли на сухенькому кулачку виробленої до пергаменту невтомної руки.

Я не горьковський Лука-«утешитель» з п'єси «На дні». Навпаки, я не можу й не хочу миритися з відчуженням! Не можу збагнути затятої ворожнечі між моїми товаришами й друзями по літературі. В чому тільки звинувачували мого друга Бориса Олійника «ура-патріоти»? Навіть у «національній зраді». Ну, і де ж вони, а де він?

Залишмо це запитання без відповіді. Бо й так усе ясно й без мого пояснення. Я й сам страждаю од відчуження моїх колишніх друзів: живемо поруч, у сусідніх дачах, а ніколи ні з Днем Перемоги мене, вбитого у Берліні, не привітають! Ні з Новим роком. Ні з днем народження. Ще й називаємо себе інтелігенцією!

Не уподібнюючись їм, зла на них не маю: вони мені дорогі й зараз, як і тоді, своїми талантами, ностальгією за нашою молодістю та дружбою. А в літературі, хоч як

би нею і хто маніпулював, давно займають високі й почесні місця. Як же я можу не писати про них? Пам'ятаєте в Кіплінга: «Я їв ваш хліб, я пив вашу воду — як же я можу зрадити вас?»

Тому й пишу про них у своїй Книзі Талантів — «Не вбиваймо своїх Пророків!» Бо хіба вона може бути повною без них?

Хочеться лише нагадати те, про що Борис Олійник давно написав у вірші «Треті» — давно і назавжди:

Знову чорне вивели на біле,
Біле заплювали в чорноту.
Пики один одному набили
За свою! За правду!! За — святу!!!

* * *

Доки на мечі кували рала,
На тризуби — молоти й серпи,
Треті загребущо рвали й крали
Від ракет, ікон і до сапи.

Чи треба ще щось додавати?

Гей, братове! Запалімо Люльку Миру за прикладом Гайявати! Та поміркуймо, що нас єднає, а не ставить по різні боки барикад на догоду отим «Третім». Та й усяким іншим спритникам.

ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ — ЗНАЧИТ МЫСЛЯЩИЙ

«Интеллигенция (от лат. *Intellegens* — понимающий, мыслящий) — социальная прослойка, состоящая из людей, занятых умственным трудом (ученые, инженеры, преподаватели, писатели, художники, врачи, агрономы, большая часть служащих). Будучи прослойкой, а не классом, *И.* не способна играть политическую роль в общественной жизни» — цитата из БСЭ.

Ленин: «Она не является самостоятельным экономическим классом и не является никакой самостоятельной политической силой». Не очень почтительное определение!

А Горькому, когда тот пытался защитить интеллигенцию от революционных репрессий, Владимир Ильич скажет еще категоричнее:

— Говно — вот что такое ваша интеллигенция!

Хотя сам из нее вышел и к ней принадлежал.

И в правительстве Ленина, как известно, самоотверженно работали, не щадя своих сил и здоровья, интеллигентнейшие и образованнейшие люди своего времени — Луначарский и Красин, Цюрупа и Семашко, Кржижановский и Менжинский.

А свое оскорбительное выражение Владимир Ильич адресовал тем представителям интеллектуального труда, кто не воспринял Октября, или даже более — встал на путь прямой борьбы против него.

«Деятельность *И.* направляется интересами господствующего класса, которому она служит», — подытоживает БСЭ.

А мы кому служим? Своему народу или компрадорской буржуазии, которая ныне пришла к власти? Но, судя по тому, как относится к интеллигенции нынешняя власть, невольно думается: «А на черта мы ей нужны?»

«Буржуазия лишила священного ореола все виды деятельности, которые до сих пор считались почетными и на которые смотрели с благоговейным трепетом», — это не я говорю! Это сказали полтора столетия назад Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии». Но как в воду глядели: более точного диагноза современного состояния интеллигенции и ее деятельности или бездеятельности (за ненадобностью!) не придумать, не найти.

«Перед *И.* ... ставятся разрушительные, враждебные человечеству цели: производство оружия массового уничтожения людей, создание духовной «культуры», воплощающей звериную идеологию расовой ненависти», — трудно не согласиться и с этим заидеологизированным определением БСЭ, если вспомнить и объективно оценить то, что происходит в мире и что демонстрирует нам наше телевидение: развращает людей нравственно, этически, сексуально! Какой канал ни включи — везде убийства, изнасилования, насилие, пытки крупным планом, взрывы и стрельба, изуверская жестокость, культ грубой силы — все это создает та самая интеллигенция, которая должна нести народу или народам «разумное, доброе, вечное».

А в действительности убивает все человеческое в человеке, выполняя социальный, идеологический, экспансионистский приказ Хозяина «нового миропорядка на все века». Кто платит, тот и заказывает музыку — старая, как мир, аксиома! Однако давайте не забудем взглянуть и на себя в зеркало современности.

И что же мы там увидим? Из всего необъятного разнообразия духовной жизни остановлюсь на самом близком мне — литературе. Интеллигентности в ней становится все меньше! Поперли и у нас на книжные развалы и раскладки детективы, «боевики» местного разлива, сексуальные извращения, убийства, изнасилования. Если литература — это зеркало жизни, то все это, как говорят, имеет место. И никуда от этой беды не денешься. Но смаковать, а тем более воспевать такие перегибы общественного сознания и морали этноса — не что иное, как преступление! Не хотелось бы называть имен, но как здесь не вспомнить «самый прогрессивный» и «самый современный» «Курьер Кривбасса», где появились и «Яйца динозавра» Ульяненко, и «Альтернативный любовный роман» Бринниха, и много другого чтива, авторы которого бросились вдогонку за постмодернизмом, порнографией, бездуховностью и жестокостью.

А тем временем позволяем поносить Шевченко, Лесю Украинку и Ольгу Кобылянскую, отворачиваемся от юбилеев наших классиков.

Уверен, при Советской власти 150-летие Панаса Мирного отмечалось бы на высочайшем государственном уровне — в Опере или во Дворце «Украина» с участием высочайших государственных лиц, величайших ученых, писателей, деятелей культуры, депутатов Верховной Рады,

послов больших государств. А у нас собрали среди бела дня в Доме учителя кого попало и «отбыли номер», поставили очередную «галочку». Ни Президента, ни Премьера, ни депутатского и дипломатического корпуса, ни Секретариата и Президиума Союза писателей, ни Института литературы АН Украины?!

Также и столетие Юрия Яновского — автора гениальнейшего романа XX века «Всадники»: отправили Владимира Панченко с «десантом» в Кировоград. То есть на периферию! А ведь «Всадники» только в Париже издавались десятки раз!

Также и 90-летие Малышко состоялось в Обухове. Такой себе, знаете, «поэт местного значения»?! Изъяли его, как и Яновского, из школьных программ. Изъяли и Андрея Головка. И никого из них даже не планировалось переиздать к юбилеям! А кого же ввели в программы? Кого переиздаем? Диаспору, говорите? Наверное, и их надо. Но ведь не только их?! Ибо тем самым подтверждаем вражью выдумку, что в Украине при Советской власти не было, мол, ни национальной культуры, ни литературы?! Но ведь это — несусветная ложь! Кому-то она, возможно, и выгодна, и нужна. Только не самому народу, за который привыкла думать и всё за него решать та самая интеллигенция, то есть мы с вами! Склонны к конформизму, к соглашательству, к угодничеству и власти, и диаспоре, и тому, кто больше даст!

А у Панаса Яковлевича Рудченко — действительного статского советника — есть и об интеллигенции. Вот, например, страница 35 из повести «Лихі люди»:

«Жук: — Я кажу тільки, що громаді нічого від теперішніх своїх старшин добра ждати. Коли сама не придбає, то даремні її надії!

Шестірний: — Як же вона придбає?

— А ось як... По-моєму, всяк, хто хоч трохи вище став від сірої маси народу, — не лізь у пани, не висисай з народу крові, а віддай народові все, що через його придбав!

Се кажучи, Жук устав — і погляд його світив на всю хату».

Разве это не завет на веки вечные для всех настоящих украинцев? А особенно для нас, нынешних? Но кто же его исповедует? Может, Лазаренко или Кудюкин, укравший целое Черноморское пароходство?

Панство, назвав себя олигархами, господствует в Украине, грабя народ и государство так, как «грапам» Панаса Мирного и не снилось! И вы ждете от них добра? Подождите, подождите — ещё и не то будет! Вот 39-я страница той же повести «Лихі люди»:

— Чиє се поле? — питає він машталіра.

— Грапове, — понуро одказує той.

— А де ж людське?

— Се все грапове: верстов на тридцять уподовж і на двадцять ушир».

Это и есть наше недалекое будущее, господа интеллигенция! Землю пустили в продажу, здесь же и колхозы, и совхозы развалили, и остались старики-крестьяне, всю жизнь на земле проработавшие, с одними актами «на вечное пользование землей». Без тягла, без инвентаря, без сил. Здесь же и инвесторы — будущие «грапы» — появились: землю в аренду забрали, а платить за нее, хотя бы натурой, отказываются! И что ты им сделаешь? «Государство, как тот Пилат, умыло руки, а интеллигенция молчит себе, вытаращив глаза, словно так и надо! — писал когда-то Тарас Григорьевич. И добавлял: «Так и надо, ибо нет господа на небе!»

Зато будут еще и «заграничні грапи»: у них, как писал Стефаник, «грубі гроші». Да еще и зелёные!

Вместо моих несовершенных слов, пусть прозвучит гениальная проза Панаса Мирного. Давайте вчитаемся в нее! Где талант, там и мудрость, там и совесть, там и правда — не только для его времени, но и для нашего с вами:

«І думає він головою: чи то грап його обробляє? Чи копаються його білі руки у сій чорній землі? А серце йому шепче: ні, грап у столиці гуляє; тепло йому й затишно; весело й розкішно: не знає він ні в чому недостатчі, бо не знає і краю у своєму добрі... Тут замість нього німець заправляє: чужими руками землю оре, чужою працею орудує; а жид за те гроші носе... Тепло німцеві, тепло і жидові! Куплене добро, добуте чужою працею, склали на мужичі хури; без краю потяглися вони степом до залізниці, а там — залізний кінь помчить їх до моря, а море підхопить на свої чорні ребра — і понесе по всьому великому світу, по всій широкій землі, кинувши дома стільки, скільки треба, щоб не поздыхали в голоду робочі руки... Добро пішло по світу, а гроші для пана... І гудуть його палати серед столиці бенкетами, грають огнями, блищать золотом... А тут, серед поля, скигнуть голодний люд свою голодну пісню... Стелеться вона вітром на змочених його потом ланах, а сонце їх золотить своїм ясним світлом... Що йому до того, хто плаче, хто скаче? Воно всім однаково світить, однаково гріє...»

Тем, кто добился, дорвался или попал во власти, попробовал ее вкус, воспользовался ее выгодами и льготами, читают классиков, таких, как Панас Мирный, трудно: совесть, если осталась, заговорит и будет мучить. Ведь все мы принадлежим к той же интеллигенции, о которой так пренебрежительно отзывались пламенные революционеры,

классики марксизма-ленинизма, хотя сами из нее вышли. Сейчас ее судьба — и научной, и так называемой творческой интеллигенции — еще более незавидна: она презрительно отнесена к «бюджетникам». Почти к нахлебникам. Как инвалиды войны, с детства, труда. И вспоминают о ней нечасто и неохотно.

Эге-ге! За далью даль таит в себе будущее. А сегодня мы враждуем вместо того, чтобы брататься. И слово правды режет нам ухо и сердце. И товарищи отворачиваются от тебя за высказанную в глаза правду, как и тогда. И нет согласия ни в обществе, ни среди интеллигенции. И вместо того чтобы искать и находить единство и братство, мы уже и на правописание замахиваемся, будто нам нечего больше делать, как возвращаться к концу 20-х и началу 30-х, когда насильно вводились «лямба», «кляса» и т.д. И когда я слышу из уст академиков «интылыгенция», а из уст спортивных комментаторов «футбольсты», мне хочется кричать: «Да не калечьте же язык! Он же нам оставлен предшественниками, и в первую очередь Шевченко, как величайшее сокровище!». А сейчас это ущербное правописание вброшено в наше общество, как вбрасывают шайбу, чтобы начать хоккейные баталии, вплоть до мордобоя...

А здесь — не хоккей. Здесь идентичность нации, посвяительство на словарный фонд, который должен быть еще более неприкосновенным, чем золотой или алмазный фонд!

ТЫ ПЛАЧЕШЬ, СОЛДАТ?

Немало ми воювали, стоптали чобіт рудих.
І якщо мертвих згадати, то я заплачу по них.
А якщо живих згадати, хай заніміє плач:
Друзі ідуть полками! І я серед них — сурмач.
Андрей МАЛЫШКО

Дунай, Влтава — вся Дунайская долина, опоясанная Судетами, тают во мгле. И в просветах между облаками Европа из поднебесья кажется сплошной грядой гор, окутанной грустью долин, синевой рек, темными массивами лесов и перелесков. Не знаю, есть ли в мире что-либо прекраснее Европы? Колыбель муз, искусства и цивилизации. Это наша Земля, Господи!

Богатая Европа — богатая и Чехия. Это замечаешь сразу, поднявшись на борт «Боинга-737» в Борисполе, по одежде экипажа, стюардов (кстати, исключительно мужчин!). Да и по изысканному обеду, который подают сразу по достижении высоты. Еще больше это чувствуется за завтраком в пражском отеле «Пирамида»: шведский стол поражает разнообразием и изысканностью яств и количеством проворных поваров в накрахмаленных колпаках и белоснежных куртках. Кажется, их здесь больше, чем постояльцев.

Впервые «преломив хлеб свой» в Праге, едем на Международную книжную выставку. Бульжники дворов и тротуаров, асфальт улиц и площадей, отвесные готические крыши из глянцевой черепицы разнообразных форм и цветов — все блестит и сияет под дождем непостижимым и непонятным сиянием: над Прагой, как и над всей Дунайской долиной, собираются темные и низкие дождевые тучи. Так откуда же этот блеск, мерцающий и меняющийся свет?

Источники вроде бы и отсутствуют, а свет льется — скрытый, трепетный, но стойкий. От него и Прага кажется добрее и приветливее. Европа как бы сияет своей древней культурой, духовностью и эстетикой.

...Всемирная книжная выставка, куда нас пригласили с трилогией «Советский солдат», идет, как говорят москвичи, «ни шатко, ни валко»: толпы скучающих пражан бродят, слоняются от стенда к стенду по огромному ангару. Здесь и Министерство культуры Испании, и своеобразное «бунгало» Соединенных Штатов Америки, и бутики Великобритании, Германии, Франции, Португалии, Бразилии, Аргентины, Мексики, Уругвая, Китая. Пражане и гости ходят между ними, рассматривают, ни на чем не сосредоточиваясь, переговариваясь, жуют жвачку, едят мороженое, чипсы, грызут жареную кукурузу и орехи, конфетки и шоколад. Равнодушные и спокойные, как волы на подножном корму, когда их распрягут чумаки и начнут варить кашу или кулеш.

Это равнодушие к победе над фашизмом, давшей таковыми неслыханными и небывалыми в истории жертвами, возмущает, вызывает протест. Но обыватель, невозмутимый и бессмертный во все века, не виноват, что презентация книг о Великой войне выливается в глуповатое и развязное «якание»: «Я написал!», «Я издал!», «Я создал!» «У меня есть учебники по истории Второй мировой войны,

которые переиздаются и позволяют мне и поныне безбедно существовать на гонорары от них!»

Да черт с тобой, проклятый саморекламщик-самовосхвалитель! Не о тебе ведь идет речь на Всемирной выставке, посвященной 60-летию Победы над нацизмом! Могилы, могилы, могилы по всей Европе, по всей Азии, Африке, по архипелагам и островам Океании! Помним ли их? Они взывают к нашей памяти, к нашим душам и сердцам!

А те безвестные, «неизвестные солдаты», павшие с оружием в руках на полях битв с фашизмом — в лесах, в степях, погибшие в болотах. Те, кто не вышел из окружений, кто погиб в концлагерях и лагерях для военнопленных, — вот о ком надо говорить, кого вспомнить перед этим грустно-торжественным праздником! А еще лучше — никогда не забывать их. Ни в праздники, ни на тризне. Совсем юным Лермонтов написал когда-то в «Бородино»: «Тогда считать мы стали раны, товарищей считать!» А мы и поныне не подсчитали наших потерь. И обыватель, на чисто лишенный памяти, остается бессмертным, а солдат, убитый на поле боя, обречен на забвение. Беззащитный, как у Редъярда Киплинга:

Из всех беззащитных тварей земных
Мертвый солдат беззащитнее всех...

И дальше, дальше:

Гиены скребут песок без конца
И чавкают, и рычат.
И хаки бедного мертвеца
Клыками вверх волочат.
И вот появился на свет солдат —
Кругом ни друзей, никого...
И лишь гиен глаза глядят
В пустые зрачки его...

Именно эти слова вспомнятся мне в Праге. Как и «Я убит подо Ржевом, в безымянном болоте. В пятой роте. На левом. При жестоком налете. Я не слышал разрыва и не видел той вспышки. Словно в омут с обрыва, и ни дна, ни покрышки! И во всем этом мире, до конца его дней ни петлички, ни лычки с гимнастерки моей...»

Это — великий Поэт XX века Александр Твардовский, которого сейчас тоже забывают. И звучит здесь, в Праге, на Всемирной выставке, посвященной 60-летию Победы над фашизмом, как и везде теперь, чудовищная, оглушительная, бездарная поп — и рок-музыка вместо героических маршей и песен Великой Отечественной войны. По-моему, у союзников их почему-то не было. Почему? Не знаю — не в моей компетенции. Надо бы спросить у историков. А вернее — у психологов: что это была за война — Великая Отечественная? Почему она дала такие образцы народных песен, которых не было ни в одной из войн! А вот этот бессловесный и немелодичный грохот и визг убивает все человеческое в человеке, даже такт, обязывающий помолчать и подумать, вспомнить и погрустить.

«Оглушить бы их трехпалым свистом — в бабушку, и в Бога, в душу мать», — писал когда-то об обывателях Маяковский. Да они ведь и его довели до самоубийства, переступили затем и забыли. А сейчас царствует, властвует над миром господин Обыватель под эгидой насаждателя «нового мирового порядка на все века», лелеющего и холящего, вскармливающего именно обывателя-потребителя и мелкого торгаша, но не гражданина.

Взывай, кричи — он все равно не услышит. Даже ухом не поведет. Вопреки волам из «Пасторали» Шиллера: «Поведут волы ушами вдалеке, вдалеке...»

Ибо обыватель невозмутим в своем закаменелом равнодушии. Ну, а чехам еще в большей мере, чем французам и полякам, выпала очень странная участь во Второй мировой войне — почти сплошь коллаборационистская, соглашательская. Не народ виноват — правители виноваты. Ну а соглашательство и коллаборационизм порождают отворотное и подлое равнодушие к чужим подвигам и смертям — они ведь не наши, чужие! Где-то там, далеко, в других странах и народах гремят бои, там отступают и наступают, терпят поражения и добиваются победы, берут и сдают города, гибнут люди — миллионы людей! Но не у нас ведь, не у нас. Ну и слава Богу, что не у нас. Пусть гибнут другие. Только бы нас не трогали, нас это не касалось бы! Такова идеология обывательщины. А с неё — какая память? О ком и о чем? Поэтому Фучиков в мире немного. Им только и остается, что бороться в одиночку и писать «Репортажи с петлей на шее».

И дойдет ли когда-нибудь судьба и слава погибших до обывателя? Кто их вспомнит, посочувствует и воздаст хвалу? Равнодушие и забывчивость обывателей — страшное зло! Это они обрекают на забвение подвиги и страдания, героизм и гибель 54 миллионов солдат, павших на полях битв с фашизмом с оружием в руках по всему необъятному миру, давно забытому их.

* * *

А вот и потакание обывателю — ушаты помоев на собственную страну, на свой народ, вынесший на своих плечах все тяготы войны и фашистской оккупации. В «Плане для СССР» Аллена Даллеса — Меморандуме Госдепартамента США о необходимости объединения всех «стратегических служб», то есть разведок армии, флота, авиации, дипломатической и экономической разведок в ЦРУ,

говорится: «Недоверие и страх между людьми, вражду и звериную ненависть между народами — прежде всего ненависть к русскому народу — мы будем незаметно и неуклонно насаждать. И на глазах ошеломленного мира будет разворачиваться впечатляющая картина гибели самого непокорного народа на земле, окончательного угасания его самосознания».

Наглядно выполняется этот античеловеческий план в Украине — мы же видим, как насаждается ненависть к самому родному народу-брату, к его языку, культуре, литературе бывшими прислужниками оккупантов, набирающими все больший вес в политике. Горстка их, а своей экспансивностью, наглостью, проникновением в законодательные и исполнительные органы власти, в средства массовой информации они добиваются и уже добились доминирующего положения в идеологической «обработке» широких слоев населения. Незаметно, но настойчиво навязывают свои взгляды молодежи нашей, и без того растлеваемой телевидением, поп-музыкой, порнографией, жестокими и кровавыми боевиками самого низкого качества.

И здесь, в Праге, словно выполняя установки Аллена Даллеса, оказался и среди москвичей некий «якальщик», устраивающий пражанам и гостям чешской столицы нечто подобное идеологическо-политическому стриптизу, дабы любой ценой понравиться обывателю:

— У нас, в России, знаете ли, сперва делают, а потом думают. Раззудись, плечо, размахнись, рука! Наломаем дров, а потом сокрушаемся: что же мы наделали? Сам русский народ не научился думать. И бездарные правители не умели, да и не хотели думать. И его не научили.

Аплодисментов, однако, не было. Наверное, пражане удивились такому саморазоблачению и оплевыванию

собственного народа, и «якальщик» стушевался и замолчал, завершив свое вступительное слово перед презентацией своей книжки. Я посмотрел на московскую делегацию — все сидели, опустив головы, подавленные и ошеломленные.

— Придется мне, украинцу, вступить за Россию и защитить ее от такого, с позволения сказать, русского писательства, — говорю Егору Исаеву, которого с большой радостью встретил здесь, прилетев из Киева. Исаев — мой давний друг, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии за поэмы «Суд памяти» и «Даль памяти», которые понравились самому Твардовскому, и он опубликовал их в «Новом мире».

Егор стройный, худощавый, элегантный и порывистый. Глаза его, как и прежде, молоды, с зеленовато-весенним ироническим блеском.

— Саш-ш-а! — бросается ко мне с объятиями. — Не может быть! — и по-казацки целует трижды. — Это сколько же мы не виделись? Лет тридцать, наверное... — и вдруг останавливается, режет меня холодным взглядом пулеметчика. — А Женя — жена то есть, ушла от меня девять лет назад. Оставила этот не лучший из миров. На тот свет отправилась. Представляешь?

— Еще как представляю, — подхватываю в тон ему. И должен возвращаться, потому что он замер на месте как вкопанный, посреди огромного и высоченного зала, залитого предвечерним солнцем, на миг выглянувшим из летящих туч над Судетами. — От меня тоже ушла Галя два года назад на шестьдесят первом году совместной жизни.

— Вот как? — удивляется экспансивный Егор. — Сговорились они, что ли?

— Пойдем, пойдем, Егор! — беру его под руку. — Нам уже машут от автобуса — пора ехать...

Странно, наверное, мы выйдем посреди высокого зала чужой столицы — два старых солдата отгремевшей войны, о которой почти все забыли. А те, кто пережил её, уходят, уходят, уходят...

Мы теперь уходим понемногу

В ту страну, где тишь да благодать...

Невольно вспоминается Есенин, словно кладет ладонь на сердечные наши раны. «Пора и нам...» — может, подумаем в тот миг оба. И в светлых зеленоватых глазах моего друга блеснет прозрачная слеза и растает, едва лишь солнце снова спрячется в тучах.

Это было вчера вечером. А сегодня утром сидим перед стендом с книгами о войне, выпущенными московскими издательствами. И я сижу среди москвичей. Ведь Украина проигнорировала эту выставку, посвященную 60-летию Победы. По идеологическим соображениям? Или и прислать-то нечего? Великая Отечественная давно уже у нас подменена «Второй мировой». Чтобы и этим отстраниться, дистанцироваться от «чужой» войны, которую вел против фашизма весь украинский народ! Постичь эту позицию невозможно.

Моя трилогия — едва ли не единственное в Украине юбилейное издание к 60-летию Победы? Как это понять? Как объяснить? Сижу среди москвичей, с горечью думаю о нашем странном отношении к своей истории.

— Слышь, Егор, — шепчу тихо, поскольку сидим рядом с «якальщиком». — Придется мне защищать Россию от русского писателя.

— Что ты? Что ты? Возражать ему — только рекламу делать! Ну его к черту. Ты не представляешь, какую хулу

в адрес Великой Отечественной войны и Победы несут так называемые демократические, а по сути, либеральные издания! У нас в Москве обливают помоями Жукова, Космодемьянскую, Матросова, — Егор близко наклоняется ко мне, и я замечаю в его глазах слезы. И удивительно мне, и грустно мне, и сердце сжимается от боли.

И вдруг, как выстрел из-за угла:

— Сейчас презентация вашей книги, — шепчет мне на ухо высоченный Ткач, возглавляющий московскую делегацию.

— Как? Сами же планировали на 8-е!

— Надо спасти положение, — шепчет мне в ухо, пока «якальщик» отвечает на вопросы. — Посмотрите: наш павильон пустой. Никто не слушает, не интересуется такой презентацией.

— Это не презентация, — во весь голос возражает Егор. — Это самореклама, — говорит он еще громче, положив руку на плечо «якальщика». — Не обижайся, Старик, но такого я от тебя не ожидал.

Хмурый и самодовольный «якальщик» хмурится еще больше, но продолжает восседать за столом. Сидит очень долго, пока стенд готовят к следующей презентации.

* * *

Начинается она опять с безоглядного расхваливания моей книги-трилогии в одном томе, полемически названной «Советский солдат». Ведь все советское с 1991 года — после разрушения СССР — втаптывается в грязь. А здесь, перед 60-летием Победы, подчеркивается, что именно советский солдат, Советская Армия победили вермахт. Ибо другой такой страны и такой силы на земле не было!

Особенно расхваливает мою трилогию директор «Московского писателя». Держа перед аудиторией красочно изданный том, как винтовку по команде «На плечо!», он расхваливает на все лады и мою книгу, и меня самого.

— Александр Федорович, — говорю ему тихо, — побойтесь Бога! Мы ведь не собираемся торговать книгой. А только представляем ее. А вы рекламируете, словно собираетесь продавать.

Стручков недовольно прерывает речь, смотрит на меня иронически и снисходительно, как на школьника:

— Докладываю, — обращается во весь голос ко мне, а не к публике. — Вы ни хрена не разбираетесь в презентации! — А переводчице: — Пожалуйста, это не переводите.

— Правильно, Александр Федорович, — поддерживают его Егор Исаев, — патронов не жалеть! Зачем же мы прилетели в Прагу?

Восхваление продолжается, и я чувствую себя так, будто меня раздевают догола.

Высокий, импозантный, в красивом костюме, в белоснежной рубашке с модным галстуком Стручков выглядит прекрасно, кажется международным коммивояжером книжных дел: книгу он держит, как скрипач свой инструмент, и заливаётся соловьем. С книгой он слился воедино. Это его детище, его страсть, его суть и призвание. Кажется: отбери у него книгу — и он упадет. И перестанет быть собой.

Не терплю славословия, но все же люблюсь им. В Праге он чувствует себя как дома: полнейшая раскованность! Ни смущения перед публикой, ни напряжения — все же чужой город, чужая, а то и чуждая аудитория. А ему хоть бы что! Естественность жеста, интонации, осанка русского витязя, а то и римлянина. Демонстрирует книгу,

вдохновенно говорит о ней и... курит! Даже это как-то к лицу ему, придает уверенность.

— Он прилетел сюда не на книжную выставку, — шепчет мне Егор, поблескивая озорными веселыми глазами. — Не иначе как освободитель Праги. Как мы в сорок пятом, когда повернули от Берлина с Первого Украинского фронта на выручку восставшей Праге. А Стручков не умолкает — хвалит книгу, как лошадь на ярмарке.

— Александр Федорович, хватит! — срываюсь с места и хватаю его за рукав, чтобы остановить.

И именно в этот миг вспоминаю, что на мне не праздничный костюм с орденами, а широкая и нелепая куртка морских десантников, в которой так удобно водить машину. Но не выступать перед пражанами.

«Господи, совсем непрезентабельный вид, — с ужасом думаю о себе. — Каким неуклюжим, несуразным кажусь пражанам рядом с импозантным Стручковым!»

— Перед вами, — перехватывает мою руку и подталкивает вперед неутомимый Александр Федорович, — автор этой книги...

Я почувствовал, что пражане разочарованы, видя перед собой бритоголового, очень немолодого (если не сказать — старого) солдата в странном и чужом обмундировании, привезенном сыном из Англии. Именно в таких куртках и беретах высаживались морские пехотинцы королевского флота в далекой Нормандии в далеком 1944 году, осуществляя операцию «Оверлорд». Когда это было? И было ли когда-нибудь?

— Перед вами выдающийся украинский писатель, — продолжает громко, торжественно директор «Московского писателя», как на том аукционе, с которого и привез мне эту форму мой сын.

— Да угомонитесь же наконец, Александр Федорович! — кричу сердито, хватаю его за плечо и усаживаю рядом. Стручков удивленно смотрит на меня, но покорно садится.

— Не хотелось бы преувеличений, — говорю пражанам, которые кажутся мне в это мгновение далекими, чужими и равнодушными.

Мне вдруг, как всегда перед опасностью, становится свободно и ясно в мыслях и на душе. Так всегда было на фронте перед артподготовкой, и особенно перед атакой, когда одним рывком вылетаешь из траншеи на бруствер под огнем врага вместе со всеми. А то и опережая товарищей. В этот миг все тревоги и ожидания остаются на дне траншеи, и веселый азарт, беспшибашная храбрость охватывают тебя, и ты вихрем несешься по нейтральной полосе, на которую мы целыми месяцами только посматривали с опаской. И командиры твои, и товарищи тоже бегут рядом с тобой. Ты видишь раскрытые рты, из которых вырывается это отчаянное «Ура!», заглушающее все тревоги и опасности. Видишь раздутые в надрывном дыхании ноздри, побелевшие лица своих товарищей. Где вы, где, друзья моей фронтовой юности, бойцы и командиры нашей славной Советской Армии?

Травы, пшеница и рожь выросли там, где мы бежали под огнем и падали, срезанные чужими пулями и осколками. А все наши близкие и родные были тогда далеко-далеко от нас! Но мы бежали в атаку для того, чтобы закрыть их своей грудью, защитить их жизнь своей смертью или победой, отвагой и решительностью, перед которыми и смерть не страшна.

Стою перед пражанами, будто перед вражескими траншеями за Вислой или Одером. Только ни друзей, ни командиров со мной уже нет. И никогда не будет!

И все павшие встают передо мной. Перед памятью моей — падают, падают, падают... А нам, живым, вперед, вперед! Пока и наше время не придет. Кто их видел? Гибнущих, падающих? Кто расскажет о них, если не я, чудом оставшийся в живых? Как последний из них, я обязан рассказать о них этим равнодушным людям, которые жуют жвачку, едят чипсы, сучающими взглядами скользят по мне, словно по неодушевленному предмету.

Что им сказать? Ну что сказать им, чтобы развеять это обывательское равнодушие? Хотя бы устыдились. Или хотя бы перестали жевать жвачку и чипсы — вспомнили погибших своих защитников и спасителей, положивших за них жизни! Вон сколько книг на стендах...

* * *

— Эге-гей, пражане! — кричу им. И мощные динамики громко разносят мое обращение по всем пролетам огромного ангара. — Что же вы жуете-чавкаете в Дни воспоминаний о погибших?

Шум и гул прекращаются сразу — наступает тишина. Хотя переводчица и не перевела моих слов — растерянно смотрит на меня. Ей еще не приходилось переводить такое дерзкое обращение. Но публика, как ни удивительно, поняла или подсознательно почувствовала иронию, еще и не переведенную на чешский язык.

— Не раздумывайте — переводите, — говорю переводчице. — Пусть содрогнутся и устыдятся своего равнодушия. Иначе их не вывести из обывательской летаргии, не пробудить совести и памяти.

Профессор славистики Пражского университета, посмотрев в свои записи (и когда успела?), переводит слово в слово, смущаясь и волнуясь. И вся аж покраснелась: лицо, шея, уши. То и дело поглядывает на меня с удивлением

или опаской. И после каждого предложения пьет воду из пластикового стаканчика. «Не делайте длинные периоды», — шепчет с мольбой.

— В известной пьесе Чехова есть убийственная фраза, — бросаю, как камень, в толпу, приближающуюся к нашему стенду со всех сторон и все сгущающуюся. — «Я им о чайке, а они жуют!» А тут речь идет не о чайке — о 57 миллионах погибших на полях сражений с оружием в руках! Мы ведь их забываем!

Здесь я делаю паузу, пока переводчица толкует мои горькие слова.

— И не о книгах наших, выставленных на этих стендах, должны говорить, хвастаясь, а отдать павшим заслуженную дань: они спасли мир и нас с вами от всего того, что нес фашизм человечеству. Что с такой откровенностью изложено в «Майн Кампф» Адольфа Гитлера.

Я тоже волнуюсь — смотрю-вглядываюсь в лица пражан. Ага, и их задело! У меня тоже пересохло во рту, тоже хочется хотя бы промочить горло. Но я не имею права перед пражанами проявлять свое волнение, как это позволяет себе переводчица. Она — женщина. А я — солдат. Терпел и не такую жажду.

— Когда думаешь об огромных потерях в войне с фашизмом, невольно вспоминаются слова Фемистокла — полководца древних Афин: «Мы погибли бы, если бы не гибли!» Он сказал это патрициям, обвинившим его в непомерных потерях в битве на острове Саламин, где он разгромил персов и потопил их флот...

— Остановитесь, — тихо говорит мне переводчица, записывая мое выступление, и начинает лихорадочно переводить, все время заглядывая в блокнот.

— Еще и до сих пор не сказано, каким мощным был вермахт, созданный Гитлером для молниеносных побед — блицкрига. Ибо главной стратегической задачей агитации, пропаганды, прессы и радио была задача развенчать и унижить супостата! Чтобы внушить веру в победу над ним. По крайней мере, у нас, в Советском Союзе. А правда в том, что такой армии — остервенелой, обученной, оснащенной новейшим и самым совершенным вооружением и обогащенной боевым опытом ведения современной войны — мир еще не знал! Ее надо было остановить и победить. И это сделала, как известно, наша Красная, а потом — Советская Армия, что бы о ней сейчас ни говорили. Поэтому и потери у нас такие огромные. Такие горькие наши отступления, окружения, оставленные города и территории. Которые приходилось отвоевывать не меньшими, а может, и большими усилиями, потерями и жертвами.

Переводчица и тут молитвенно складывала руки и просила взглядом остановиться, делать паузу для перевода. И пока она это делала, я вглядывался в лица пражан — фактически посторонних наблюдателей за тогдашними боевыми действиями — и боялся, что они потеряют интерес. Но нет — несколько человек, преимущественно пожилые люди, подняли руки, чтобы что-то спросить.

— И все же, — встал седой интеллигентный мужчина, которого про себя я определил: «профессор», — скажите, все то, о чем вы здесь говорите, отразилось ли как-то в вашей трилогии?

— Да. Она и написана именно для того, чтобы восполнить те пробелы в освещении войны, о которых я вспоминаю. Я пытался абстрагироваться от идеологических штампов и зашоренности, чтобы воссоздать события войны и ее характер как можно объективнее — с временного,

исторического расстояния. Ведь на другой воюющей стороне, вопреки тотальной, развенчивающей и осуждающей политической риторике, агитации и пропаганде, абсолютно необходимой тогда и сомнительной теперь, были люди. Пусть ослепленные и обманутые расовой теорией «юберменш», геббельсовской пропагандой и гитлеровской идеологией, но все равно — это были люди! От фельдмаршалов Манштейна, Рундштедта, Роммеля, генерал-полковника Гудериана до последнего рядового Ганса, Эриха, Гейнца. Были у них не только автоматы «шмайссеры» и винтовки «маузер», но и семьи — матери, отцы, братья и сестры, жены и дети. Как у всех людей. Вот о таких людях мне и хотелось тоже рассказать: об их настроениях и переживаниях — что они думали, что чувствовали, придя на чужие земли, в чужой дом, в чужие страны. Удалось ли это, судить не мне. Но то, что при подготовке этого издания оказалось, что моя трилогия «не состарилась» — читается и через четверть века с интересом, что-то, наверное, значит. Особенно решающие битвы в начале Второй мировой войны и нашей Великой Отечественной в самый трагический ее период!

Интерес усиливается еще и выходом в самые высокие штабы воюющих сторон и даже в кабинеты Гитлера, Рузвельта, Сталина, Черчилля. И даже во дворец императора Хирохито. Поскольку я и Тихоокеанский театр военных действий охватил, начиная с коварных и хитрых переговоров администрации Рузвельта с японской представительной делегацией, когда посла его императорского величества адмирала Номуру держали в приемной по 5—6 часов, не зная, как отвлечь притязания Японии от Южных морей и направить ее интересы на наш Дальний Восток, когда идут бои под самой Москвой, и заканчивая блестящим падением японской палубной авиации на Перл-Харбор, где

базировался Тихоокеанский флот США, и полным его разгромом 7 декабря 1941 года. Этот день президент Рузвельт в своем обращении к народу в то же утро назовет «днем позора» и призовет отомстить японским милитаристам. Пришлось очень много работать в архивах, перечитать горы свидетельств и мемуаров участников тех событий, журналистских расследований — особенно много было их проведено в США, а также разведывательных и дипломатических донесений. С этой точки зрения трилогия моя не сугубо художественное, а художественно-документальное произведение. Именно поэтому, наверное, она читается и сегодня с определенным интересом. Потрясает наше воображение молниеносный разгром Франции по новому стратегическому плану Манштейна, выдвинутому вопреки главной директиве фюрера на наращивание войск и ведение войны, когда танковые ударные группы и армии уже заняли исходные позиции по плану Шлиффена. Небывалый случай в истории войн!

Не оставит равнодушным современного читателя и жестокий расстрел французского флота в Мерс-эль-Кебри под Ораном (Алжир) на якорной стоянке оперативным соединением «Н» английского королевского флота. Оно подошло кильватерным строем из Гибралтара с вымпелом на мачтах «Приветствуем наших союзников». А выйдя на траверз этой гавани, развернулось по команде «Все вместе!» и открыло ураганный огонь по французским кораблям почти вплотную! Только новейшему линкору «Страсбург» удалось с пятью эсминцами прорваться сквозь плотный английский заслон. Но, придя в Бордо, отчаянные французские моряки вынуждены были открыть кингстоны и потопить свои корабли, ибо там уже были оккупанты.

Эта драма, даже трагедия французского флота упорно замалчивается со дня ее происшествия по согласию, возможно, обеих сторон. Поскольку, дескать, все это делалось для того, чтобы французский флот не достался немцам. Будто не существовало иных способов его сохранения и использования: уйти на далекую Мартинику, принадлежавшую Франции, или присоединиться к английскому флоту в его борьбе с «Волчьими стаями» подводных лодок гроссадмирала Деница и с линкорами «Бисмарк», «Гнейзенау», «Тирпиц» и всем надводным флотом Германии под командованием гроссадмирала Редера...

Толпа возле нашего павильона увеличивается — заполняет все проходы и пролеты огромного ангара. И переводчица уже раскраснелась и вспотела: ей приходится переводить очень специфическую военную терминологию, а потом еще и синхронно переводить вопросы и ответы.

Спрашивали меня и о Зорге-Рамзае, и об Отто Скорцени. О французских генералах Жиро и Дарлане. А тот «профессор» — даже о новейших французских линкорах «Жан Барт» и «Ришелье», которых не было в Мерс-эль-Кебири. Что с ними? Куда они исчезли?

— «Жан Барт» на рассвете в тот же день снялся с якоря и ушел в Дакар, а «Ришелье» — в Касабланку, — ответил я, несколько удивившись такой осведомленности гражданина абсолютно не морского государства. — А что вас интересует в судьбе этих новейших кораблей? — спрашиваю и я у него.

— Не было ли какого-либо заговора между разведками Англии и Франции через головы правительств и генеральных штабов? — с готовностью отвечает, поправляя интеллигентное пенсне.

— Не было и не могло быть! — отвечаю уверенно и даже сердито. — Ибо спустя несколько дней оба линкора — гордость Франции — были обнаружены пилотами основной авиабазы англичан на озере Эль-Хаббания, атакованы торпедоносцами и потоплены у пирсов. Так что и по сей день там лежат на большой глубине. На заговор это никак не тянет. Скорее, это была интуиция командиров линкоров, которая их, однако, не спасла.

— Они погибли?

— Все до одного — от командира корабля до последнего кока. Нападение было неожиданным, стремительным, хорошо подготовленным. На Эль-Хаббанию вернулись все английские самолеты, сняв торпеды с бреющего полета. Так что линкоры не успели открыть огонь. Их захватили неожиданно, как и «Гнейзенау», и «Тирпиц» в норвежских фиордах.

И тут меня перебивает Егор Исаев:

— Сашша! — делает ударение, на французский манер, на последнем слог. — Ты так увлекся документалистикой, что она превалирует над художественной литературой! А это ведь несправедливо. Как же тогда быть с поэмой Твардовского «Василий Тёркин», с романом Шолохова «Они сражались за Родину»...

— ...с романами Юрия Бондарева и Олеса Гончара, — подхватываю этот перечень, — повестями Быкова и Григория Бакланова? Это — магистральное течение советской литературы, рожденное Великой Отечественной войной. Почему-то в других странах и народах такая литература не родилась, кроме романа Эриха-Марии Ремарка «Время жить и время умирать» и «Где ты был, Адам?» Генриха Бёля. Не я, а время, его требования, поставили документалистику, мемуары полководцев, исторические

произведения и энциклопедии Второй мировой войны в ряд самой читабельной литературы. Ведь есть «История Второй мировой войны» в 62 (!) томах на английском языке под редакцией самого Уинстона Черчилля. Есть его четырехтомные мемуары, удостоенные Нобелевской премии. Есть наша «История» в шести томах и энциклопедия Второй мировой войны в 12 томах. А есть даже польская в четырех томах, хотя они войну проиграли за две недели: 1 сентября немцы напали на них, а 14-го взяли Варшаву. Есть и несколько немецких «Историй», изданных в ФРГ и ГДР. Есть знаменитые мемуары Жукова, Эйзенхауэра, Гудериана и Манштейна, Рокоссовского и Конева, Василевского и Штеменко. Это читалось и перечитывается до сих пор как свидетельства главных фигурантов Второй мировой войны. Но к художественной литературе это не имеет никакого отношения. А у меня лишь та часть, где я описываю село, откуда все начинается на белом свете: выходят полководцы и ученые, государственные деятели и политики — все из села! А также попытки дать психологические портреты Гитлера, Черчилля, Рузвельта, Сталина. А также немецких фельдмаршалов и наших маршалов, японских адмиралов, генералов, таких как самый воинственный из них — Тодзио — «главарь манчжурской милитаристской банды», как его прозвали сами японцы. Здесь есть признаки художественной литературы. Насколько совершенны? Не знаю. Но есть их характеры, психологические портреты. И это — главное. А закончить я хочу твоими словами, Егор Александрович, из поэмы «Суд памяти»:

«Вы думаете, павшие молчат? Конечно, «Да!» — вы скажете. Неверно! Они в тебе, во мне, во всех кричат, пока сердца стучат и осязают нервы. Они кричат, когда приходят в город ветры полевые. И со звездой говорит

звезда! И памятники дышат, как живые... Вы думаете, павшие молчат?»

Буря аплодисментов разорвала тишину, как только переводчица, хотя без рифмы и ритма, пересказала содержание этой строфы. И к Егору, а не ко мне, бросились женщины и девушки с цветами. Мужчины пожимали ему руки и старались обнять, мешая друг другу. А какая-то шустрая сунула ему в руки что-то типа поэтического сборника: белое-белое поле, а на нем — синий квадрат с золотистыми параллелепипедами, обвитыми темно-коричневым кольцом. В правом уголке — загадочное слово под красной буквой «V» — «Виктория» или что? А внизу под этим синим квадратом — золотое тиснение «Merci». И вместо точки над «и» — красное сердце, как красная масть на игральных картах.

— Что это, Егор? — спрашиваю его под несмолкающие аплодисменты. — Книга?

— Шоколад, — говорит он, смеясь, и мне становится теплее на душе от этого восхищения его поэзией и Золотой Звездой Героя Социалистического Труда, которую пражане, возможно, считают Звездой Героя Советского Союза за фронтовые подвиги.

* * *

Еле-еле успею на рейс. Сяду в самолет и полечу к дому, которого у меня словно и не стало без моей незабвенной жены...

Не знаю, встретимся ли ещё раз с Егором Исаевым — ведь стоим одной ногой над пропастью, за которой заканчивается человеческий век и начинается вечность.

Но и поныне мучают меня Егоровы слезы в тот день. Солдаты ведь не плачут! Даже погибая...

Неужели есть нечто страшнее смерти?

Что? Неужели глумление и беспамятство?

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА 9 МАЯ!

Внушала нам стволов ревущих сталь,
Что нам уже не числиться в потерях.
И, кроясь дымкой, он уходит вдаль,
Заполненный товарищами берег...
Александр ТВАРДОВСКИЙ

Преднамеренно не ставлю ни точки, ни года 1945-го. Ибо это Победа на все века и на тысячелетия! Еще значительнее той, давней Победы над Наполеоном в 1812 году. Война с тем поработителем Европы по праву названа Отечественной. Но недаром же строгий и сдержанный Иосиф Виссарионович Сталин назвал нашу войну против фашизма Великой и Священной Отечественной войной: она в гораздо большей степени, нежели первая, спасла не только наше социалистическое Отечество, но и весь мир от угрозы порабощения и уничтожения! В этом «фюрер» собственноручно расписался в зловещей «Mein Kampf» без каких-либо эвфемизмов да иносказаний. Прямо и в лоб! Любая цитата из этой фашистской античеловеческой программы не оставляет сомнений в их истинных и конечных намерениях.

Но перед этим светлым и печальным праздником грешно цитировать бесноватого «фюрера». Да и нужды в этом нет: все и так хорошо помнят, о чем идет речь.

Обиднее и отвратительнее кажутся мне разглагольствования психически неуравновешенного, а может, и большого Резуна, сбежавшего за кордон и оттуда злобно клеветующего на нашу Отчизну, присвоив себе святое имя Генералиссимуса Суворова — дорогое каждому русскому, украинцу, белорусу, всем славянам, всем людям ДОБРОЙ ВОЛИ, как недавно говаривали в нашей Великой стране — Советском Союзе.

С подачи неудавшегося голливудского актера, сумевшего стать президентом США, наша Родина, спасающая мир от коричневой чумы, названа «империей зла». Хотя не наша страна, не Красная, а впоследствии Советская, Армия сбросила атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки и умертвила одним ударом около трехсот тысяч мирных жителей без всякой военной необходимости. Также был стерт с лица земли Дрезден (в одну ночь со 140 тысячами жителей). Не мы разодрали на два государства Корейский полуостров и лишили единства трудолюбивейший народ на земле! Не мы сожгли напалмом и отравили оранжевыми ядами землю мирного Вьетнама. Не мы солдафонским сапожищем раздавили крохотную Гренаду — она не успела под ним даже всхлипнуть, как младенец. Не мы уничтожили в центре Европы Федеративную республику Югославию на глазах «цивилизованного содружества наций», а президента Милошевича сгноили в Гаагской тюрьме, замучили больного допросами и судилищем в Гаагском трибунале, созданном в угоду и по приказанию США. Не мы затеяли против Ирака «Бурю в пустыне» при президенте Буше-папе, а потом при Буше-сыне «Шок и трепет», разбомбили «летающими крепостями» Б-59 да самолетами-невидимками Белград, Нови Сад, больницы и даже родильные дома с роженицами и младенцами,

иностранные посольства, исторические мосты через Дунай, выстоявшие в Первую и во Вторую мировые войны, но не устоявшие перед «миротворческими акциями» НАТО, как назвали этот державный терроризм продажные и услужливые журналоги, как бы подтверждая статус своей второй древнейшей профессии». И все эти злодеяния против суверенной европейской державы Югославии совершены «блистательным и миролюбивым» НАТО, куда чуть ли не силой тащат Украину, не считаясь с мнением ее народа, который, особенно перед выборами, фарисейски именуют носителем власти и подкупают не только этим бредовым подхалимажем, но и подачками украденного у него же — у бессловесного и бесправного народа. Как же тут не вспомнить нашего Гения и Пророка: «Други мои! Искренние мои! Подайте свой голос за этого униженного, поруганного, бесправного смерда!»

Но... К кому звать? Какие еще злодеяния нужно совершить действительным и латентным «строителям нового мирового порядка на все века», гнездящимся в США, чтобы люди мира прозрели и увидели в этой «сверхдержаве» библейского «другого зверя»?! Так и хочется крикнуть на всю Украину, Европу, Азию, Африку, Латинскую Америку: «Эй, люди! Раскройте глаза! Выньте из ушей вату зомбирования, лености ума, равнодушия! Оглянитесь вокруг и вслушайтесь, всмотритесь: кто истинный душитель, террорист, поработитель мира?» Кто действительно Империя Зла без кавычек?! Но разве докричишься? Дозовешься? Рок и поп-музыка, кровавые боевики, миллионнотонная ложь всех киноэкранов и телеэкранов разят человеческое достоинство и сознание в такой изящной, изошренной упаковке, что и не различишь, где гнусная ложь, а где правда. Где же свет, а где тьма? Где белое, а где черное?

«Все смешалось в доме Облонских...» — начинает «Анну Каренину» Величайший Писатель мира. А здесь не дом, а целый мир, который устроители «нового порядка» изо всех сил, захватив радио и телевизионное пространство, газеты и журналы, стараются представить нам не в реальном, а в виртуальном виде, где всё — «О'кей! «Но проблемз!», «Живите и радуйтесь!» и «Сделай мне смешно!»»

А чему радоваться-то? Не живем, а выживаем. В России ежегодно убывает миллион населения, а у нас в Украине — 300—400 тысяч? На сколько же нас хватит? На 10—20—30 лет? А потом? Освободится «жизненное пространство» без войны? Для кого? Для «золотого миллиарда?» Или только для устроителей «нового мирового порядка на все века», как написано на банкноте в один доллар США? Это уже геноцид всего человечества. А мы все молчим!

Разве за такой мир мы воевали против фашистских работодателей? Так эти новые работодатели еще страшнее, подлее и отвратительней! Они берут нас хитростью, тайно, подло, исподтишка. А мы, как в летаргическом сне, или верим всему на слово, или ничего не замечаем?! Или, даже если видим, не задумываемся над последствиями. Над тем, куда нас ведут? Кто нас ведет? Не так давно, например, смотрел телепередачу Безулик или Безуглик: какая отъявленная и безудержная апологетика НАТО!? И никто, даже присутствовавший социалист, не вспомнил Югославию, растерзанную НАТО. «Дайош НАТО! Вперед в НАТО!» Что мы там забыли? — хотелось спросить. Да некого...

Одна из оппозиционейших газет, когда зашла речь о памятнике участникам Ялтинской конференции,

высказалась за устранение И.В.Сталина, предложив оставить на пьедестале только правителей «Западной демократии» — Рузвельта и Черчилля, открывших второй фронт только в середине сорок четвертого, когда усилиями и невероятными потерями Красной Армии вермахт был фактически разгромлен в кровопролитных битвах на Восточном фронте один на один! А Верховного Главнокомандующего Красной, а затем Советской Армии устранить, чтоб и духу, и памяти о нем не было!! Что это? Бред? Больное воображение? Или подбострастное угодничество перед строителями «нового порядка на все века», выдвинутого вместо провалившегося «Neue Ordnung» Адольфа Гитлера?! Безусловно, были великие преступления или даже злодеяния в 30-х годах. Но разве можно переносить их на Великую Отечественную войну, в которой Сталин проявил непостижимую твердость духа, веру в Победу над фашизмом! И если бы не его негибаемая воля и мужество, не его организаторские способности и фантастическая работоспособность, то вряд ли бы мы выстояли в сорок первом и сорок втором годах перед колоссальным успехом вермахта по всему фронту от Баренцева до Черного морей.

Однако и Победу нашу развенчивают последователи и потомки коллаборационистов, прислуживавших Гитлеру в карательных батальонах «Нахтигаль» и «Роланд», в 14-й дивизии СС «Галичина», переросших потом в УПА. А нас, подлинных участников сражений с фашизмом, становится все меньше и меньше. И нет уже нам места под солнцем Правды, Истины о войне! Нет наших голосов ни в радиоэфире, ни на телевидении — все резуны да прочие брехуны, обрабатывающие свои кровавые сребреники предательства и клеветы. Тут и познеры со сванидзе, и

Андрій МАЛИШКО
УКРАЇНО МОЯ...

Запалали вогні за долиною синього неба.
Самольоти гудуть, бо на захід фронти і фронти.
Україно моя! Мені в світі нічого не треба,
Тільки б голос твій чути і ніжність твою берегти!

Ти ізнов мені снишся на стежці гіркої розлуки
Луговою ромашкою, птицею з Канівських круч.
Ну, так пий мою кров і бери моє серце у руки,
Тільки снами не муч і невипитим горем не муч!

Воронеж, грудень 1941 року.

доморощенные хулители наших побед и поражений, лишений и страданий. Горько это видеть и сознавать. А еще горше думать: «А что же будет после нас?» Как испоганят эти негодяи историю нашей Великой Отечественной войны, нашу Победу?! Ведь уже сегодня, при нашей жизни, им нет удержу в клевете и унижении наших подвигов, смертей и страданий. Неужто Мемориалы Героев и Братские могилы сровняют с землей, чтоб и следов не осталось от былых сражений? И только травы забвения вырастут на Прохоровском поле, где произошла самая грандиозная танковая битва Второй мировой, и в Шумейковой роще, где погибло командование Юго-Западного фронта во главе с генерал-полковником Кирпоносом?

Не забудется ли героическая оборона Киева, Одессы, Москвы, Севастополя, Сталинградская и Корсунь-Шевченковская битвы? Блокадный Ленинград забудется, Мамаев Курган и Пискаревское кладбище? Это же

наши жертвы, наши страдания! Но и героическое прошлое, на котором воспитывать бы истинный патриотизм! Да где там?! Все унижается и оплевывается резунами да познерами. В странное время живем, не правда ли? Очень странное и подлое. И невольно вспоминаются горькие слова: «Были времена и тяжелее, но не было подлей!»

Приглашают меня в Фонд интеллектуального сотрудничества «Украина. XXI век» подписать коллективное письмо деятелей науки и культуры к Президенту Украины с призывом ускорить создание коалиции и наладить более тесное сотрудничество правительства с научной и творческой интеллигенцией. Кажется, это было 20 марта. По правде говоря, «пробежал» я текст, что называется, кругом-бегом (был, как всегда, без очков): увидел там фамилии уже подписавшихся академиков Патона, Дзюбы, Бориса Олийныка, а также давнего моего друга-ровесника Павла Загребельного — и тоже поставил свою подпись, т.к. имею некоторые обязательства перед этим фондом и перед интеллектуальным форумом Украины. И вдруг узнаю, что в Интернете на сайте... БЮТ, а не Фонда интеллектуального сотрудничества, появилось то коллективное письмо как бы в поддержку Юлии Владимировны Тимошенко! И главное: как будто это письмо составлялось в штабе БЮТ! Явный подлог!

— Ты что, Саша, очумел? — звонят мне из Москвы мои друзья-писатели. — Поддерживаешь Тимошенко? Да из-за неё половина Генерального штаба России греет нары! Самый высший генералитет! Ты что, неадекватно воспринимаешь действительность? Как ты в штаб БЮТ попал? Мы же знаем твоё отношение к «леди стоимостью одиннадцать миллиардов», — как назвал брошюру о ней один

из ведущих корреспондентов «Ассошиэйтед Пресс» еще в бытность ее главою «Единых энергетических систем Украины», которую они создали в Днепропетровске с Павлом Ивановичем Лазаренко?

Штаба БЮТ я не знаю, и нога моя не ступала и, надеюсь, не ступит на его порог никогда!

Стоит ли говорить, как я был обескуражен и уязвлен этим подлогом? Как будто это и не имеет отношения ко Дню Победы, но еще раз задумаемся: в какое время и в какой стране мы живем? Ведь именно в силу всеобщей брехни и фальсификаций возможна та атмосфера злобной ненависти к Великой Отечественной войне, к Победе над фашизмом, которая буквально висит в воздухе и носится над Украиной, как некогда носился Божий Дух над водами и твердью перед Сотворением Мира. Только с негативным значением.

И в канун этого Великого Праздника горькие раздумья клонят мою седую и лысую голову, как голову украинского подсолнуха в степи под немилосердным зноем июля — августа в Диком Поле, на моей Малой Родине... Но как написал поэт-фронтовик Семен Гудзенко:

Нас не нужно жалеть,
ведь и мы б никого не жалели.
Мы пред нашим комбатом,
как пред Господом Богом чисты!
На живых уж давно порыжели
от глины и крови шинели.
На могилах у мертвых
цветут голубые цветы.

«КОНТРА СПЕМ СПЕРО!», или Феномен Юлии Тимошенко

Не без трепета и опаски начинаю эту главу, ибо она — о женщине! В литературе и искусстве нет более сложной задачи, чем отображение женских образов и раскрытие их характеров и их внутреннего мира, непостоянного и капризного, как море в разные времена года и при разной погоде. Знаю это из своего житейского и литературного опыта, горького и радостного. Горького, поскольку не уверен в своем таланте, да и успехи мои в этом деликатном, тонком и сложном деле не очень утешительны. А радостного потому, что приобщаюсь каждый раз к самому большому чуду, созданному Богом и Природой, — женской натуре и женской душе!

Женщины нас вынашивают в радостных ожиданиях, рожают в муках, кормят грудью, отдавая нам всё: и молодость, и красоту, и сон свой, и здоровье, и постоянные тревоги за нас, и ожидание счастливой судьбы своему малышу. Дарят нам свою любовь до самой смерти. Ибо нет более высокий и верной любви в мире, чем материнская любовь! Любовь матери к своему ребенку, которого она

дарит миру, любимому мужчине, своему роду и народу. И себе самой.

Есть Великие Женщины. А есть — самые родные! Для меня это, в первую очередь, моя мама, которой давно уже нет. И моя Жена Галя. Которой не стало недавно, и её не заменит мне никто! Ибо это моя Нареченная от Бога. С ранней юности и на всю жизнь, которую нам суждено было прожить вместе в военном лихолетье, в оккупации и послевоенных невзгодах, бесквартирье, но в большой любви и согласии. Это также мои бабушки — бабушка Гапка, мать отца, суровая и строгая чистюля, вдовствующая с 1910-го по 1942-й — год своей смерти. И бабушка Чернушиха — добрая, мягкая и ласковая мамина мама. Их не стало еще раньше. Но ведь именно они растили и воспитывали меня, поскольку отец вечно пропадал на своей бухгалтерской работе, которую очень любил. Хотя она трудно давалась ему, близорукому.

Именно через них — моих бабушек — их словами, вдовьями судьбами и плачами, песнями и представлениями — мир входил в мою душу с детства таким, как они в нем жили, как судили о нем и оценивали его и как раскрывали его мне своими молитвами, страданиями и рассказами. Спасибо им за это, незабываемым моим воспитателям! Поэтому и живет в моем сердце и памяти огромная и светлая любовь к ним всем, уважение и благодарность за то, что мама дала мне жизнь на этой грешной и прекрасной земле, а бабушки влили в мою душу свою доброту и большой жизненный опыт, любовь к миру этому и людям в нем. И любили меня, как никогда и никто не любил. И уже не будет любить!

Такую же большую, хотя и менее интимную, любовь вселяет в мою душу Леся Украинка — наша Гениальная

и героическая мученица с ее прекрасными античными трагедиями, выведшими украинскую культуру на новые горизонты Мировой Литературы. С этим ее бессмертным «Контра спем сперо» — «Без надії сподіваюсь», с ее лирикой и Поэзией борьбы за «Досвітні вогні» и за счастье рабочих, которые снова брошены сейчас на дно общественной жизни, унижены безработицей и нищетой и забыты «успешными правителями», которые вслед за своими американскими наставниками живут под лозунгами «Горе побежденному!» и «Плачь, неудачник!». А мы, дескать, будем радоваться, будем смотреть на Солнце и будем смеяться, щеголяя своими успехами и богатствами. И будем прославлять нашу счастливую жизнь и еще более счастливое будущее наших потомков!

А потом для меня ярко сияет талант несравненной и непоколебимой Лины Костенко! Я убежден: самой гениальной Поэтессы не только Украины или Европы, но и всего современного мира. Не имеет никакого значения, что польская поэтесса Шимборска, например, недавно увенчана Нобелевской премией, а наша Лина — нет. Пусть себе получают и радуются на здоровье! Ибо Гений Лины Костенко, как и ее значение для нашей поэзии, культуры и духовности не охватишь, не постигнешь и не оценишь никакими премиями! Это — субстанция астральная. Она абсолютно не для премий, а для восхищения и поклонения целой нации и всего человечества, если бы оно могло прочесть ее поэзию в переводах на ведущие языки мира.

Есть сейчас в Украине и еще немало выдающихся женщин. На их фоне не кажется таким уж впечатляющим феноменом Юлия Тимошенко. Но и не теряется среди известных женщин Украины. И даже чем-то выделяется

из них. И знаете, чем, братья и сестры мои? Одержимостью! Жаждой власти! Немедленной власти любой ценой!

Сама Юлия Владимировна в первом интервью при вручении ей депутатского удостоверения на вопрос журналиста «Какая ваша самая заветная мечта теперь, когда вы стали народным депутатом?», не скрывая, заявила: «Мечтаю о самой высокой должности в этом государстве!». Правда, дерзко? Даже нахально. Это ведь откровенные амбиции высокомерной «избранницы Бога», а не электората, претензии на исключительность, возникшие из успешного, несправедливого и безнаказанного обогащения. Возможно, эта откровенность вызвана эйфорией от неожиданной и очень желаемой победы на парламентских выборах в чужом городе.

Даже во время «помаранчевых событий», когда толпы на площади Независимости, на Певческом поле, на митингах в городах и селах не просто будут орать, а будут реветь: «Ющенко! Ющенко! Ющенко!» — даже тогда газеты больше будут писать... о Юлии Владимировне. А телевидение чаще и охотнее будет показывать именно её.

Почему? Не берусь объяснить этот парадокс. Могу только предположить: в нашей эфемерной действительности французский совет: «Ищите женщину!» заменен лозунгом и стремлением: «Ищите деньги!». Под этим углом зрения боле вероятной представляется и странная, триумфальная и неожиданная победа днепропетровской «газовой принцессы», владелицы Единых энергетических систем Украины на довыборах в... Кировограде. И ее телевизионная популярность, и газетные интервью, щедро сопровождаемые фотографиями.

Впервые услышу о ней именно после этой победы. Как это случилось, что, прилетев на довыборы в чужой город

из Днепропетровска, наша молодая и удачная претендентка на депутатский мандат «одним махом всех местных претендентов побивахом»? Почему и как случилось? Для меня и тогда, и сейчас не было и не является ни загадкой, ни большой тайной. Ибо уже в те отдаленные времена о Единых энергетических системах Украины, их лидере, учредительнице и руководительнице ходили неприятные и тревожные слухи. И журналисты били тревогу почти во всех газетах и на всех телевизионных экранах о злоупотреблениях этой фирмы!

Правда, все это будут говорить как-то глухо, нечетко и неубедительно. А «газовая принцесса» на все это и ухом не вела, и бровью не пошевелила. А караван шел дальше, принося ЕЭСУ огромные и неконтролируемые барыши под «крышей» днепропетровского губернатора, а со временем — первого вице-премьера и даже Премьера Украины — Павла Ивановича Лазаренко.

А уже после кировоградского триумфа о Юлии Владимировне заговорят всерьез и надолго. Еще чаще начнет после завоевания депутатства появляться на телеэкранах. И окажется весьма телегеничной. Так что обыватели будут охать и млеть: «Ах, какая красавица! Ах, какая умница! Вот это политик!» А она да поверит в свою исключительность и полной грудью наберет воздуха побольше — для длинной дистанции в погоне за призрачным политическим лидерством.

Я не буду разделять восхищения ею. И как женщиной особой красоты. И как политическим лидером. За почти десять лет работы на Киностудии имени А.П.Довженко насмотрелся на настоящих красавиц при утверждении на роли, на съемочных площадках и особенно на кинофестивалях: Нифонтова, Хитяева, Бестаева, которая в сцене

гадания в «Тенях забытых предков» снимется оголенной Нимфой, Кадочникова и Лефтий по-настоящему очаруют и не позволят согласиться с безосновательными да и не требовательными восхищениями журналистов и обывателей красотой леди Ю. Не разделяю их и ныне — сопротивляюсь и отрицаю эти поверхностные восхищения! Они будут удивлять и даже будут возмущать меня! Пока не увижу, как, поселившись в нашей Конче-Озерной, леди Ю вместе с мужем будет бегать в одинаковых синих новеньких тренировочных костюмах и белых кроссовках, а потом делать утреннюю гимнастику с динамическими упражнениями. Меня поразит ее легкий, эластичный и упругий бег, манера непринужденно держаться в гимнастических упражнениях, выгнув, словно пантера, спину в тонкой талии. Стройная, складная, изысканная в женственности, она действительно привлекательна. Так что ей позавидовали бы и балерины, и профессиональные гимнастки. Да что там говорить — буду любоваться и буду восхищаться ими, молодыми и красивыми, стройными и спортивными. Особенно в пробежках.

— Ты смотри! — крикнет им вслед кто-то из моих коллег-остряков. — Миллиарды побежали! Ещё и без охраны...

Тогда эта реплика покажется злобной и завистливой. Но вскоре, прочитав книгу ведущего журналиста, а может быть, и самого директора «Ассошиэйтед пресс» под названием «Леди стоимостью одиннадцать миллиардов долларов», я пойму: та реплика имеет реальную основу, а не только иронический или саркастический подтекст.

А тем временем не так, может, слава, как популярность леди Ю — как нарекут ее поклонники, сторонники и журналисты, — будет расти на моих глазах очень быстро.

В парламентских дискуссиях Юлия Владимировна будет проявлять себя все более рьяными полемистом. Логическое давление на оппонентов, самоуверенность и вера в свою правоту все отчетливее будут выделять ее из сероватой парламентской болтовни.

А когда она организует парламентскую фракцию партии «Батьківщина» и возглавит ее, то немедленно впишется в ряд самых влиятельных, а не только известных политиков-парламентариев.

Но я уже и тогда не буду верить ни ее политической, во многом популистской и весьма обостренной риторике, ни показушному народолюбию. А ее напористость зачастую будет переходить границы элементарной этики и толерантности и превращаться в экспансивность и даже, в некоторой степени, в наглость. В таком виде я не воспринимаю ее неожиданную популярность иначе как результат фарисейства и непостижимой доверчивости электората. К тому же на меня магически действуют публикации о незаконной торговле металлом, на которую ЕЭСУ не имели юридических прав. Распространяются такие слухи и информация в прессе о щедрых взятках высоким чинам Министерства обороны России, которые после расследований и судебных заседаний расстанутся с генеральскими погонами, лишатся высоких чинов и должностей в Генеральном штабе Российской армии и сядут на нары, — магическое действие этих, недоступных для проверки, публикаций будет ложиться жирным пятном на репутацию молодой и способной депутатки. Будут отталкивать от нее не только меня, но и многих политиков и журналистов. И вместе с тем будет удивлять ее невозмутимость и полное игнорирование журналистских наскоков и пересудов.

Абсолютно непонятно, как ей удастся оставаться «белой и пушистой», когда генерал-лейтенанты и даже генерал-полковники российского Генерального штаба сидят за решеткой из-за полученных от нее взяток?! И даже после объявления Интерполом в международный розыск руководительницы ЕЭСУ она остается депутатом Верховной Рады Украины и не является ни на допросы Генеральной прокуратуры России, ни по приглашению американской прокуратуры и судьи Дженкинса приехать в Соединенные Штаты в качестве свидетеля и дать показания в деле «США против Лазаренко»!

Если повестки Генеральной прокуратуры России просто игнорировались под защитой депутатской неприкосновенности, то перед прокуратурой США и перед судьей Дженкинсом ставились требования: дать ей гарантию на беспрепятственное возвращение на Родину! Конечно, американская сторона промолчала, ибо в действительности таких гарантий дать не смогла, имея материалы о тесном сотрудничестве нашей «героини» с Павлом Ивановичем и о перечислении ему многомиллионных сумм от прибылей ЕЭСУ.

ЮВ и её адвокаты, как кошка из народной поговорки, которая чувствует, чьё сало съела: хорошо зная судебные процедуры, они понимали, как легко и просто в таких случаях превратиться здесь же, в судебном заседании, из свидетеля в ответчика, в качестве соучастницы Павла Ивановича. К тому же почти всех свидетелей по «Делу Лазаренко» американские следователи и прокуроры допрашивали или просто брали у них письменные свидетельства здесь, в Украине, а ЮВ, одну ее, приглашают в США, непосредственно в судебное заседание! Было над чем задуматься даже не юристам, а в первую очередь самой леди Ю.

Да и арест в Украине и заключение в Лукьяновской тюрьме странным образом превращаются в ее освобождение. Что это? Умение выходить сухой из воды? Клевета? Или снова взятки? Загадки, загадки и тайны! Как и с Лазаренко, которого наша Фемида с завязанными глазами не будет видеть в упор. Пока его не арестуют в Швейцарии. Но он быстренько откупится за два с половиной миллиона долларов, внесенных за него вроде бы каким-то господином, имени которого Лазаренко не будет считать нужным обнаружить. И еще быстрее удерет в Америку. Вот это премьер! В мире, наверное, не бывало такого премьера. Даже Берлускони с его связями с мафией меркнет перед похождениями Павла Ивановича. Вот такие показываем миру «открытия», обретя независимость Украины!

Своеобразное ноу-хау по-украински? Но и там его арестуют в аэропорту имени Джона Кеннеди в Нью-Йорке и отправят все-таки за решетку. Но он как-то откупится от нар и будет сидеть в своей вилле под Сан-Франциско четыре года под домашним арестом, следствием и судом. А теперь уже и отбывая наказание. И каким-то образом будет раздавать интервью американским и нашим, украинским, средствам массовой информации. Будет жаловаться, как трудно, и несправедливо будет осуждать его, невиновного, даже американская Фемида — самая объективная и справедливая в мире. А все, мол, из-за наветов и клеветы его личных врагов в Украине! Его действительно будут судить и осуждать долго и трудно, хотя все было ясно и понятно с самого начала — еще из Швейцарии. Единственная причина — денег имеет много. А деньги, оказывается, и в Америке не горят! Еще сильнее не горят, чем рукописи, как авторитетно утверждает Михаил

Булгаков в романе «Мастер и Маргарита». Помнится, как Скотт Фитцджеральд скажет Хемингуэю:

— Богачи не похожи на нас, — и тяжело и печально вздохнет.

— Да, у них больше денег, — иронически согласится Эрнест.

Пьяненький Фитцджеральд даже заплачет от этой иронии. А Хемингуэй долго будет смеяться и еще дольше будет вспоминать этот смешной случай в их длительной дружбе.

Но теперь нам в Украине не до смеху, ибо у кого больше денег, тот и рыцарь без страха, без упреков совести и без подозрений. И для справедливого суда недостижим. В такое время и в таком мире живем — в мире денег, а не чести, достоинства и совести. Это уже и не о леди Ю — это общая характеристика и примета сегодняшней жизни в украинском обществе. А Юлия Тимошенко — его продукт, типичная представительница, объект и субъект переходного периода в становлении независимой Украины периода первоначального накопления капитала любыми методами. Это ясно как Божий день. Неясно только ослепленному ее внешним блеском, демагогией и фарисейством доверчивому электорату. Называют ее в письмах «Сільським вістям» и «нашей пламенной Юлечкой», и даже «Жанной д'Арк», что не только будет удивлять слепой верой в несуществующие авторитеты, но и возмущать!

Эта женщина напоминает чем-то неуловимым леди Ди — бывшую жену принца Уэльского Чарльза, которая разрушает представление респектабельных британцев о благородстве Королевского двора то скандальным разводом со своим благородным мужем, то любовными утехами с сыном арабского миллиардера. И наконец трагической гибелью вместе со своим любовником в «мерседесе»,

на большой скорости врезавшимися в металлическую мостовую опору. Однако это не мешает англичанам-пуристам взять ее после смерти под свою моральную защиту, возвеличить на весь мир и долго оплакивать неуправляемую, сластолюбивую и капризную эмансипированную эгоистку, не уступившую по капризам ни любимым «Битлзам», ни патлатым хиппи.

Юлия Владимировна тем временем своей всё более нарастающей депутатской, идеологической и политической активностью будет возмущать не только Верховную Раду, но и всю Украину! Ведь именно в этом — ее сходство с Леди Ди. И именно из этого сходства и способности шокировать и эпатировать бесконечно и непрестанно людей и общество и возникло это очень распространенное леди Ю. Кстати, трафаретное и бездумное наследование чужих замусоленных выражений — не что иное, как лень ума и нетребовательность в выражениях и суждениях. И не только у наших журналистов, издавна склонных к стилистическим, лексическим и фразеологическим штампам. Грешат этим, оказывается, и зарубежные «акулы пера» — заезжие борзописцы и информаторы, которые валом повалят в Украину освещать «помаранчевую революцию», жаждая сенсаций, без которых западная печать существовать не может.

В моем дневнике останутся заметки, добытые из Интернета и зарубежной прессы, о «мятежных событиях» тех дней. Вот некоторые из тогдашних публикаций:

Том Реед (“The Independent», 7 декабря 2004): «Эта хрупкая мятежница вдохновила украинцев действия».

Переводчик споткнулся, наверное, и не заметил, что надо было: «Вдохновила украинцев на действия». Это во-первых. А во-вторых, «хрупкая мятежница», занимая пост

вице-премьера по топливно-энергетическому комплексу в Кабинете тогдашнего Премьера Ющенко — всем известно, пресса об этом писала, суды судили и рядили (аж 250 томов накопали!) — через Единые энергетические системы Украины перевела Лазаренко почти во все банки мира и оффшорные зоны крупные суммы долларов! А еще 1 миллиард долларов, долг ЕЭСУ, — как утверждают журналисты и криминалисты, — переложила на Государственный бюджет Украины при расчетах с «Газпромом» России. Я тут ничего не выдумываю, ни на чем не настаиваю и ничего не утверждаю — просто привожу тогдашние публикации в прессе. А журналисты еще и поныне вспоминают высказывание премьера Ющенко о том, что, будучи в его Правительстве вице-премьером по топливно-энергетическому комплексу, ЮВ списала или попыталась списать аж 5 (пять!) миллиардов гривен долга ЕЭСУ «Газпрому» России из бюджета Украины. Тогда эту аферу Виктору Андреевичу, очевидно, удалось пресечь.

Ибо сейчас читаем:

“Чрезвычайному и Полномочному Послу Соединенных Штатов Америки Уильяму ТЕЙЛОРУ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Глубокоуважаемый господин Посол!

Верховная Рада Украины приняла постановление, которым поручила Временной следственной комиссии проверить финансово-хозяйственную деятельность газоресурсного консорциума и списание долгов корпорации Единые энергетические системы Украины (ЕЭСУ) в сумме 7,5 млрд грн. В это же время целый ряд информационных источников распространил информацию о том, что гражданка Украины Тимошенко Юлия Владимировна проходила в окружном суде США (округ Колумбия) по делу №1: 04-СУ-00798-РЛФ как соучастница бывшего премьер-

министра Украины Лазаренко Павла Ивановича, отбывающего наказание в США в соответствии с решением американского суда. Общеизвестно, что корпорация Единые энергетические системы Украины фигурировала в деле Лазаренко П.И.

Просим предоставить официальные сведения по этому поводу.

*С уважением, народные депутаты Украины
Василий Киселев, Александр Баранивский,
Николай Кравченко».*

Ответ Посла США:

«Уважаемый господин Киселев, я пишу ответ на Ваше письмо, в котором Вы запрашиваете информацию по поводу документов по делу Павла Лазаренко. Юлия Тимошенко не была участником процесса в следствии или судебном преследовании Павла Лазаренко. Криминальное производство по делу господина Лазаренко закончено, и он признан виновным. Материалы судебных заседаний по этому делу, помещенные в Интернете, не должны рассматриваться в отрыве от контекста. Они использовались в судебном процессе для сбора необходимых доказательств по делу господина Лазаренко. Дело закрыто.

С уважением, Вильям Б.Тейлор, Посол».

«Следовательно, Посол сказал, что Тимошенко не была участником процесса Лазаренко, — комментирует газета «2000» этот ответ. — Формально это правильно, если понимать под участием личные выступления на процессе или дачу письменных доказательств... Но фамилия Тимошенко в этом деле постоянно фигурирует в материалах американской прокуратуры, которая называла ее соучастницей Лазаренко, а в 2003-м приглашала на допросы в США, куда лидер БЮТ не поехала...

Эти документы четко показывают, что деятельность Тимошенко была объектом расследования американской прокуратуры в рамках дела Лазаренко».

Так что «вдохновлять» на революционные действия возбужденную толпу у «хрупкой мятежницы» основания были. И очень весомые! Но синхронно с «помаранчевой революцией» и Интерпол быстренько отменит международный уголовный розыск «хрупкой мятежницы». А вновь назначенный «старый-новый» генпрокурор Пискун, который вместе с предшественниками и помощниками и «раскритикует» вот эти 250 томов уголовного дела «газовой принцессы», на вопрос журналиста «Изменилось ли ваше отношение к Юлии Тимошенко?» — ответит с поражающей невозмутимостью: «Теперь у меня к Юлии Владимировне вопросов (обратите внимание: не то что претензий, а даже вопросов! — А.С.) нет.

Вот это да! Неужели «революционный порыв» может отменить преступления, совершенные против государства и народа? Если они, конечно, были. Со времен римского права такого в юриспруденции, кажется, еще не бывало.

Но тут, под шумок, и Павел Иванович возникают! И не где-нибудь, а на 3-й странице самой оппозиционной газеты «Сільські вісті» (17 декабря 2004 года) с пространством интервью! Да еще и со «світлиною» крупным планом!

Вы еще не забыли днепропетровского экс-губернатора и экс-премьера Украины? Так вот он — собственной персоной! Эй, самые последовательные и честные оппозиционеры «Сільських вістей»! За что же вы боролись? С кем боролись? Неужто только с Кучмой? А не с его окружением, провинившимся перед Украиной намного больше? На кого же вы поменяли, на кого оставили этого «маленький украинца» и эту сельскую одинокую

старушку, забытых Богом и людьми? Степан Колесник, спасибо ему, хорошо и душевно описал, как эта полесская бабуля в лесном захолустье одна воюет с вепрями, опустошающими ее огород — последнюю надежду на выживание! А теперь вы со страниц своей уважаемой газеты прославляете «вепря» международного, а не лесного!

Какие бы ни были законы, их умело и ловко обходят владельцы награбленных миллионов долларов — вы это знаете лучше меня. Когда-то вдову погибшего на фронте солдата, несчастную и натруженную колхозницу, осуждали на пять лет тюрьмы за бутылку или торбочку пшеницы, принесенную с поля голодным детям. А нынче, украв миллионы долларов у государства, которым правят, или целое Черноморское пароходство, становятся не только депутатами Верховной Рады, но и премьерами! Даже — президентами. Сидят на этих украденных у государства и народа «зеленых» миллионах, словно святые или победители! А победителей, конечно же, не судят — их уважают и восхваляют. И отдают им почести.

Господи, в какой стране живем?!

Но вернемся к нашей героине — предоставим слово самым внимательным свидетелям тех событий и ее участия в них — тогдашнему министру внутренних дел Украины и заезжему корреспонденту. Их, зарубежных репортеров, леди Ю не забывает. И, в отличие от местных, принимает чаще и дает им интервью охотнее, чтобы «светиться» не только дома, но и за границей. Под лозунгом или «слоганом» — «Запад нам поможет!»

Том Реед. («The Independent»): «С 21 ноября Тимошенко стала силой, стоящей за протестами... Обаятельный радикал, заместитель лидера оппозиции Виктора Ющенко испытывает растущее давление — сохранить импульс реформ».

Здесь, очевидно, опять что-то не ладится с переводом: что означает «испытывает растущее давление — сохранить импульс реформ»? Как это понимать? «Давление» со стороны кого? И почему? — возникает вопрос. Да оставим напрасные попытки что-либо понять из этого запутаного предложения или несуразного перевода, а почитайте дальше Тома Рееда — может, нам больше повезет и мы поймем-таки, что он хочет сказать? А-а-а, вот как любит сам и как призывает и нас любоваться «хрупкой мятежницей» «заезжий корнет» западной журналистики: «Я просто толкаю дверь и вижу перед собою миниатюрную миловидную женщину с копной золотисто-медовых волос, одетую в розовые(!) джинсы и черную рубашку-поло». Вот это «революционерка! Знай наших!

Давайте почитаем дальше Тома Рееда:

“Она улыбается той самой потрясающей улыбкой!» — ну чем не реклама из «Плейбоя»? Но Тома Рееда заносит все дальше — вправо или влево, не имеет значения! — и он сравнивает «хрупкую мятежницу» то с Одри Хепберн, то с Марианной — традиционным символом Французской республики. И наконец: «Для поклонников она украинская Аун Сан Су Чи (лидер демократической оппозиции Бирмы, лауреат Нобелевской премии мира)». «Ты смотри, какой умный и всезнающий чертяка!» — сказали бы в нашем селе.

А может, и нам выдвинуть «пламенную Юлечку» на Нобелевскую премию мира? — подумается тогда вслед за Томом Реедом. Так ведь ее «соучастник» по ЕЭСУ Павел Иванович Лазаренко еще поныне под судом. А высокопоставленные российские генералы — так те вообще сидят в тюрьме за взятки от этой «украинской Аун Сан Су Чи»! Не дадут, проклятые, Нобеля!

Да и сам Том Реед признает: «...враги прозвали Тимошенко «газовой принцессой» и изображают ее безжалостным олигархом. Ее представляют «баронессой-разбойницей», нажившейся на энергетической отрасли Украины во время сумасшедшей приватизации 90-х, когда люди мерзли, а фабрики закрывались».

«Именно так!» — хочется согласиться с Томом Реедом, подчеркнув при этом, что мы ничего не добавляем от себя! А только цитируем корреспондента авторитетной зарубежной газеты. Мы пытаемся объективно воссоздать «помаранчевую революцию» и ее главных действующих лиц еще и глазами иностранцев. Ибо со стороны, как говорят, виднее. Том Реед ведь не только излагает свои впечатления, но и апеллирует к нашему сочувствию: «Я спрашиваю об условиях ее содержания в тюрьме. И впервые ее равновесие нарушается. Я понимаю, что она вот-вот расплчется. Как ни абсурдно, но мне хочется похлопать ее по колену».

Предоставим возможность Тому Рееду в его абсурдном желании самому выбрать место «похлопывания» в этой «трогательной» сцене. А тем временем приведем слова самой «газовой принцессы» и «баронессы-разбойницы» из той же статьи Тома Рееда: «Неожиданно Тимошенко вновь улыбается своей потрясающей улыбкой:

— Олигархи — трусы. Как только они поймут, что система изменилась, им придется изменить свои методы, чтобы не сесть в тюрьму». Вот те на! Только «изменить методы»? А грабить Украину и дальше? А мы ведь думали, что «помаранчевая революция» затевается для возвращения Украине награбленного олигархами добра! А они только «изменяют методы грабежа» — по

«программе-максимуму» пламенной революционерки? Ну, да хватит об этих делах давно минувших дней.

Сейчас Юлия Владимировна, после премьерства и отставки, возглавляет оппозицию, ведет себя настойчиво, даже агрессивно — вплоть до блокирования работы парламента, чтобы добиться выполнения своих требований. Это уже и не характер. Или не только характер, но и диктат высокомерной, фантастически самоуверенной «баронессы-разбойницы» — сошлемся на того же Тома Рееда. И тут невольно вспоминается, как агрессивно вела себя «правая рука» Ющенко во время пикетирования Администрации Президента Украины. Она призывала толпу идти на штурм! И подавала пример, перелезая через забор перед шеренгой омоновцев со щитами и в шлемах. Они, конечно, не притронулись к «неприкосновенной» депутатке и пропустили ее через свои ряды. Вот как об этом сжато и лаконично вспоминает в своем опубликованном только что первом интервью тогдашний министр внутренних дел генерал Билоконь: «Когда Юлия Владимировна в Администрации Президента побывала (именно вот тогда, преодолев забор с помощью «верных оруженосцев» из своего блока. — А.С.), во внутреннем дворе все увидела, не могла поверить, что в Украине есть такие спецвойска. Более того, об их существовании вообще человек десять знали. Это крымский полк особого назначения.

— Который прежде себя не проявлял? — спросит корреспондентка.

— Нет, я запрещал его задействовать. Ребята высоко в горах базировались — свыше тысячи человек. Еще на Банковой были отряды донецкого ОМОНа, другие ребята с востока страны. Одно скажу: там находились те, кому я стопроцентно доверял.

— Значит, Майдан брать штурмом не собирались?

— Нет. Еще раз: отдал бы Кучма как главнокомандующий такой приказ, мы бы его выполнили. И я его, кстати, спрашивал об этом. Леонид Данилович сказал: «Я не хочу крови на руках!»

И в такой крайне напряженной обстановке Юлия Тимошенко одна-единственная отважилась прорваться через баррикады, ОМОН, всяческие заслоны в самую Администрацию Президента и даже во внутренний двор, где базировался спецназ! В отваге и решительности лидеру БЮТ не откажешь. Во имя чего? Этот уже другой вопрос. Здесь не только «революционный порыв» — здесь, безусловно, та же жажда власти, которая завладела ею с первых шагов из бизнеса в политику. Очевидно, лавры Маргарет Тэтчер и Мадлен Олбрайт не дают ей покоя.

Вот и сейчас ее Блок целый день блокирует (простите за тавтологию) трибуну Верховной Рады. Тяжелое и позорное зрелище! Особенно, когда на трибуну продирается сквозь толпу упитанных и ухоженных мужчин, которые не помещаются в своих дорогих зарубежных костюмах, женщина-депутат. Ей предоставляют слово по регламенту, а те нависают над ней, словно новые центурионы или преторианцы из охраны императора Калигулы.

Жестокими кажутся и эти средства внутрипарламентской борьбы, избранные и заранее объявленные Юлией Тимошенко для достижения своих политических амбиций, а может, и заветной мечты о роспуске парламента, которого она добивается и добивается с самого первого дня своей отставки с поста премьера!

Самой леди Ю не видно, но ее сторонники, подчиненные — или как их еще назвать? — послушно и «исправно»

мвыполняют приказ или распоряжение своей повелительницы — позорно, как лакеи, торчат возле трибуны и над трибуной нависают, чтобы сорвать работу парламента или добиться выполнения ультиматума, кинутого в популистских стремлениях парламенту и правительству их неугомонным лидером.

Ультиматум, как известно, противопоказан парламентаризму. Но вас, Юлия Владимировна, одержимую жаждой власти, ничего не остановит! Даже гражданская война. Вы идете напролом к этой давно провозглашенной цели: или премьерское, или президентское кресло!

Ибо кто же вам поверит, что вы боретесь за социальные права граждан, когда в вашем блоке такие же олигархи, как и в Партии регионов? А есть и приспешники еще радикальнее вас.

Вот, например: «Боевой листок» УНА-УНСО с подписью Андрея Шкиля, 2004 год, тираж 50 тысяч: «Разбивайте собачьи московские головы! (не хунвейбиновские ли призывы времен «Культурной революции Мао Цзедунa? — А.С.). Невиновных нет! Человек, который говорит на московском языке, — это свинья. Стрельба по ним — дело дозволенное». Вот такие «активисты» у вас, Юлия Владимировна? Это «демократически», «толерантно», как и положено в правовом государстве? Поэтому и поведение в Верховной Раде вашей фракции во главе с Турчиновым вытекает не из подобных ли призывов, угроз и ваших ультиматумов? И никуда от этого не денешься.

Но ведь любовь и приверженность избирателей штурмом не берут! Для этого существуют совсем другие методы. Ваши надежды добиться, как вы сам заявили, «самой высокой должности в этой стране!» можно назвать

словами Леси Украинки: «Контра спем сперо». То есть: «Без надії сподіваюсь».

Мне же хотелось завершить мой очерк о вас в совсем иной тональности. Однако факты, как известно, вещь упрямая и неопровержимая. Вынужден подчиниться им.

Тем более что визит ваш в Соединенные Штаты Америки после десятилетнего перерыва (!?) вызвал новую волну публикаций и размышлений. Там вас принимали «на высшем уровне» и бывший министр обороны Чейни, и Кондолиза Райс, и в Конгрессе вы пугали Америку Россией, которой нынешний Премьер-министр вроде бы собирается передать газотранспортные системы Украины и втянуть наше государство в Единое экономическое пространство, а не в НАТО, не дай Бог!

Чтобы заработать популярность у правителей мира, все средства оказались хороши. Даже, простите за откровенность, ложь! Прямого разрешения на роспуск парламента, которого вы так рьяно добиваетесь, вам не дали, оставив эту процедуру определенными условиями, чтобы сохранить репутацию видимых, «позирных», по Драчу, демократов.

Но поддержку этой идеи, подогретую вашими устрашениями американцев пророссийскими настроениями Антикризисной коалиции, вы уловили и, возвратившись, сразу же «состряпали» ультиматум парламентскому большинству. После его отклонения покинули вместе с «Нашей Украиной» сессионный зал заседаний, отказавшись принимать участие в работе Верховной Рады.

Идете, что называется, ва-банк, искусственно создавая парламентский кризис, чтобы добиться все-таки роспуска Верховной Рады и проведения досрочных парламентских выборов!

Это уже и не напористость, а настоящий авантюризм. Не помогли ни блокирование трибуны, ни обесточивание системы «Рада» и всего парламента, так вы теперь отказываетесь под надуманным предлогом работать в Верховной Раде! Не за этим ли вы ездили на благословение этой «демократии» в США и получили его и от Кондолизы Райс, и даже от «железной» Мадлен Олбрайт, с которой берете пример и на которую так страстно и рьяно пытаетесь быть похожей. Как и на Маргарет Тэтчер.

Так вот, до лучших времён, леди Ю! До более благополучных, благожелательных, толерантных, если только можно ожидать их в нашей очень политизированной и жестокой жизни, в которой и вы сыграете не последнюю агрессивную и популистскую роль. Она вас до добра не доведёт. И тревожно, и стыдно, и боязно за вас! Ибо «Контра спем сперо» несет в себе не только надежду, но и безнадёгу, которой всё для вас и должно закончиться. И что тогда? Что?!

МОЛЧАНИЕ ЯГНЯТ

*Горькие размышления после вручения нынешних
Шевченковских премий по литературе*

А ви претеса на чужину
Шукати доброго добра!
Т.Г.ШЕВЧЕНКО

Страшно и грустно читать («Літературна Україна», 1 марта 2007 г.): «...между 15 и 31 декабря 2006 года в г.Оуквил, провинция Онтарио, Канада, в мемориальном парке Тараса Шевченко неизвестные злоумышленники срезали с пьедестала и похитили памятник Т.Г.Шевченко. Позже в полицию обратился собственник литейного предприятия, которому на переработку продали... **ОТПИЛЕННУЮ ГОЛОВУ ПАМЯТНИКА**»

Господи! Отпиленную голову памятника тому, кто призывал всех нас: «Обніміться ж, брати мої, молю вас, благаю!» А также: «Обніміть же, брати мої, найменшого брата!» Откуда берутся такие вандалы в наше время?! Страшно, что такие воры выросли, воспитывались и «созрели» до неслыханного варварства и воровства в благополучной, сытой, демократической Канаде. Ведь даже Гитлер, Гимлер, Геббельс, при всей их кровожадности, не смели посягнуть на памятники Кобзарю ни в Киеве, ни в Каневе,

ни в Ромнах, ни где-либо во время войны! А тут, в мирное время, в такой нам близкой, почти родной стране, которая приютила в свое время наших несчастных изгнанников!? Ужас да и только...

Но еще ужаснее, что это не единичный случай. Еще страшнее, что все человечество в погоне за «доляром» (или за 20-ю тысячами «зеленых», как в этом конкретном случае) способно на подобный вандализм в любой стране! Разве мало случаев было в Украине после развала Советского Союза? И памятники надгробные на кладбищах, и провода электропередач высоковольтных линий, и цеховые станки воровали и сдавали в металлолом!

Но чтобы такой известный всему миру памятник Гению и Пророку, подаренный Советской Украиной другой братской стране и ее народу в знак благодарности за то, что приютила наших сограждан, вынужденных покинуть в безземелье родную страну, — таких случаев, кажется, еще не было. Похитить и распилить на металлолом многотонный бронзовый памятник Гению мировой литературы и культуры — это ведь не просто «злоумышленники», а настоящие заговорщики-бандиты!

«А зачем же вы, «мистер-собственник литейного предприятия», покупали такое страшное вещественное доказательство глумления над Святыней?» — хочется спросить. Но как же ты, частное лицо, спросишь с гражданина другой страны, если твои правители молчат, словно набрав в рот воды? Если в ответ на дикий вандализм и на глумление и издевательство над национальной святыней третий месяц молчит Президент Украины! Молчит правительство! Молчит Министерство иностранных дел Украины! Молчит Верховная Рада! Как расценить это «молчание ягнят»?

Может, мы действительно — и в независимой Украине — «раби, підніжки, бруд Москви, варшавське сміття ваші пани»? — как писал Шевченко. Или мелкие и хитренькие «хохлы», которые тайком да еще и чужими руками уничтожают память о Советской Украине, подарившей Канаде и ее народу, привезя из-за океана, свою национальную святыню от лица украинского народа в 1951 году к 60-летию украинской диаспоры в этой стране? Чтобы выветрилась и память о нашем благородстве и уважении к Кобзарю? Сказано ведь: «Мы отвергаем советское псевдонаучное Шевченковедение!», — председателем Шевченковского комитета! Но, к счастью, есть и другое мнение — людей, более рассудительных, образованных, толерантных, хоть вроде бы более далеких.

А вот мнение в этом же номере «Літературної України» и новоназначенного председателя Комитета по Шевченковским премиям господина Лубкивского: «... в Польше злоумышленники поглумились над бюстом Тараса Шевченко во дворе одной из украинских школ», — пишет он «Його поважності Президенту України». Что за фразеология? Не от Папских ли нунциев в Варшаве? Ибо у нас испокон веков так не обращались даже к гетманам: не было у казаков «подобострастия»! Но хочется уточнить:

— Господин Лубкивский, разве вы не знали об этом акте вандализма на польской земле, когда присуждали Шевченковскую премию абсолютно не известному в Украине поляку?

Что это — плата за вандализм, совершенный в его стране? «Или плата за страх», чтобы вам не напомнили о вашем процветании в ненавистном теперь для вас «советском прошлом», которое вы ставите вне закона своей речью при вручении Шевченковских премий в Оперном

театре: упрекаете всех, кто не проклинает его, ибо считаете великим грехом, а то и преступлением перед нынешней Украиной даже ностальгию по нему!

Довелось видеть, как вы украдкой крестите себе грудь, будто подпольно, у могилы Олесья Гончара в годовщину его смерти. Значит, ревностно веруете? Наверное, по греко-католическому обряду? И по завещаниям Творца подставляете и правую щеку после того, как вам дали пощечину по левой, поглумившись над бюстом Шевченко? Выгодная, да и хорошая, позиция! Только очень уж гнилая: наградив Национальной премией Украины имени Шевченко гражданина Польши, где поглумились над памятником нашему Гению, и зная об этом, вы аж вот когда, чтобы обелить себя и свой Комитет, обращаетесь к президенту и тем самым переадресовываете ему обязанность и право дать достойный отпор вандалам, оставаясь в стороне, чтобы не портить приятельских отношений с друзьями-соседями. А почему же сами официально не заявляете протест? У президента ведь есть другие заботы!

Одну Шевченковскую премию вы и ваш Комитет, как уже говорилось, отдали неизвестному в Украине поляку. Другую — американцу. Жаль, что не канадцу! Было бы как раз в масть! И проявилась бы определенная тенденция: награждать Шевченковскими премиями граждан именно тех стран, где глумятся над Шевченко! А не награждать ею украинских писателей. Так для кого же она существует, эта наша Национальная премия независимого государства? Не для иностранцев ли? Тогда объявите ее Международной, а не Национальной. И снимите Святое Имя нашего Пророка. Или не имеете на это полномочий? Тогда не ведите себя, как герой Некрасова: «Вот приедет барин — барин нас рассудит!»

И вы как председатель Комитета и весь новый состав Комитета по Шевченковским премиям — все относитесь к украинским писателям свысока, исповедуя модерн, а не реалистическое отображение народной жизни. Об этом ярко свидетельствует нынешнее награждение премиями абсолютно не известных иностранцев! И прошлогоднее вручение премий имени Шевченко «Господних зерен», которыми оказались крепостники типа господина Энгельгардта, который издевался над маленьким Тарасом и свел в могилу его родителей, братьев и сестер. Помните ведь:

А сестри! Сестри! Горе вам,
Мої голубки молодїї,
Для кого в світі живете?
Ви в наймах вирости чужїї,
У наймах коси побіліють,
У наймах, сестри, й умрете!

Так кому же и за что даёт Шевченковские премии возглавляемый вами Комитет? Остановитесь и подумайте хорошенько!

И «Переписывание» Василием Шклярюм на свое усмотрение классических произведений Панаса Мирного и Ольги Кобылянской, и вот это игнорирование достойных прозаиков, выдвинутых на Шевченковскую премию в этом году — таких как Галина Тарасюк, Валентина Мастерова с ее глубоко правдивым и высокохудожественным романом о нашей молодежи, — все это происходит и растет из одного корня — из презрения к серьезной, а не развлекательной модернистской литературе, на которую вы делаете ставку, забывая, кто такой Шевченко и что он писал! А писал он кровью сердца беды и страдания своего крепостного народа, от которого никогда и ни в чем не отмежевывался, не отрекался! И не отрекся до самой

смерти! У него больше было оснований, чем у нас, ныне сущих, отнести себя к элите. Ибо вот в какой петербургской среде вращался, учась в Академии искусств в мастерской Великого Карла Брюллова! А дружил с Жуковским, графом Вильегорским, с княжной Репниной.

А вы все огулом — всем комитетом — «так и претесь» в элиту, с презрением поглядывая на несчастных, безгонорарных, брошенных на произвол судьбы и забытых властью литературных коллег. «Мы — элита! Мы — Лауреаты! А других нет! Другие — недостойны!». Проклинаете «советы». Советское прошлое, «минувшую эру»? Так исправьте же те ошибки и недочеты, которые в ту эру были, наградив, скажем, Шевченковской премией забываемого и несравненного Григора Тютюнника, Николая Негоду за его гениальную песню «Степом, степом...», над которой рыдал в своей далекой Овсянке на Енисее Виктор Астафьев! Или наградите хотя бы посмертно Василия Диденко за его необыкновенную и непостижимую в своей поэтичности песню «На долині туман... На долині туман упав. Мак червоний в росі... Мак червоний в росі скупав». Нет, вы этого не замечаете! Как Дунька, в Европу прёте: «Нате вам Шевченковскую премию! Ибо у нас некому дать — достойных нет! Кроме нас самих, олауреаченных!» Думаете, Петра Перебийноса меньше знают в Украине, чем того поляка? Или того американца? Или не можете простить ему службу в отделе культуры ЦК? Но ведь согласитесь: туда отбирали самых способных, самых достойных, самых скромных! Дураков и подлецов туда не брали! А как поэт он давно и прочно утвердился в нашей Литературе.

Да вы и сами признали это в своем выступлении на его творческом вечере в Доме учителя и обещали поддержку

при окончательном голосовании. Но давно известно: обещанного три года ждут!

Я прочитал его новую книгу стихов «Пшеничный годинник», как привык читать все, что он публиковал и издавал. Не претендую на так называемую истину в последней инстанции. Не буду прибегать и к сравнениям, ибо они в литературе не правомерны. И все же не удержусь, поскольку убежден: те, кто «завалили» Петра Перебийноса — уже в который раз! — при окончательном голосовании, не могут похвастаться, что их отмеченные Шевченковской премией сборники выше по интеллектуальному и художественному уровню, чем новый сборник Перебийноса! Вот, например, «Чорний спектр»:

Ви знаєте із чого
Виникає чорний день?
Із суміші яскравих кольорів.
Береш собі звичайний білий день.
Домішуєш ультрамарину неба,
зеленолистя і багряноцвіту,
Затим до цього спектра додається
Чиясь рум'янощока підлість.
В очах спливають кола
І зливаються
В єдину — чорну барву дня.

Какое иносказание! Какой морально-настроенческий подтекст, братья Поэты! Настоящий модерн по форме! И таких стихов — подавляющее большинство в «Пшеничному годиннику». Но и этого новаторства, к сожалению, мало для герасимьюков и рымаруков с драчами. Им лишь бы только «Ніж у сонці»! Что же, хорошая поэма-феерия. Но ведь не только она да она? Большое количество ножей не всегда продуктивно: они пригодились преторианцам —

охранникам ужасного выродка Калигулы, когда, сговорившись, вынесли его, мертвого, на ножах из Сената и бросили под ноги прохожим и под колеса колесниц и экипажей на мостовую, как падаль. А если воткнуть много ножей в Солнце, оно может и погаснуть...

А что? Модерн — единственное направление в литературе? Неужели традиции, проверенные веками, ничего не стоят, как опыт и приобретение тысячелетий? Почему вы их объявляете вне закона? Похоже, что да, если проанализировать деятельность председателя и самого Комитета за последние два года. Вам не жизнь народа интересна — вам подавай экзотику! «Лицо пустыни», например. Хотя было «Лицо деревьев» Любви Пономаренко — замечательные новеллы истинно современной литературы! Да разве вы заметите ее в забытой Богом и людьми Гребенке со своего тщеславного Олимпа? А ведь именно из Гребенки кавалергард и завсегда тай петербургских великосветских балов Евгений Гребёнка еще вот когда взывал в «Сулі і Оржиці»:

Хто знає Оржицю? Ануте, озивайтесь!
Усі мовчать. Гай-гай, які шолопаї!
Вона в Сулу тече у нашій стороні!
(Ви, братця, все-таки домівки не цурайтесь!)
На річці тій жили батьки мої...

Но что вам Сула и Оржица? Вам подавай Европу! Да так, чтобы удивить ее не только премиями Шевченковскими, раздавая их направо и налево, но и сногшибательным модерном!

Не зря же вы, господин председатель, в своей «тронной» речи, занимая этот ответственный пост после Ивана Дзюбы, пообещали, читая с листка, дабы не ошибиться, что будете «строго отбирать высокохудожественные, МОДЕРНЫЕ(!) произведения для награждения Национальной

премией Украины имени Тараса Шевченко». Меня тогда поразило это акцентирование. Ибо в нем — чистейший снобизм! А Шевченко снобом никогда не был и не мог быть! Как и Толстой, как и Диккенс, как и Достоевский, Коцюбинский и Чехов. Наконец, как и Торнтон Уайлдер — знаменитый археолог, который 25 лет раскапывал для человечества Трою, а потом, вернувшись в Англию, неожиданно для всех написал роман о совсем иной эпохе — эпохе Гая Юлия Цезаря и Клеопатры — «Мартовские иды». И никакого тебе модернизма! Настоящий исторический реалистический роман. Но и поныне так захватывает, что не оторвешься! Поскольку это настоящая Литература, без никаких «измов».

И вы все это достояние мировой литературы отвергаете ради модернизма и постмодерна? С кем и с чем же вы остаетесь? С Андруховичем и Оксаной Забужко? Но сравните несравнимое и несравненное со скороспелками и эпатажем да матами! Какая бедность! Какое однообразие! Какое убожество!

Модерн и снобизм, я глубоко убежден, совсем не приуси Шевченко. А тем более — его творчеству. Ни его мировоззрению. Он думал, мучился и страдал мучениями и страданиями своего народа! А вы заботитесь о чем? Об эпатаже? Так вот, смотрите, ребята: в свои ли сани сели? Не ошиблись ли в очередной раз те, кто вас посадил в них, словно по известной шутке одного остроуслова-мудреца: «У нас что ни сложишь — получается пулемет!»

И еще одно, последнее. Вчера вы, господин Лубкивский, обвиняли украинских писателей — надо думать, в первую очередь выдвинутых на соискание Национальной премии имени Тараса Шевченко, — в том, что они, к величайшему вашему сожалению, не избавились от ностальгии по советской действительности. Мы уже слышали из уст

вашего сына, что надо немедленно уничтожить всю советскую атрибутику, символику, исторические памятники, ибо все это, по его словам, мешает воспитывать молодежь «в патриотичном духе». Но ведь для этого пришлось бы ликвидировать Музей Великой Отечественной войны, сровнять с землей Холм Славы и снести на нем могилы Героев Советского Союза с надгробиями из полированного гранита и лабрадорита, памятник генералу Ватутину «От Украинского народа», уничтожить многочисленные мемориалы по всей Украине. А это ведет к беспмятству и одичанию! Поэтому, наверное, ваш сын исчез с телевизионных экранов, на которых он некоторое время мелькал, раздражая такими непродуманными заявлениями телезрителей — граждан независимой Украины.

А кто вы сами, господин Лубкивский, позвольте вас спросить: оракул, волхв или новейший Сократ? По какому праву рядового литератора запрещаете ностальгию по советскому прошлому, в котором — мы ведь это хорошо помним! — были не только голодоморы, ГУЛАГи и репрессии, как заверяют такие, как вы, «оракулы», но и совсем иное — то, о чем и мечтать не могут сейчас трудящиеся? Почему позволяете себе не только «гадюкой лезть в глаза», по выражению закарпатцев, но и удавом заползать в наши души?! Всем тем, кто чисто по-человечески тоскует по своей молодости, которая никогда уже не вернется? Или на это надо спрашивать разрешения у председателя Комитета по Шевченковским премиям? Это ведь совсем не ваша «сфера». Ведь должность председателя вам дали странным образом при жизни настоящих классиков нашей несчастной литературы: Драча, Олійника, Павлычко, Загребельного, Дзюбы и Лины Костенко, намного талантливее и достойнее вас?

Я только спрашиваю и ничего не утверждаю, ибо чем дальше, тем непонятнее мне становятся и государственные события с абсолютно открытой легальной подготовкой государственного переворота, который возглавляет в виде формирования отрядов «Самообороны» для весеннего похода на Киев (что очень уж напоминает «Марш справедливости на Рим» Бенито Муссолини!) сын абсолютно толерантного, порядочного и незабываемого отца, который честно положил свою жизнь, защищая права ветеранов войны и труда, инвалидов, пенсионеров — всех обездоленных и незащищенных, возглавляя соответствующий комитет Верховного Совета Украины. Все запутаннее становится и ситуация в нашем Национальном Союзе писателей, который усилиями нынешнего руководства потерял даже права юридического лица, потерял и Литфонд — и все это в угоду придуманного председателем Союза карманного комитета имущества, основной функцией которого является процесс его окончательного отчуждения от писателей. Вы ведь, может быть, слышали, как бедствуют украинские писатели? Без возможности публиковаться в журналах, которые едва существуют. Издавать книги только в мечтах да еще в надеждах, которые умирают последними вместе с безгонорарными авторами.

Так придержите при себе и собственный, и комитетский снобизм, отдавая выделенные правительством в поддержку отечественной литературы Шевченковские премии иностранцам: вот какие мы, дескать, требовательные, щедрые и принципиальные! Не выставляйте этот ненавистный и не очень умный снобизм напоказ, отрицая само существование отечественной литературы, объявляя реализм и реалистические произведения о живой жизни, о страданиях и переживаниях родного народа вне закона! Ибо за это

когда-нибудь придется очень дорого платить. А были среди выдвинутых на нынешнюю Шевченковскую премию писатели и произведения достойнее ваших «забугорных» избранных!

В частности, повторюсь и настаиваю, это книга стихов Петра Перебийноса «Пшеничный годинник»; широкоизвестная сейчас в Украине Галина Тарасюк с романами и повестями, которые печатались и печатаются постоянно почти во всех газетах и журналах — и столичных, и областных. И Валентина Мастерова с романом «Суча дочка» — давно у нас не было таких правдивых, острых и высокохудожественных произведений о нашей молодежи и ее запутанной в сетях потребительского мира, сложной, а зачастую и трагической судьбе! Жаль, что самовлюбленность и снобизм подавляющего большинства нынешних членов Шевченковского комитета мешают им замечать чужие достижения и успехи, упиваясь собственной, чаще всего эфемерной славой.

У такого доморощенного снобизма из-под долгополого и разукрашенного «кептаря» нет-нет, да и проглядывают лапти хутора Букулькино, придуманного некогда Тарапунькой в его интермедиях. Или же лапти, которые хорошо морщат и в наших степях, и на Гуцульщине, и в Галичине. Особенно в Карпатах. И на Буковине, да и на Вольни — везде, где родились современные модернисты и постмодернисты, которые уже надоели, как горькая редька.

— Элита, где ты? — иногда хочется воскликнуть.

В ответ — молчание. Да где же, черт возьми, эта элита? Разве что в самовлюбленности? Зато Шевченковские премии — за «бугор»! «Знай наших!» А свои писатели пусть прозябают и дальше — нам-то что? Мы ведь — элита, черт побери! Все-таки элита! А там хоть трава не расти!

ГИЕНЫ

К созданию «музея советской оккупации»

Читаю газетное сообщение и не могу прийти в себя — не верю в саму возможность такого бреда! Словно попадаю в театр абсурда!

«2 марта, находясь в гостях у грузинского коллеги и близкого батоно Саакашвили, Виктор Ющенко озвучил очередную «объединительную» для страны идею: создание «музея советской оккупации».

Такого глумления над историей собственной страны и народа представить невозможно! Это может разве что присниться в кошмарном сне! Но и от такого видения проснешься в холодном поту и долго будешь соображать: «Что за бред лезет мне в голову?» — подумается с ужасом. Так, что захочется и перекреститься.

Но журналист приводит реальные, а не навеянные сном, размышления Виктора Ющенко, нашего президента, который чем дальше, тем чаще удивляет не только высказываниями, но также неожиданными и не совсем взвешенными и мотивированными решениями.

«Нам, безусловно, надо сделать это в Украине, — заявляет он журналистам, осмотрев вместе с президентом Грузии только что открытый в Тбилиси «музей советской

оккупации». — Я понимаю, что это будет нелегко...» — размышляет он. Зря!

Виктор Андреевич! Не то слово! При чем здесь «нелегко»? Когда это — КОЩУНСТВО! Глумление над собственной историей! Ведь нельзя ее подгонять ни под Гитлера, ни под Геббельса, ни под Рейгана, ни под Бжезинского, ни под Саакашвили! Она существует в документах, в фактах, но больше всего — в памяти человеческой! Опомнитесь и Вы! И перекреститесь, испугайтесь мысли, а не только своего намерения, возникшего, очевидно, чисто эмоционально, спонтанно, под впечатлением только что осмотренного «музея советской оккупации» — грузины умеют удивлять. Щедрый на выдумки народ!

Но президента грузин можно хоть немного понять, если не простить: Грузия не была оккупирована гитлеровской Германией! Вот и додумался батона Саакашвили, следуя прибалтам, хотя бы таким образом удивить мир или хотя бы свой народ, гибнущий от провала и разбалансированности экономики. А главное — выслужиться перед американцами, которые рьяно содействовали его победе на президентских выборах, активно «поддерживая демократию» в этой стране, на все лады восхваляя своего ставленника-протезе и щедро финансируя его избирательную кампанию всяческими «негосударственными фондами».

Грузины спокойно восприняли затею своего президента с этим «музеем советской оккупации», позаимствованную у прибалтов.

Это издевательство над поверженной в «холодной войне» бывшей Родиной, которая единственная в мире сумела выстоять под мощными ударами гитлеровского вермахта, под его танковыми клещами, завоевавшими почти всю Европу, почти всю Африку! Мы тоже остановили их аж

на Волге, разбили под Сталинградом, под Москвой, под Ростовом, на Курской дуге и спасли человечество от фашизма! Эта человеконенавистническая акция с открытием таких лживых и подлых «музеев» напоминает гиен — самых подлых и грязных хищников, которые сами не способны напасть на буйвола или рогатую антилопу гну, а додают их останки после трапезы львов, леопардов или гепардов. У Редьярда Киплинга есть знаменитое стихотворение, которое так и называется: «Гиены». Оно принесет ему — волонтеру Африканского колониального корпуса — всемирную славу, как и «Пехотные колонны» с подзаголовком «Африканский марш».

Это знаменитое стихотворение, известное всему миру, но, к сожалению, и поныне не переведенное на украинский язык, привожу в блестящем переводе Константина Симонова:

Когда хоронивший отряд уйдет и коршуны улетят,
Приходит у мертвого взять отчет мудрых гиен отряд.
Как он умер и почему? — не важно для жадных морд!
Они прорывают свой путь к нему,
хоть грунт, как железо, тверд.
Здесь будет сегодня жратва для них —
они пожрут без затей:
Из всех беззащитных тварей земных
мертвый солдат беззащитнее всех!
Они скребут песок без конца. И чавкают, и рычат.
И хакки бедного мертвеца клыками вверх волочат.
И вот появился на свет солдат — кругом ни друзей, никого...
И лишь глаза гиен глядят в пустые зрачки его.
Козел бодает, воняет тля, ребенок дает пинки!
Но бедный мертвый солдат короля не может поднять руки.
Гиены трусов и храбрецов жуют без лишних затей,
Но они не пятнают имен мертвецов — это дело людей!

Так что люди, по мнению и убеждению Редьярда Киплинга, бывают хуже и подлее даже гиен! «Пожирательниц рожениц и телят!» — по определению Хемингуэя, который часто и подолгу охотился в Африке и хорошо знал, как они целыми стаями нападают на самок зебр, антилоп, коз и даже на буйволиц в момент родов! Самые подлые твари Африки!

Я вспомню это стихотворение, когда прочитаю сообщение об открытии в странах Балтии и в Грузии «музеев советской оккупации». Ибо эти «музеи» позорят все наше Великое Государство, каковым и был в действительности Советский Союз. И каждого его жителя, живого и мертвого, павшего в бою на фронтах Великой Отечественной войны против фашизма. Ленинградца ли, умершего от голода и истощения в страшной блокаде, завершившейся скорбным Пескаревским кладбищем. Эти лживые, по сути, диверсионные порождения истлевшей в ненависти психики бросают тень на весь наш украинский, русский, белорусский и на все народы Советского Союза. На наших Героев и Героинь: летчика Гастелло, направившего подбитый и горящий самолет на колонну фашистских моточастей, чтобы ценой собственной жизни нанести врагу огромные потери. Тех 28 героев-панфиловцев, которые под разъездом Дубосеково пали в неравном бою, но не пропустили фашистов в Москве! Они хулят славные имена Зои Космодемьянской — отважной десятиклассницы, замученной и повешенной гитлеровцами в селе Петрицево, Александра Матросова — моего ровесника, который восемнадцатилетним закрыл грудью амбразуру немецко-фашистского дота, чтобы спасти от кинжального пулеметного огня бойцов и командиров своего стрелкового батальона на заснеженной равнине у села Чернушки!

Этот дьявольский, а не человеческий, замысел и порождение, до которого не додумались даже Гитлер с Геббельсом, позорит не только наших героев, безымянных Известных солдат, погибших на полях сражений от Баренцева до Черного морей, на Перекопе и под Севастополем, под Сталинградом и под Киевом, под Москвой и Ростовом, но и тружеников тыла, которые ковали оружие Победы над гитлеровскими завоевателями-поработителями! Виноваты ли мы в том, что остановили фашизм и спасли человечество от всего того, что обещалось ему со всей откровенностью в зловещей «Майн Кампф» Адольфа Гитлера?! Все это лежит за пределами не только здравого смысла, но и человеческой психики.

Как же мог наш президент присоединиться к этой компании новейших гиен, осквернителей народной памяти, народных подвигов, почти столетнего труда в самоограничении своих граждан, которым выпала горькая участь гибнуть в борьбе с лютым врагом человечества, защищая Родину, и дважды за свою жизнь восстанавливать разрушенное войнами и нашествиями врагов народное хозяйство, уничтоженные заводы, фабрики, города и села. И все это похоронить под провокационными обломками выдуманных маньяками «музеев советской оккупации»? Вы задумывались над этим, господин президент, прежде чем перенимать этот мерзкий опыт новейших геростратов? Наверное, нет.

Так задумайтесь хотя бы сейчас, прежде чем принимать окончательное решение об открытии и в Украине зловещего «музея советской оккупации». А немецко-фашистской не было что ли? Или то было благо? Расцвет и процветание, а не виселицы, расстрелы, в первую очередь, евреев, коммунистов, политработников по тому приказу

Гитлера «О комиссарах», подпольщиков и партизан, которых следовало расстреливать на месте или вешать без суда и следствия!

Да и сами Вы осознайте, наконец, какая это глупость. А может, и преступление — так издеваться над своей историей и над своим народом! Недаром сорвалось у Вас перед журналистами:

«Когда я говорю эти слова, я понимаю, сколько там определенных сил взбунтуется», — жалуется Вы.

Нет, Виктор Андреевич, не «определенные силы», как принято называть политические партии или группировки, а весь народ взбунтуется! Пора Вам подумать не только о Галичине, где Вы учились и длительное время работали после окончания финансово-экономического института, а вспомнить и обо всём народе Приднепровской, Центральной, Южной, Восточной Украины, который в нищете, в муках, в ограничениях и недоедании грабарками и лопатами строил ДнепрогЭС, Харьковский тракторный завод и Краматорский станкостроительный завод, которых доселе в Украине никогда не было!

Я еще с детства хорошо помню, как люди из нашего села пешком ходили, как говорили тогда, «в Краматоровку», устраивались там сначала подсобными рабочими, а потом учились на курсах, на рабфаках, приобретали профессии и опыт, выдвигались на руководящую работу, как и Вы в банковской системе. О них писали газеты, печатали их фотографии как передовиков производства, как Героев Труда! Да Вы это знаете и сами. Не хуже меня. Забыли что ли? Так вспомните!

Разве это была «советская оккупация», а не радостный труд на себя и своих детей, на благо своей Родины — Украины, чтобы превратить ее из отсталой, аграрной в

передовое, индустриальное государство, электрифицированное Днепрогэсом!

Мы жили своей жизнью, отличающейся от жизни рейганов и бжезинских, даже абсолютно непонятной для них. Но именно с подачи этих господ и их последователей и Вы, вслед за батано Саакашвили, собираетесь и у нас в Украине открывать «музей советской оккупации».

Побойтесь Бога, Виктор Андреевич! Вы ведь верующий человек! Как же можно всех нас, кто так тяжело и самоотверженно работал не покладая рук, иногда недоедая, часто недосыпая, строил индустриальную Украину, воевал с лютым врагом за ее свободу с оружием в руках, а потом освобождал от немецко-фашистских — настоящих, а не выдуманных, ОККУПАНТОВ, — как же можно весь народ называть оккупантами своей земли, на которой проливали и пот свой, и кровь свою?! Родились на ней, жили, учились и работали.

Дайте нам — фронтовикам и созидателям — спокойно умереть на своей родной земле, которую мы и обустроивали как могли, и обороняли, и отвоевали у фашистских оккупантов не только для себя, но и для своих детей, внуков и правнуков! Ибо Вы теперь, будучи Президентом Украины и замышляя преступный по своей сути и клеветнический «музей советской оккупации», обкрадываете общий статус советских граждан, воруете у нас и нашу наполненную трудом жизнь, и нашу Победу над фашистами! Или ее и не было, по-вашему? И не было ни нашего труда, ни наших подвигов на фронтах Великой Отечественной войны? Вы ведь нас на старости делаете всех оккупантами родной Украины! Это и в страшном сне не привидится!

Ибо мы ведь были одновременно гражданами СССР и Украины, о чем и писалось в наших паспортах, в отличие

от нынешних, когда никто не докажет, кто он по национальности. Да разве мы оккупанты? Большого абсурда, унижения и лжи не придумает и сам сатана! На такие выдумки способны только Ваши заокеанские лжецы-наставники! И Ваше ближайшее окружение, подобранное исключительно из Галичины, словно Большой Приднепровской Украины и вовсе не существует. Доколе же Вы будете потворствовать бывшим коллаборантам или их потомкам?

Зная Вас, я стерплю. Но большинство честных людей, названных «оккупантами» своей родной Украины, проклянут и Ваших заокеанских наставников, и Вас с Вашими намерениями создать этот злосчастный «музей». Вы ведь не Калигула и не тот Герострат, который сжег ради эфемерной славы Александрийскую библиотеку.

«Но ради наших дедов, прадедов, ради наших внуков это надо сделать», — подытоживаете Вы. Лучше бы Вы этого не говорили! Ибо я вот и есть дед перед Вами и перед Вашими детьми. И я говорю Вам: не обкрадывайте ни нас, ни, тем более, своих и наших детей и внуков! Ибо Вы их осиротите — сделаете этим лживым «музеем» сиротами Истории! Если украдете у них советский период из истории Украины, так с чем же они останутся и кем станут на распутьях многолюдных? Безотцовщиной Истории! — вот кем! Они потеряют ореол внуков и правнуков Победителей фашизма и Освободителей человечества от коричневой чумы.

Ведь именно Советская Армия и Советский народ своими подвигами, пролитой кровью на полях грандиозных сражений с фашизмом спасли от полного уничтожения еврейский народ, представители которого зачастую забывают об этом и проклинают Советский Союз хуже, чем фашистскую Германию, устроившую Холокост, уничтожившую

в застенках, в концлагерях и в крематориях 6 (шесть!) миллионов безоружных евреев! Ни в чем не повинных людей! Только за то, что они — евреи! Преимущественно — стариков и немощных, женщин и детей. А какое юношество погубили из расистских побуждений и псевдонаучных теорий о неполноценных народах! А вот «музея фашистской оккупации» в Украине нет! Так как же будет существовать этот, выдуманный Вами вслед за батона Саакашвили, «музей советской оккупации»?

Непостижимо и трижды удивительно даже думать об этом! Ибо россияне строили, параллельно с нашим Харьковским, свой Сталинградский тракторный завод. Превратили Урал, полудикий и заброшенный, в регион высокой и многоотраслевой индустрии. Так ведь и грузины не сидели сложа руки — построили металлургический комбинат в Ткварчели, о чем писали тогда все газеты, беспрерывно шли оттуда радиорепортажи.

Как же надо возненавидеть свой народ и свою историю, чтобы додуматься до такого кощунства! Иначе как рабским выслуживанием перед США это не назовешь. Хотя можно еще назвать эту авантюру и расплатой за возведение на президентские «троны» обоих американских батоно!

Так вот, подумайте хорошенько и не спешите с этим «музеем», пока выйдем мы — победители истинных оккупантов Украины! А без нас уже выдумывайте, что угодно! Хотя, по правде говоря, горько и тяжело думать о том, что после нас лжи и грязи на Великую Отечественную войну, на нашу память о ней, на Советское государство и на наши имена будет литься еще больше нашими врагами — своими и чужими. Они, ослепленные ненавистью, никогда не задумаются над тем, что своей ложью унижают не только нас, но и Украину, и её Историю.

Странно и непостижимо, что этот процесс инициирует нынешний Президент Украины, который вроде бы и думает о ней, и озабочен ее имиджем в зарубежье, перед Европой.

Но поскольку Вы не историк, а финансист, то и заботы Ваши кажутся иногда странными, иногда неожиданными, а чаще всего — какими-то галичанскими, что ли? Словно Большой и Соборной, Приднепровской Украины для Вас и не существует вовсе. В этом есть что-то странное и непостижимое, коллаборационное, как и сама Галичина, которая через ОУН сотрудничала с «Великой Германией» фюрера. И от этого не отмоешься и не открестишься ни перед историей, ни перед грядущими поколениями, сколько ни создавай «музеев советской оккупации».

Ибо украинцы, как и все советские люди, жили и работали в Советской Украине, а она, благодаря их труду и стараниям, занимала почетное десятое место среди развитых, самых передовых стран мира!

Так вот оккупантом своей родной земли наш народ не был и не может быть по определению, историческому и юридическому! Не знаю, на какой идейной основе будете строить Вы свой эфемерный «музей». Могу судить по себе: с этим намерением и проектом Вы, наш президент, отделились даже от меня невероятно! Хотя Вы — близкий человек для всей нашей семьи.

А что же скажет «электорат» на следующих президентских выборах? Особенно теперь, когда появилась на политическом горизонте «Новая американская надежда» — вот о чем лучше бы подумать Вам, а не о «музее советской оккупации».

Хотя и без этого хлопот у Вас, трудных и более сложных, хватает. И они со временем не будут уменьшаться, а

все больше умножаться и становиться более сложными. Ибо проблем в экономике, в финансовой системе, близкой Вам, в промышленности, сельском хозяйстве и социальной сфере всегда было много. Хватает их и сейчас! Так что, ей-богу, сейчас ни Вам, ни обществу, ни политикам и простым труженикам не до музеев! Да еще таких одиозных, что и не поймешь, как подобная идея могла возникнуть при здоровом уме?

Горько и больно мне писать об этом, но — должен! Ради Истины, которая дороже всего в этом жестоком, прагматическом, бездуховном мире. Ибо когда видишь такое кощунство, молчать — подло! Если не мы — граждане Украины, — то кто же тогда защитит ее Историю? Нашу с Вами Историю, господин Президент, на которую Вы сами идёте войной!

Опомнитесь! Галичанам Вы этим музеем, возможно, и угодите, а остальная, Большая — Приднепровская, Центральная, Южная и Восточная — Украина? Подумайте о ней! Вы ведь мечтаете о нашей Соборности, о единстве всех граждан Украины, а созданием абсолютно немотивированного, дикого, простите, «музея советской оккупации», которой в действительности не было и не могло быть. Вы посеете ветер нового раздора среди народа Украины, а пожнете бурю человеческой ненависти и презрения! Неужели Вы стремитесь к этому?

Ведь не ради этого «музея» Вы боролись за пост Президента Украины и эта «борьба» едва не завершилась кровопролитием?! Так не обостряйте опять ситуацию в Украине — нам и без этого живется сейчас нелегко.

ГАМБУРГСКИЙ СЧЁТ

— Ющенко приехал! — вбегает взволнованная невестка Нина на веранду, где за столом уже усядутся гости и родственники отмечать мое 75-летие.

В первую минуту подумаешь: «Явился неугомонный Олекса Яковлевич Ющенко — старейший наш поэт». Выхожу встречать и вижу... Совсем другого Ющенко — молодого и красивого главу Национального банка Украины. Одетого скромно и просто, по-дачному: в вельветовых брюках и свободной рубашке навыпуск. Он как раз выйдет из-за руля новенького автомобиля «Вольво» цвета морской волны. Выйдет легко и ловко с раскрытой бархатной зеленой коробочкой, из которой улыбается юбилейная серебряная монета с вычеканенным на ней барельефом Святого Владимира-Крестителя.

— Поздравляю вас с юбилеем, — скажет Виктор Андреевич, дружески улыбаясь. — А это мой подарок — еще горячая, прямо с монетного двора! За «Степь», — целует в правую щеку. — И за «Белые тучи», — целует в левую. И идет к нашему Виктору, который тоже выйдет из-за стола встретить гостя. Они обнимутся, как братья. И я пойму: Ющенко пригласил наш сын! Это его сюрприз не только мне, но и всей нашей семье. Мы все давно знаем об их сотрудничестве и дружбе и симпатизируем молодому банкиру.

Молодая белокурая женщина, приехавшая с Ющенко, все еще сидит на переднем сиденье и выходить будто не собирается. И я кричу Ющенко:

— Виктор Андреевич! Это Ваша жена?

Но он в это время разговаривает с нашим Виктором и, наверное, не слышит меня. А белокурая красавица в свободном широком летнем платье буквально выпархивает из машины, с лету целует меня и тоже кричит:

— Виктор! Так я твоя жена?

Не прекращая беседы, Ющенко отмахнется, не оборачиваясь, и, обнявшись, оба Виктора идут в веранду за стол, где нас уже давно-таки ждут гости. А Катя шепнет мне на ухо:

— Пока что — нет, — так доверительно и радостно, что я сразу пойму: свадьба не за горами!

А перед Новым годом с удивлением узнаю, что Катя... родит Виктору первую дочь! А по ней ведь решительно ничего не было заметно! Никаких признаков беременности — всего за каких-то три месяца до родов!

Останавливаюсь на личности Виктора Ющенко и его жены потому, что они — ключевые фигуры «помаранчевой революции»: ради его президентства и затевалась вся «помаранчевая» катавасия, как в Грузии — «розовая» ради Саакашвили. Оба — ставленники США, претендента на мировое господство. Уже и сейчас все в мире творится по указке Соединенных Штатов Америки — так сказать, под их «патронатом», с помощью агрессивного и карательного НАТО, в которое нас настойчиво втягивает ныне наш Президент.

И не останавливают его ни растерзанная этим альянсом и его «миротворческими действиями» Федеративная Республика Югославия, которая посмела вести независимую политику и не позволяла вмешиваться в свои

внутренние дела, отвергая диктат США, Международного валютного фонда, Единого банка развития и реконструкции. Именно за эту непокорность и непринятие «нового мирового порядка», насаждаемого США, она и будет сначала расчленена, как труп в морге при судебно-медицинской экспертизе, а потом разбомблена «миротворческими акциями НАТО», как назовут это варварство, этот преступный разбой и геноцид, преступление против славянства и Православия на Балканах продажные средства массовой информации.

Не останавливает нашего Президента и судьба Афганистана и режима талибов, сперва активно поддерживаемого США в борьбе против СССР, но потом укрощенного тем же НАТО, как только талибы выйдут из-под контроля Соединенных Штатов. Именно они и породят в свое время этот фанатически-религиозный режим на наших границах. Так же, как зашлют сюда и самого главного в мире террориста бен Ладена. А он, рьяный исламист, повернет оружие, полученное от Североатлантического альянса, для борьбы с ним, против всемирной экспансии США. И теперь они ищут, но никак не могут найти своё исчадие.

А талибы уже приходят в себя и снова теснят и выгоняют вояк НАТО из своей страны, с многострадальной земли, из неприступных гор и ущелий. И «натовцам» теперь понадобится даже наша помощь — газеты сообщают в статье «Новая война Виктора Ющенко»: «26 января президент Виктор Ющенко подписал Указ №47 «О направлении миротворческого персонала Украины для участия в операции международных сил содействия безопасности в Исламской Республике Афганистан». Так что снова мы в Афгане. Уже и без «Советской империи зла»

— исключительно по своему «суверенному желанию»? Нет! По капризному желанию «гаранта» Конституции, который обещал не принимать участия в «чужих войнах», не посылать сыновей Украины гибнуть или проливать кровь за чужие интересы, как было, мол, при «советах». Но разве откажешь сюзерену, если он даже намекнет, а не попросит?

Бельмом в глазу президенту США Джорджу Бушу и всем насаждателям «нового мирового порядка на все века», а также, в первую очередь, Израилю был режим неуступчивого Саддама Хусейна. Что случилось с Ираком и с его лидером, знает весь мир.

Об этом можно сказать лишь одно: объявив борьбу с терроризмом после 11 сентября 2001 года, то есть после отчаянной воздушной атаки исламских террористов Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и правого крыла Пентагона в Вашингтоне, Соединенные Штаты во главе с неудачником-президентом сами стали доселе небывалым в истории человечества государственным террористом, готовым уничтожить любую страну, если она проявит хоть малейшую независимость от США!

А президента Ирака, который вроде бы производил оружие массового уничтожения, но его почему-то не обнаружено после развязывания преступной разбойничьей войны, затеянной именно по этому поводу, публично вешают перед телекамерами, явив «демократическому обществу» средневековую жестокость времен Святой Инквизиции. Вот это и есть «демократия» США!

А в других странах именно они, «самые последовательные демократы», запрещают смертную казнь самым жестоким преступникам, даже серийным убийцам, защищая «права человека»! А в действительности сеют по всему

миру так называемый управляемый хаос, чтобы в нем, как в мутной воде, ловить рыбу, добиваться воплощения своих геополитических интересов и выгод.

В каком же мире мы живем, победив и уничтожив предыдущего претендента на мировое господство — фашистскую Германию Гитлера с его «новым порядком» — «Нойе Орднунгом»? Невиданными жертвами! Ценой жизни, кровью и подвигами многочисленных Героев, страданиями народов всего мира! А теперь новый, еще более страшный и жестокий агрессор нависает над нами, над судьбой каждой страны и народа!

Разве можно оставаться человеком, служа верой и правдой таким террористам-поработителям, которые бесстыдно и нагло прикрываются демагогией о «свободе» и «правах человека», о «свободной прессе» и «гарантии неприкосновенности человеческой личности»? А для утверждения этой лжи и обмана не колеблясь проливают моря человеческой крови — крови мирного населения тех стран, которые не подчиняются НАТО и США.

К тому же запасы наилучшей в мире нефти в Ираке исчерпаемы! Как же их не захватить единственной в мире сверхдержаве? Это и является главной целью агрессии США в ближневосточной стране с древнейшей цивилизацией знаменитого Двуречья между Тигром и Евфратом. Часто вспоминаешь об этом, размышляя над позицией новоизбранного Президента Украины.

Кому же Вы служите, Виктор Андреевич? Только не говорите, что служите Украине! Ибо это — ваша номинальная обязанность Президента. Но ведь в стратегическом плане Вы руководствуетесь явными и тайными указами Вашингтона! Иначе Вы не перевели бы из Львова в Киев резиденцию греко-католической церкви. И не

просто в Киев, а именно на Левобережье, готовя плацдарм для экспансии католицизма против Православия на все территории, расположенные восточнее Днепра, вплоть до Дона и Волги! Забыли, что знаменитое Рыцарство Запорожское во главе со своим величайшим Гетманом боролось не просто против шляхты и Жечи Посполитой, а именно за Веру Православную, без которой не мыслило ни воли, ни самой жизни на родной земле — земле, политой потом и кровью своих предков!

Вы ведь, кажется, уважаете историю Запорожской Сечи, господин Президент? Как же расценивать этот Ваш шаг в содействии экспансии католицизма на нашей православной земле? Ведь даже во времена короля Польши Яна-Казимира, когда Киев по договору отходил Жечи Посполитой, в нем был только один представитель — королевский староста Адам Кисиль. Но ни о каких католических представительствах не было и не могло быть и речи! На этом стояло славное православное воинство Низовое, Казацкое, Запорожское! Почему же мы предаем его память и священные заветы? Неужели они ничего не значат для вас и для нас?

Не стали бы Вы, если бы не служили американцам, унижать и Героев, и участников Великой Отечественной войны — истинных освободителей Украины от немецко-фашистских оккупантов! Мы не сидели в схронах, как те, кого вы возвышаете над нами — фронтовиками — не без подделки, а то и по требованию лживых заокеанских хозяев, стремящихся переписать историю Второй мировой войны, чтобы представить себя главными победителями над фашизмом. Хотя и вступили в нее по-настоящему лишь в июне 1944 года, когда вермахт усилиями Советской Армии и Советского народа уже был разбит, обессилен

и стоял перед катастрофой полного поражения и гибели.

Еще раз подчеркну: мы не прятались по схронам, не убивали, не расстреливали своих сограждан, не давили удавками односельчан и соседей только за то, что те подавали заявления о вступлении в колхозы! И не рубили им головы на порогах родных жилищ, как это случилось с родителями моего родственника — мужа двоюродной сестры моей жены.

В тот день родители семилетнего Степки Захарчука подали заявление в колхоз и по такому случаю позвали обедать его крестную мать. А та, засидевшись до вечера, забрала с собой крестника: «А пойдем, Степочка, со мной! Крестная вареничков с вишнями сварит и угостит тебя со сметанкой и медком». Угостит да и оставит крестника ночевать, ибо далековато семилетнему мальчугану вечером через все село, да еще и через ручей, домой добираться. А утром прибегает Степка и застает отца... с отрубленной головой на пороге сеней, а маму с перерезанным горлом — на пороге дома! Так расправлялись вояки «визвольных змагань» со своими односельчанами только за намерение вступить в колхоз!

И вот таких «героев» Вы возвышаете, господин Президент?! А нас отодвигаете на маргинес, хотя мы отчаянно, смело бились насмерть с фашистскими поработителями на полях грандиозных битв, проливая кровь, отдавая свои молодые жизни за свободу Отчизны! Защищали грудью своей СССР, Украину и все человечество от фашистско-нацистского порабощения!

А нам в это время стреляли в спину, выползая из схрон, прислужники фашистов, которые из сформированных абвером адмирала Канариса и ведомством Генриха Гимлера — штабом СС-Ваффен — карательных батальонов

«Нахтигаль» и «Роланд» и из разгромленной советскими войсками под Бродами 14-й дивизии СС «Галичина», влились сначала в УПА, а после её разгрома превратились в мелких террористов — убийц собственного народа. Вешали, расстреливали, бросали в колодцы не только партийных и советских работников, наводивших порядок в освобожденных от фашистов западных областях Украины, но и молодых девушек-комсомолок, приехавших учить детей в школах, лечить местное население в амбулаториях и больницах, после окончания аграрных вузов внедрять агрономию на заброшенных землях Галичины. Ибо агрономов в Западной Украине не было вовсе или их не хватало.

Вы берете на себя огромную ответственность, господин Президент, возвышая этих убийц над истинными победителями фашизма! Еще раз призываю и заклинаю Вас: остановитесь и подумайте, какую трагическую страницу в историю западных областей Украины вписали ООН—УПА, подняв тамошнее население на абсолютно бесперспективную вооруженную борьбу против Великого Государства, только что победившего такую мощную армию, как вермахт!? Разве они не знали, что государство на то и существует, чтобы защищать себя от внутренних врагов так же, как защищалось только что от внешних?

Депортация, репрессии, гулаги и тюрьмы лежат тяжким грехом и камнем не только на исполнителях этих позорных акций, а в первую очередь — на «проводниках» бесперспективных «вызвольных змагань», которые оплачивались и финансировались сначала абвером, а после разгрома гитлеровской Германии — Центральным разведывательным управлением США и английской

военной разведкой «Ми-5». А может, и новосозданными спецслужбами ФРГ.

Это всем давно известно. Понятно, что эти «визвольні змагання» не принесли и не могли принести независимость Украине — они были с самого начала обречены на разгром. Но какие же страдания накликали их организаторы-авантюристы на собственный народ? По крайней мере, на ту его часть, которая поверила им и пошла за ними!?

История не строится на политических симпатиях или антипатиях. Она — дама строгая и невозмутимая! Строится только на фактах, на рациональном, а не на эмоциях. И когда мы посмотрим на бесперспективную и жестокую борьбу ОУН—УПА против «советов» с исторического расстояния, то невольно признаем: вклад этих «вызвольных змагань» в становлении Независимой Украины — мизерный! Или же его и вовсе нет.

Так как мы получили Независимость готовую — на блюдечке с голубой или золотой каемочкой — вследствие победы США в «холодной войне», которую наши престарелые, бездарные и продажные «вожди» позорно проиграли! Да и то вспомним: ведь из бюджета США ежегодно выделялось для подрывной деятельности ЦРУ против СССР 52—54 миллиарда долларов! На протяжении всех послевоенных лет — начиная с подстрекательной речи Черчилля в Фултоне летом 46-го вплоть до развала Советского Союза вследствие опереточного «путча» ГКЧП в 1991 году. Недаром Пушкин писал:

«Все куплю!» — сказала Злато.

«Все возьму!» — сказал булат.

Так оно и произошло с преступным развалом Советского Союза. После этого развала независимость получит и

Украина вместе со всеми союзными республиками, абсолютно без какой-либо связи с «визвольними змаганнями», которые обошлись нашему народу морями слез, смертей и крови. Особенно жителям Западной Украины. А народные страдания не пропадают напрасно — они запечатлеваются в народной памяти ярче и дольше, чем любые исторические события. Даже самые выдающиеся, самые знаменитые.

Поэтому не случайно на моем 75-летию вы взволновали рассказом о раскулачивании вашего любимого дяди всех моих детей, внуков, друзей по литературе да и зарубежных гостей — миллионера из Техаса Джима, привезшего мне на юбилей подарок из Америки — фотоальбом Хочнера о Хемингуэе, и молодого сэра Ричарда из Лондона, с которыми сын тогда работал в международной инвестиционной компании «Баренц», основанной, если я не ошибаюсь, Вашей Екатериной Чумаченко. Она же и пригласила нашего Виктора на работу в этой компании, поднимавшей заброшенную после развала Советского Союза металлургическую промышленность Донбасса.

Возможно, вы не забыли и очаровательную невесту сэра Ричарда, которая нас тогда фотографировала и в застолье, и во дворе нашей дачи. Я до сих пор храню нашу коллективную фотографию, сделанную очаровательной американкой. Они в тот же день улетали в Нью-Йорк к ее родителям за благословением на брак и свадьбу. Такое, знаете, чудо — эти молодые аристократы! И такое совпадение: их будущая свадьба и мой запоздалый юбилей! Виктор наш будет переводить общую беседу за столом, и юбилей мой, к удивлению моих родственников и друзей, превратится чуть ли не в международную

пресс-конференцию. И поговорить нам тогда, как и бывает в застолье, не придется. Ибо по просьбе иностранцев я много буду читать им наизусть Хемингуэя, Бернса и Редьярда Киплинга, Пушкина, Шевченко и Лермонтова, а сын будет переводить с ходу.

Поговорим мы с вами душевно в суете и шуме юбилейного вечера на пятилетию «Зеркала недели» в том же году, в ноябре. Если помните, тогда мы с Вами уединимся в «Президент-отеле» за шкафом среди цветов, и на мое ностальгическое замечание о странной отчужденности, возникшей между людьми в Украине после независимости и об утерянном нами духе коллективизма:

— Левая идея умерла! — уверенно скажете Вы. — И партии левого направления обречены на политическую смерть. Да-да! Не удивляйтесь и не возражайте. И не надо нам ностальгии по тому коллективизму. Ибо это было не что иное, как уравниловка!

— Но ведь левая идея лежит в основе демократии — то есть она служит демосу, народу! — буду возражать я. — И кто отвернется от левой идеи, тот непременно отвернется от народа! А народ отвернется от него. И ни за что не проголосует за того, кто его предаст. За отступников ведь не голосуют!

Но Вы меня не слушали тогда — гнули свое: «Левая идея скомпрометировала себя и уже не вернет того влияния на людей, на массы, которое имела раньше, до развала Советского Союза, до гибели коммунистической идеологии». Тогда я говорил с молодым успешным банкиром и не знал о ваших политических амбициях и претензиях — сначала на премьерское кресло, а потом и на президентское. Когда же случится и то, и другое, я часто буду вспоминать этот наш разговор. И никак не пойму:

почему обычный хоружевский парень так ненавидит Советский период нашей жизни?

Почему, занимая такие высокие и самые высокие должности в государстве, мыслит категориями антисоветскими, а значит, антинародными! Ибо разве Вы не видите, какими несчастными стали наши трудящиеся, а не торгоши, не спекулянты, не «прихватизаторы», после гибели СССР? Какая беда упала на наше село — колыбель нашей духовности и культуры!

А Вы упрямо добиваете его, накладывая вето на принятый и проголосованный в Верховной Раде Закон о моратории на продажу земли сельскохозяйственного назначения — единственное достояние нашего народа! Но даже это у него отбираете попытками ускорить процесс, превращающий землю — как неотъемлемую часть нашей независимости — в товар! Опомнитесь! Село — это ведь наша колыбель! Именно от него — наша идентичность!

Прожив юность свою в селе, Вы и в ранге главы Нацбанка, а со временем и став премьером Украины, проводили маму в своей Хоружевке — помогали ей: вычищали хлев, поили и кормили корову, сыпали зерно гусям и курам. А телевидение услужливо будет снимать и показывать Вас! Но на посту президента Вы вдруг проявляете лютую ненависть к колхозам!

Откуда она? Чем вызвана? Так же, как и ненависть к Советскому периоду нашей истории, которую ваши историки в учебниках для школ и вузов перевирают, грубо искажают и фальсифицируют исторические события. Не гнушаются даже провокационной листовкой геббельсовской пропаганды, сброшенной в свое время на оккупированную фашистами территорию с

наглой копией сфабрикованного приказа, вроде бы подписанного Берией и Жуковым, о депортации всех украинцев в Сибирь! Но, дескать, вагонов для этого не хватило. А то бы...

Удивительно, что эту чушь переливают из пустого в порожнее почти два десятилетия подряд так называемые ученые-историки, чтобы бросить тень на величайшего полководца Великой Отечественной и Второй мировой войн и одновременно вызвать ненависть к Советскому периоду нашей истории. И к России — нашему ближайшему и самому родному соседу!

И в этом легко угадать заказчика — те же США, правящие круги которых, явные и латентные, всеми способами пытаются стереть не только из памяти наших граждан, но и из истории славу Советской Армии, подвиги наших героев, наши потери и победы!

И выветрить из памяти человечества не только упоминание, но и представление о Советском Союзе — истинном победителе фашизма, носителе именно той левой, т.е. народной, идеи.

В Ваших настроениях и убеждениях я кое-что выяснил для себя из обнаруженной биографии Вашего отца: путаной, в трех вариантах разной, но написанной собственноручно. И даже заверенной сотрудниками МГБ и КГБ в послевоенные годы в фильтрационных лагерях для «перемещенных лиц», которые он проходил после плена и службы в армии США и при вступлении на ответственную работу, скажем, на должность директора школы. А также следует из Вашей учебы в Тернополе и работы после вуза на Ивано-Франковщине, где, оказывается, после войны работал учителем и Ваш отец. Вот там и надо искать Ваше увлечение идеями интегрального на-

ционализма. А следовательно, и истоки Вашего антикоммунизма и антисоветчины.

И все же с высоты своего современного положения, с позиций Президента Украины, неужели вы не можете преодолеть предрешенность в отношении Советского периода нашей истории? Неужели так и останетесь рьяным апологетом ОУН-УПА и не подумаете о том, что на репрессии и страдания граждан западных областей Украины обрекли оуновские «проводники», поднявшие их на вооруженную борьбу против Советской власти, не имея предпосылок для этой борьбы и малейших шансов на ее успех? На что же они надеялись? Неужто ждали, что Советская власть будет гладить их по головке за кровавые преступления против ее представителей?

Знали ведь, что каждое государство должно защищать себя любыми средствами от врагов — и внешних, и внутренних? Посему миф о «визвольних змаганнях», о том, что они принесли Украине независимость, остается мифом. А отрицание и очернение Советского периода истории Украины из-за репрессий в западных областях являются непродуктивными и односторонними: не было бы кровавых преступлений против органов Советской власти — не было бы ни арестов, ни депортаций, ни тюрем! Как в остальных областях Украины. А изымать из истории Украины Советский период ее развития — все равно, что обворовывать самих себя!

В составе СССР Украина утвердилась в первой десятке самых развитых государств мира! А теперь, господин Президент? Что вы можете сказать теперь о ее положении в мире? О ее социально-экономическом, научном и технологическом уровнях? Она ведь скатилась на... 151-е место! Оказалась среди стран «третьего мира»!

И у Вас хватает смелости заявлять журналистам в Интернет-интервью в ответ на вопрос какого-то Дмитрия «Что вы можете сказать о существовании недемократического режима правления в республике Беларусь?»:

— В вопросе оценки (Боже, что за стиль, господин Президент? Вы все-таки учительский сын!) политического режима в Беларуси Украина полностью солидарна в своей позиции с политическими решениями ЕС, ОБСЕ, демократического сообщества. Эта позиция твердая и однозначная. Мы будем проводить работу (и опять-таки — какие стилистические «перлы»!) в том направлении, чтобы достичь своими действиями демократических изменений в Беларуси».

Интересно: какими методами? Будете засылать и туда отряды ОУН — УПА? Или УНСО? Или, может, обещанную Луценко «Самооборону»? Так это ведь прямая военная агрессия против такой же независимой страны, как и наша! Или, по примеру США, вам все позволено? Они ведь насаждают в мире и в геополитике двойные стандарты по древнеримскому принципу «Что позволено Юпитеру, то не позволено быку»: приветствуют неофашистские режимы в Прибалтике, поскольку они враждуют с Россией, и вводят санкции против Беларуси, которая не принимает их диктата — диктата США, а строит внутреннюю политику и экономику по собственным планам и принципам! А вы поддерживаете Америку в ее санкциях против Беларуси! Вместе с США подписываете ни с того ни с сего политический приговор братской славянской стране?

Почему? А главное — во имя чего? Прежде чем вмешиваться во внутренние дела братской Беларуси, наведите элементарный порядок в Украине! До чего же довели

украинский народ за пятнадцать лет вы и ваши предшественники «безальтернативными» реформами, «прихватизацией» и грабежом олигархических кланов?! А теперь хотите сделать такое же и там? Превратить в несчастных, безработных и бедных и братьев-белорусов?

А были ли Вы, господин Президент, хотя бы раз в современной Беларуси? Я только что вернулся оттуда — принимал участие в работе Съезда писателей и выступал на нем от Украины. «Небо и земля!» — говорят в таких случаях. Какие там поля! Как обработана земля! Какие изумрудные ковры озимых! Как почищены и ухожены леса над Днепром, Припятью, Березиной, Сожем?! Меня возили из Киева в Минск представительской машиной Посольство Беларуси в Украине, и я имел возможность собственными глазами все видеть и сравнивать положение в обеих наших братских республиках, между которыми апологеты и насаждатели «нового мирового порядка на все века» пытаются вбить клин — всеми возможными средствами разорвать, поссорить, столкнуть нас лбами! И Вы, Виктор Андреевич, принимаете участие в этом грязном и преступном деле? Зачем это Вам, Президенту Украины?!

Лукашенко не дал разграбить землю, заводы и фабрики! Сохранил всю инфраструктуру, финансовые, имущественные и государственные ресурсы, колхозы и совхозы, фермы и полевые станы, тракторные и машинные дворы! Налажена бесперебойная работа всех предприятий — люди трудятся, смело смотрят в завтрашний день!

А у нас? Вы посмотрите внимательно и вдумайтесь: в каком положении оказались Украина и ее измученный, безработный, брошенный в неверие и бедность народ! И вот такую «демократию» вы собираетесь навязать

благополучным белорусам? На чьих штыках вы принесете ее в голубоглазую нашу сестру? Или насадите натовскими «миротворческими акциями», подобными осуществленным в Югославии и Ираке? «И ряд проблем, которые остались историческими для нас», — завуалировано и угрожающе, но очень туманно и неясно подытоживаете вы свой ответ о Беларуси на вопрос журналиста. Тоже, кстати, недружеский, провокационный, с намеком на тоталитаризм, вроде бы там существующий.

Но ведь никакого «антидемократического режима» в Беларуси нет! В отличие от Украины с господством олигархической стаи «прихватизаторов», воров и хапуг, ограбивших государство и народ! И управы на них нет! А там, в Беларуси, все делается для трудящихся, для их благосостояния, занятости, для обеспечения спокойной и мирной жизни, о которой мы в Украине давно забыли. И едва ли дождемся когда-нибудь при таких правителях. Ни одного бомжа не встретили, ни одного пьяницы в Минске не увидели! А какая чистота на улицах, на площадях и в скверах! Какой порядок в отелях — какие там шведские столы! Какие товары и продукты в магазинах! Какое богатство на базарах! А какую они грандиозную, с новейшим оборудованием современную библиотеку построили всенародно!

Такой нет ни в Праге, ни во Франкфурте-на-Майне, ни в Берлине, ни в Париже. В этих городах мне довелось побывать в 2005 году на Всемирных книжных выставках-ярмарках с трилогией, посвященной 60-летию победы над фашизмом. В Беларуси царит атмосфера настоящей трудовой жизни с заветной верой в завтрашний день. Там я ощутил давно забытый дух товарищества, единства человека с государством.

И это все надо угробить, нарушить и разрушить ради какой-то призрачной «модели демократии» с лейблом «Сделано в США»? Что это за «новый мировой порядок», что в нем народу отказано в праве жить, строить свое общество по собственному желанию и представлениям, ради собственного благополучия и благополучия своих детей, а не в угоду МВФ, ЕС, ОБСЕ, дядюшке Сэму и Джорджу Бушу? Или ради интересов агрессивной стаи крикунов, оппозиционеров-бездельников из «пятой колонны», засланной той же закулисой, которая сеет хаос по всему миру? Зачем же мы невероятными усилиями, подвигами и жертвами, кровью миллионов дочерей и сыновей своего народа победили в сорок пятом предыдущих претендентов на мировое господство — гитлеровцев? Чтобы к нам пришли через «пятую колонну» бушевцы?

Посмотрите, что они натворили в Югославии! Что вытворяют сейчас в Афганистане и Ираке! Угрожают войной Ирану. Вводят экономические санкции против Беларуси еще на два года! Что это за «новый мировой порядок»? Задумывались ли вы над этим, господин президент? Или у вас ни выбора, ни права на собственное мнение и позицию нет? Ибо это право отобрали у вас еще в период «помаранчевых» событий? Как расплату «За помощь демократии в Украине»? Тогда мне жаль Вас. И больно за престиж Президента независимой Украины. Это вам и итог, и результат «помаранчевой революции»!

И снова вспоминается Фридрих Ницше, его сентенция из «Генеалогии морали»: «Мы не знаем себя... Мы никогда не искали себя, — как же могло случиться, чтобы мы нашли себя?.. Когда в полдень часы бьют над нашим

ухом двенадцать, мы чешем за ухом и с удивлением растерянно спрашиваем себя: «Что же мы, собственно говоря, пережили?» Мало того, мы не понимаем и удивляемся: «Что же мы, собственно, такое?»

Поразмыслим хорошенько над этими словами и прикинем хотя бы для себя: не о нас ли это? Не о «помаранчевой революции»? вспомните, как все это начиналось и как продолжалось? И во что вылилось?

А начинается «помаранчевая эпоха» с 24 августа 2004 года — первым митингом на Певческом поле, с речи Ющенко о выдвижении своей кандидатуры на пост Президента Украины в начинающейся именно тогда избирательной гонке. Впервые мы услышим тогда из ваших уст дерзкие и велеречивые выражения: «Мой народ!», «Моя нация!».

Так хвастливо не позволяли себе высказываться в Тегеране и Ялте во время важных судьбоносных переговоров даже главы великих государств, вставших на смертельную борьбу с государствами оси против фашизма Германии и Италии и против японского милитаризма с их многочисленными сателлитами. Ни Сталин, ни Черчилль, ни Рузвельт не позволяли себе присваивать, как частную собственность, свои великие народы! Это позволял себе только «фюрер великой Германии» Адольф Гитлер.

И вдруг у нас в Украине, которая еще только пытается стать на ноги как свободное, независимое и самостоятельное государство, появляется претендент на пост президента с фразеологией приснопамятного «вождя Германии»! Откуда это апологетство? Неужели Вы, Виктор Андреевич Ющенко — глава Нацбанка Украины в прошлом и недавний премьер Украины, — так увлечетесь

фразеологией и ораторством Адольфа Гитлера, как я сейчас, на склоне лет, восхищаюсь Фридрихом Ницше — великим Поэтом философии, доктринерский миф которого о «Сверхчеловеке», вот той «Белокурой бестии», — лег в основу идеологии нацизма и нашел свое воплощение в «Майн Капф» фюрера Германии? Но ведь какова поэзия изложения, господин Президент, у этого гениального Фридриха Ницше! Какая поэзия философии! При всей парадоксальности.

Вот что оставил нам этот при жизни малоизвестный преподаватель философии в гимназии заштатного баварского городка, а после смерти — один из величайших философов мира: «С той настойчивостью, с которой дерево приносит плоды, растут из нас наши мысли, наши произведения, наши «да» и «нет», и «если бы» — все родные и связанные друг с другом и свидетели одной воли, одного здоровья, одной страны, одного солнца.

— Нравятся ли вам эти наши плоды?

— Какое дело до этого дереву? Какое дело до этого нам, философам?»

Из этого высказывания гитлеровская идеология и геббельсовская пропаганда выстроили известную доктрину: «Одна страна, одна нация, один Фюрер!». Именно из этого исключительного единства и призрачной идеи исходил Адольф Гитлер, взывая: «Мой народ!», «Моя нация!», «Моя Германия!». У нас, правда, появилась не «Моя», а «Наша Украина». Очевидно, поделенная с «кумовьями» и родственниками? А также с «любимыми друзьями», о которых все знают и о которых не приходится теперь даже вспоминать!

Еще сильнее, чем эти дерзкие высказывания, поразит меня поведение претендента на пост Президента в той

предвыборной и выборной гонке, которая будет напоминать автомобильные гонки «Формулы-1». Особенно в ночь последнего подсчета голосов, по-моему, после третьего заключительного тура голосования: абсолютно интеллигентный Виктор Андреевич бьет морду молодому спецназовцу, одетому в государственную форму, выданную ему для защиты внутреннего порядка в стране. Это тогда показали все телеканалы, хотя было уже далеко за полночь. Так и хотелось крикнуть: «Не царское это дело — бить морду спецназу! Тем более — не дело кандидата в Президенты! Да еще во время подсчета голосов!».

Пусть уж «водила» претендента грубо и нагло, погангстерски бьет ногами лежащих ничком на затоптанном и заплеванном полу спецназовцев — молодых сельских ребят, только что призванных в армию. Ему, как врачами больному, — все прощается: такой уровень культуры и духовности. Жаль только, что это были желторотые салажата — солдаты первого года службы, а не тот спецназ «Альфа», прилетевший из Москвы специальным рейсом и взявший с ходу дворец Амина в Кабуле!

Они порвали бы в клочья и «водилу», и всех, кто вылавливал этой зловещей ночью по всему Киеву спецназ и издевался над невинными, дисциплинированными новобранцами, прикрываясь депутатской неприкосновенностью! Вот как прилетев в Кабул, «Альфа» за 15 минут обезвредила охрану Амина из морских пехотинцев армии США и с боем взяла президентский дворец, так она отрезвила бы и ваших «боевиков», господин Президент, окруженных собственной охраной, — очевидно, охраной от собственного народа?

Да Вы и сами до сих пор держите перекрытой Банковую улицу, хотя при Щербицком, как и при Шелесте или Подгорном, по ней ходили люди, ездили машины, был свободным доступ к ЦК, свободный проезд к Союзу писателей на той же Банковой, 2. От кого и почему прячесь, «всенародно избранный», как вас величают ваши клеветы? А как же «Мой народ!»? «Моя нация!»? Что же это за единство, что от него надо прятаться за высоченными заборами и внешней и внутренней охраной!? И когда же вы наконец устыдитесь этого надоевшего неудобства, от которого страдают из-за вашего немотивированного и очень преувеличенного представления об угрозе Вашей драгоценной жизни киевляне — Ваши сограждане, которых Вы называете велеречиво: «Мой народ!», «Моя нация»?

Остается предположить, что они совсем не «ваши». Но ведь это предположение горькое и неблагодарное. Оно даже унижительно для Президента Украины!

Какие странные неувязки и несогласованности, господин Президент! Горько от них и обидно. Особенно тем, кто верил вам на площади Независимости, а на выборах отдал Вам свои голоса, надеясь на долгожданные перемены в своей горькой жизни. К сожалению, она стала еще хуже.

«Сладкая жизнь», как в знаменитом фильме великого итальянского режиссера Федерико Феллини, наступила только для ваших кумовьев (какое хуторянство, сэр!), «любых друзив» и родственников, включая брата Петра, сына, кажется, Андрея, опозорившего Ваше имя разгульной жизнью по ночным клубам и ресторанам Киева и Одессы да конфликтами с работниками ГАИ и МВД, в то время, как «маленькие украинцы», по Вашему очень

унизительному определению, так бедствуют! Едва сводят концы с концами и вымирают по 400—500 тысяч душ ежегодно, катастрофически уменьшая численность населения Украины.

Знаю: это мое обращение к вам не даст никаких последствий, как не дали результатов и публикации в печати, и разговоры на телевидении. Но поверьте: это — не декларации! В действительности это — душевное переживание за Украину, за ее ограбленный и обманутый народ, а также и тревога за Вас, за судьбу Человека и Президента, небезразличного мне и моим детям-. Я обращаюсь к Вам, чтобы напоследок сказать: вся «помаранчевая» катавасия, названная Вашими заокеанскими кураторами и местными апологетами и сторонниками «революцией», преследовала одну-единственную цель: любой ценой посадить Вас в президентское кресло! Для этого все средства были хороши: и миллионы долларов Березовского, и выделенные Госдепартаментом США средств «на поддержку демократии в Украине», и ночной мордобой в ЦИК во время подсчета голосов.

Что же, в такое подлое и продажное время живем — в эпоху накопления первоначального капитала, в эпоху безраздельного мирового господства единственного «сверхгосударства» — Соединенных Штатов Америки, которые в этих выборах сделали ставку на Вас. И — выиграли себе на радость, имея теперь послушного Президента Украины.

Я отказываюсь от категоричности суждений: они редко бывают несубъективными. Наоборот, я хочу отбросить ничем не подтвержденные, чисто эмоциональные обвинения, выдвинутые против Вас. В первую очередь в том, что Вы вроде бы предали Майдан.

Во-первых, там нечего было предавать. Ибо Майдан возглавили, им дирижировали три вчерашних премьер-министра, шесть вице-премьеров, сонмище министров, депутатов Верховной Рады и государственных чиновников высокого ранга — все они работали с бывшим президентом и несут такую же, как он, ответственность за то, до чего сами же и довели народ так называемыми безальтернативными реформами! Ловко перепрыгнув мнимые баррикады, они возглавили возмущенную и разгневанную толпу, переведа всю вину на одного человека. Словно и не были в правительстве, не заседали в парламенте, а ловили в тихих затоках рыбу поплавковыми удочками. Или спиннингами.

Во-вторых, Вы, как истинный демократ, избавившись от майданной эйфории, совершили не подвиг, нет! Вы просто выполнили абсолютно нормативное действие по предписаниям международного права и международной политики: назначили премьера и правительство не по политическим симпатиям или предпочтениям, а по результатам выборов — по итогам народного волеизъявления! Предоставили право формировать правительство настоящим победителям парламентских выборов! То есть Партии регионов, которая набрала больше всего голосов, и коалиции, созданной ею с другими партиями. Это — элементарная международная практика. Но она Вам записывается в актив нашей историей — историей украинского парламентаризма. Ибо сразу после выборов истинных победителей Ваши «любимые друзья», и особенно БЮТ с ее лидером, абсолютно игнорировали, будто Партии регионов с 34% набранных голосов избирателей совсем не существует! То есть Вы честно выполнили долг президента перед народом и Конституцией! И все.

Но сделать это в окружении «любых друзей» было ох как нелегко! Еще и как нелегко! При их жажде власти — власти любой ценой! Любыми методами, наплевав и на избирателей, и на Конституцию.

Особенно настойчиво, назойливо, бесцеремонно рвется к власти и сейчас Юлия Тимошенко на глазах всей Украины, не слезая с телевизионных экранов, обесточивая систему «Рада» и весь парламент, блокируя трибуну, чтобы любыми методами — даже преступными, противоправными, антиконституционными — сорвать работу Верховной Рады и добиться ее роспуска. Когда же и это не помогло, она летит в Америку за благословением на еще более экстремистские действия. И, вернувшись, выдвигает заранее неприемлемый ультиматум парламенту и правительственной коалиции. А после его отклонения покидает сессионный зал со своей фракцией и с «Нашей Украиной», чтобы опять-таки вызвать парламентский кризис и под этим предлогом распустить все-таки Верховную Раду ради досрочных выборов и реванша. То есть снова усесться в кресло премьера.

Тут вы почему-то молчите. Не подаете свой протест. А надо бы приструнить весьма решительную эмансипированную даму, ее антиконституционные действия, которые возмущают всю Украину и мешают спокойно работать правительству и Верховной Раде. Подайте свой голос и против отрядов «Самообороны», к которой уже присоединились УНА-УНСО, «Пора» для «очередного похода на Киев», что напоминает «Марш справедливости на Рим» Бенито Муссолини. Здесь молчать ОПАСНО! Вас уже подозревают и обвиняют в заговоре с экстремистами.

Но Вы молчите, словно в рот воды набрали!

В-третьих, Ваше стремление возродить славу Запорожья, Хортицы, Батурина, восстанавливая дворцы и памятные места нашей истории, наталкивается на ожесточенное сопротивление врагов нашей старины — чужих людей в нашем обществе и на нашей многострадальной земле. Не обращайтесь на крикунов! Их у нас всегда хватало! Но не было, да нет и сейчас, победителей, которые брали бы на себя ответственность и обязательство вернуть украинскому народу «тую славу», потерянную на раздорожьях безгосударственности, исторического беспамятства и отступничества, забвения и отречения от подвигов и заветаний наших предков.

Не слушайте шептунов! Они вам и так многое нашептали. Будьте стойким в своем решении и без «массовки». Фридрих Ницше: «На вершине всегда одиноко...»

А еще он сознался: «Наконец я приобрел собственную область, собственную почву, целый тайный, цветущий мир, подобный тайным садам, о которых никто не должен ничего подозревать... О, как счастливы мы, постигающие истину, при том, конечно, условии, если мы умеем достаточно долго молчать!»

Помолчите и Вы — воздержитесь от восхищенных заявлений и реверансов, которые Вы сделали, находясь в Эстонии и жалея о том, что у нас в Украине нет такого «национального единства», как там. Побойтесь Бога, господин президент! Какое «единство»? Там настоящий фашистский режим: россиянам и украинцам, всем неэстонцам отказано в гражданстве по национальному признаку! Там на всех площадях во все праздники устраивают парады фашистских легионеров, воевавших

в войсках СС злейшего врага всего прогрессивного человечества планеты — гитлеровской Германии — против нас и наших союзников!

Там сносят памятники воинам Великой Отечественной и ровняют с землей их могилы! Вы хотите именно такого режима в Украине? На нашей священной земле? Такого даже представить нельзя. Лучше молчать, чем так осквернять свои уста, как это Вы сделали своим заявлением, находясь в Эстонии с официальным визитом, и в Грузии, заявив о намерении открыть и в Украине «музей советской оккупации». Об этом я писал в памфлете «Гиены», поэтому здесь скажу только: «Бойтесь лишних слов и суетливых, непродуманных, чисто эмоциональных заявлений!» Президенту они не к лицу.

Примите во внимание, а возможно, и как руководство к действию, высказывание и выношенную на протяжении жизни мысль великого, хотя и хмурого, поэта философии Фридриха Ницше об этом умении достаточно долго молчать. Ибо, как сказал наш замечательный русскоязычный поэт Николай Николаевич Ушаков, царство ему Небесное:

Чем продолжительней молчанье,
Тем удивительнее речь!

В этом двустиишии — сгусток народной мудрости!

Если бы вы умели «достаточно долго помолчать», то не шокировали бы 90 процентов своих избирателей и сограждан хвастливыми заявлениями: «Да, я богатый человек!» и «Одно могу сказать наверняка: бедных в правительстве не будет!»

После таких заявлений каждый подумает: «А откуда же взялось это богатство у бедного хоружевского парня —

учительского сына?» И как же ему верить, если он во время телевизионных дебатов показывает руки своему сопернику и говорит: «Вот эти руки видите? Эти руки не воровали!».

А откуда же тогда взялось богатство? Из зарплаты что ли? И почему же нам, бедным гражданам, отказывает в конституционном праве быть избранными в органы государственной власти новоизбранный нами «гарант» Конституции? Что за откровенность «до положения риз»? Что за унижение президентом всех трудящихся, которым априори отказано даже думать о равных конституционных правах? Как жить с чувством неполноценности в гражданстве? Вы ведь сами убиваете доверие и симпатию людей такими хвастливыми заявлениями, забывая, что Вы избраны не богачами-олигархами, не кумовьями и «любыми друзьями», а своими бедными, обнищавшими, скромными согражданами?! «Слово — серебро, а молчание — золото!» — завещали наши мудрые предки.

Запомните это завещание! Как и заповедь Фридриха Ницше «достаточно долго молчать», чтобы хорошенько подумать, прежде чем высказаться! Эти установки и советы понадобятся вам, как когда-то понадобились вот эти «Тютюн та люлька козаку в дорозі» «необачному» Сагайдачному — из нашей старейшей и любимейшей казацкой песни «Ой, на горі та женці жнуть. А попід горою, яром-долиною козаки йдуть...»

ЗАБЫТЫЕ МЕЛОДИИ

Реквием

Слышу далекую-далекую музыку, — волновавшую в юности. Да и в зрелом возрасте тоже: «Эгмонт» и «Кориолан» — увертюры Бетховена к античным трагедиям Шиллера. И его же «Аппассионата» и «Лунная соната». И наполненное огромной тревогой, даже отчаянием, грозное вступление к Пятой симфонии. Или апофеоз «Обнимитесь, миллионы!» — финал «Девятой», являющийся воплощением «Оды Радости» того же Фридриха Шиллера. Или звучат отголоски прекрасной «Сороковой» Моцарта либо его «Волшебной флейты». Все эти шедевры странным образом уживаются в моей душе и памяти со страшными реалиями нынешнего времени, растерзанного политическими амбициями «поводырей», борьбой за власть, за не разграбленные еще богатства распятой Украины. А народ ввергнут в безработицу и беспросветную нищету.

Не помню, где и когда впервые услышал эти божественные мелодии, но только и поныне звучат в душе величавые и печальные звуки гениальной музыки, вызы-

вают грустные и смутные воспоминания неуловимых и невыразимых настроений, навеваемых ею.

Бетховен утверждал: «Музыка — это воспоминания о пережитых чувствах и настроениях». Наверное, именно потому это звучание полузабытых мелодий — настоящее музыкальное наслаждение. А иногда — даже блаженство. Ибо вспоминаются не только «Лица, давно позабытые» или «Тихого голоса звуки любимые», но и воскресает тогдашнее состояние души, наплывают воспоминания о запахах и цветах неповторимых обстоятельств, когда гениальная музыка Бетховена и Моцарта селилась в душе и оставалась там навсегда, как самое великое чудо в мире.

Но как же редко слышим ее теперь! Почти не звучат ныне выдающиеся озарения музыкальных гениев человечества! Поэтому даже в снах спрашиваешь неизвестно кого: «Вы слышите музыку? Слышите?» Ибо должны ведь слышать и другие, если она звучит в тебе, в твоей душе и памяти.

А в стенах жилища тишина. И в ночной тьме урочища — ни звука! Это и есть одиночество? Старость? Или тоска по прожитой жизни, напрасно и бесцельно потерянным годам? Кто знает...

А во снах летают птицы, которых видел маленьким в Диком Поле — в неисхоженных наших южных степях. Когда со взрослыми пасешь лошадей на дальних выгонах: дрофы, степные орлы, коршуны и кобчики, журавли и дикие гуси, улетая в теплые края или из теплых краев, садятся отдохнуть в топиле — пологой котловине глухой удаленной степи, на все лето залитой весенними водами и заросшей донником в рост человека. А то и камышом да осокой.

А орлы чаще всего отдыхают в жару на казацких могилах и скифских курганах, увенчанных каменными бабами. Или на тригонометрических землемерных башнях, строго оглядывая степь зоркими глазами. И поныне слышен гордый и угрожающий орлиный клекот из той дали лет и событий.

А дрофы летали тогда большими табунами даже над нашим селом — тяжелые, величавые, какие-то нездешние и древние, словно остатки далеких времен, когда еще и нас не было.

Ранней весной идем с мамой в топило садить баштан, а там какая-то длинноногая, голенастая ватага забавляется и скачет: каждый кланяется до земли гибкой шеей, резко и смешно выпрямляется, словно умоляет и надеется на прощение. Да еще и за каждым прыжком взмахивает длинными крыльями.

— Видишь, сынок, — склоняется ко мне ясное мамино лицо, — вот это журавли танцуют! Радуются, что вернулись домой из теплых краев.

И я только после маминых слов угадаю в дрожащей дымке гибкие силуэты танцующих журавлей — далеко-далеко, как во сне или в детских грезах.

Опустели наши небеса, и опустела родная земля без этих птиц, вымерших, как динозавры. Или покинули нас, неизвестно за какие грехи. Как и божественная музыка покидает и забывается, словно мы ее недостойны либо не способны понять ее содержание или почувствовать ее красоту.

Человечество развивается интеллектуально, технически, технологически, но деградирует духовно, нравственно, эстетически. Не верите? Так включите телевизор, пойдите на современные концерты. Даже в столичных фи-

лармониях! Все убивают прагматизм, реклама, «массовая культура», примитивная эстрада.

Еще примитивнее так называемые развлекательные программы. С этими вечно хохочущими винокурами. Да с прилизанными весельчаками-петросянами, скалящими зубы со всех телеэкранов в будни и, особенно, в праздники, которые нам щедро сыплются сейчас вроде бы от самой божьей десницы, дабы не задумывались над своими бедами, проблемами и горькой участью на конвейере вымирания.

А там — и постаревшие мужики, почему-то переодетые в еще более старых теток. Чтобы смешнее было? Но ведь не смешно! Плакать и рыдать хочется от такой пошлятины, безвкусицы, грубости, придурковатости, хамства и примитивизма!

Народ вымирает — в России миллион ежегодно, в Украине — 400—500 тысяч, а на убитом горем постсоветском пространстве — сатанинский хохот стоит! Стоит — и не исчезает...

Одни и те же упитанные «лики» весельчаков: «Сделай мне весело!», «Сделай мне смешно!» — одни и те же затеи, замусоленные шутки, анекдоты с зелеными бородами!

От Москвы до Одессы, от Бреста до Владивостока хочут и кривляются какие-то уроды, гермафродиты типа «Верки Сердючки».

Какой Бетховен, какой Моцарт?!

«Пора-пора-порадуемся на своем веку!» — и радуются. И ликуют. Хочут и постоянно зубоскалят, в то время как народ наш вымирает бешеными темпами.

«Дикие танцы» и «Грынджолы» — вот вам и весь современный уровень нашей музыкальной культуры, за

который ее носителей избирают в награду даже депутатами Верховной Рады!

А села гибнут, и уже вряд ли возродятся: ни ферм, ни машинных дворов, ни тракторов, ни комбайнов. Люди умирают сотнями, а поля зарастают амброзией и сорняками, какими-то дикими, нездешними — кажется, у нас отродясь таких и не было! Ездил вот на могилы родителей и родственников в славном некогда Баштанском районе на Николаевщине. Насмотрелся...

Пусть бы они исчезли, это реформирование и «демократизация»! Век бы такого беспорядка и опустошения не видеть! Хуже, чем было после войны и фашистской оккупации!

Дроф — этих огромных таинственных птиц Дикого Поля — давно не стало. Нет и аистов — будто их никогда и не было в наших краях. И журавли давно уже не курлычут, пролетая над нашими селами и домами. Куда-то подевались наши журавли — кто их забрал?

«Сину, качки летять!» — написали когда-то прекрасную песню Михаил Ткач и Александр Билаш: «Не барися, сину! Не блукай, дитино: через Україну, через нашу хату вже качки летять!» — вот так мать, соскучившись, звала своего дорогого сына, чтобы приехал хотя бы на охоту, если не в гости к ней, проведать мать-старушку.

Но и утки уже не летают, и дикие гуси не отзываются уже с каких пор. Даже ласточек нет: на опустевшем родительском подворье — ни одной! А прежде ведь они у самого порога, над окнами веранды, «заднего дома» и над дверью конюшни лепили свои гнездышки — целый день, с утра до сумерек, сновали лодочками, расчерчивая небо. И слышно было нежнейшее в мире ласточкино щебетанье.

Не зря ведь Максим Фадеевич Рыльский написал когда-то незабываемое: «Ластівки літають, бо літається. І Гануся любить, бо пора...»

Даже хохлатого жаворонка не стало — птицы, которая почти около летней кухни, среди шершавой и лапчатой тыквенной листвы, под картофельным кустом, вырыв ямку в теплой земле, каждое лето несла яйца и высиживала птенцов на наших глазах. А потом оставалась зимовать вместе с нами, малышами. Почему-то сама, одна-одинешенька! Под кустиком увядшей лебеды или щиряцы. Идешь, бывало, уже в сумерках из школы, а она: «тьох-тьох!» — выпорхнет у тебя из-под ног, покатится сереньким клубочком или комочком в свою ямку и замрет. Что там грело ее в длинные морозные ночи и метели? Наверное, только перышки? Да еще хохолок на головке — торчит из ямки, как антенна, а самого хохлатого жаворонка и не видно, как ни приглядывайся...

Все пропало. И следа не осталось. Ни от птиц, ни — еще страшнее и трагичнее! — от людей. Тех, кого ты знал и любил, как свою душу, самых родных и дорогих. И тех, которые учили тебя запрягать лошадей в бестарку, в гребку, в волок или жатку. Ни тех, с кем ты ходил в школу и сидел за одной партой. Ни родителей, ни учителей, ни сестер, ни родственников. Никого. В родном твоем селе. Некому теперь и родительские могилы поправить в День поминовения умерших. А по-нашему, по-сельскому, некому прийти «на гробки» и помянуть на нашем сельском заросшем кладбище.

Да и здесь, в Киеве, и в Конче-Озерной: ни Головки, ни Рыльского, ни Яновского, ни Сосюры, ни Мальшко, ни Гончара, ни Зарудного, ни Земляка, ни Збанацкого, ни Дмитерко, ни Стельмаха, ни братьев Тютюнников, ни

братьев Майбород, ни Володи Дрозда, ни Виктора Близнеца — он повесится, как и Григор. Не от добра же, наверное, не от добра...

«Да что же это такое, люди добрые?» — хочется воскликнуть от отчаяния. А кому же ты крикнешь? Посмотришь вокруг — пусто...

Нет всегда улыбающегося и доброго Михаила Ткача, нет сурового и нахмуренного Саши Биляша, кричавшего по телефону из филармонии:

— Сезан де Базан! Ты где? Почему тебя нет перед концертом? Я ведь умру здесь без вас, моих друзей, от волнения! Разве ты не знаешь?

Он действительно всегда ужасно волновался перед своими концертами, хоть и написал много нежных и грустных песен, аж до удивительной — «Цвітуть осінні тихі небеса...». Его песни, без преувеличения, пела тогда вся Украина. Да и сейчас поют.

Даже не верится, что нет и уже никогда не будет Роберта Третьякова — хорошего поэта из Харькова, который в Ирпенском доме творчества резал ночью себе вены, но выжил каким-то странным образом. Ни Евгения Бандуренко и Владимира Гетмана из Одессы — удивительно красивых смуглецов, мечтательных и нежных поэтов, с которыми вместе начинали — с муками и неудачами входили в литературу. Ни Гайдаенко и Рядченко — обоих Иванов — очень деятельных и уж слишком деловых, как для писателей. Они бы могли быть эмблемой Одесской писательской организации, если бы нужно было.

Ни Ивана Чендея из Ужгорода — автора «Мартовского снега» и «Ивана», за которые его распинали и чуть не посадили. Ни Михаила Томчания оттуда же, с его

«Латаным мешком» — новеллой о крестьянских бедах, поразившей удивительной и непостижимой правдивостью.

Ни-ко-го! Ни мелодий, ни птиц, ни людей! Хотелось как-то разделить их на отдельные этюды, а они не разделяются, и все тут! Ибо сливаются в одну картину наших невозвратимых потерь. Было бы три этюда: «Забытые мелодии», «Утерянные птицы», «Умершие люди». Но почему-то, словно сам по себе, возник один этот реквием, ибо все на свете озарено музыкой, будто связано ею в один тугой узел.

Когда летят над тихим прудом стайки бекасов или куликов-печальников, отражаясь в гладкой и спокойной, как зеркало, поверхности воды, то словно звучит какая-то неслыханная баркарола. Но давно уже не вижу этого молниеносного и стремительного полета, когда серповидные крылышки печальных и быстрых птиц режут тугим свистом в клочья вечернюю тишину и вороноватую поверхность спокойной воды, как «режут» смычком струны на скрипке или виолончели, на контрабасе или на альте. Разве это не музыка? А теперь — ни птиц, ни мелодий...

Только тишина звучит в душе и памяти. Да еще далекая-далекая музыка, которую ни за что не воссоздашь, как бы ни хотелось: после первой же попытки она улетит и уже никогда не вернется, пока живут мир и солнце! Так иногда кажется. Ибо мелодии забываются быстрее, чем люди и птицы, и от них остается только название.

«Петушок», например. Такое легкомысленно-насмешливое, игриво-ироническое определение! А тревожная и грустная народная мелодия, кажется, вобрала в себя и воссоздала всю драму темпераментной, пестрой, нервно-возбужденной, далекой, как сон, Бразилии. Или «Кумпарсита», в которой звучит душа еще более далекой

Аргентины. Или печально-игривый мексиканский «Пеликан», которого наигрывал нам, тяжело раненным, морозной ночью в госпитале 3447 на Дубровке в Москве горевший в танке удивительный баянист-москвич с выжженными и выбитыми окалиной глазами.

А родные украинские народные песни? Они не покидают ни на минуту. И не те, часто звучащие на телевидении (если звучащие?) или по радио, а давние, забытые слова и мелодии. Может, утеряны навсегда: «Воли ж мої круторогі! Гей-гей, хто ж вам буде пан?» Или: «Налетіли журавлі. Налетіли журавлі. Сіли-впали на ріллі. Сіли-впали на ріллі. Де журавка ходила, де журавка ходила, там пшениця родила, там пшениця родила... Де журавель походив, то там кукіль уродив, то там кукіль уродив... Краще жінка першая, краще жінка першая, аніж тая друга-ая, аніж тая друга... Що з першою діток мав, що з першою діток мав, То з другою розігнав, то з другою розігнав...»

А особенно: «Військо йде — хоруговки мають...» Да где же наше войско, братья и сестры? Где оно? Где? Кто и куда его подевал?

И кто же будет петь после нас эти песни? Кто воссоздаст эти слова и мелодии? Разве что Всемирный Потоп? Или термоядерная катастрофа?

Горе нам на нашей, не своей, золотой земле! Под родными высокими и синими небесами!

ОХЛОКРАТИЯ

Морально-этические последствия «помаранчевых» событий

Интродукция

С 22 ноября 2004 года древний Киев — столица православного славянского мира — третий месяц находится в осаде: все государственные учреждения, включая Администрацию президента, заблокированы пикетчиками. А в Кабинете министров «мирные помаранчевые революционеры» наглухо закрутят колючей проволокой все подъезды, как во время фашистской оккупации. Телевидение покажет ржавую «колючку» на сияющих бронзовых ручках высоченной двери из светлого полированного дуба! А все дни и ночи напролет на майдане Незалежности бурлит «мирный» митинг против фальсификации выборов президента.

Однако пикетчики Кабмина, откормленные на охранительных хлебах спецназовцы в камуфляже, настроены решительно — прямо в объектив грозят: «Януковича на рабочее место не пустим до победы Ющенко! В свой кабинет он попадет только через наши трупы!». От таких заявлений становится жутко даже мне — гвардии сержанту Великой Отечественной.

Респектабельные речи со сцены майдана Незалежности акцентируют на мирном и миролюбивом характере «помаранчевой революции». А ее «бойцы» и «полевые командиры» на местах — откровенно воинствующие. Крещатик бурлит!

Почти три месяца по нему бродят, курят, хлещут пиво «из горла» молодые и здоровые люди, давно забыв о работе и своих обязанностях. Орут: «Ющенко, так! Ющенко, Ющенко, Ющенко!». Или: «Кучму — геть! Ганьба! Ганьба! Ганьба!» Ночуют в палатках, все это время — на протяжении трех месяцев! — пьют и едят — кто же их и за какие средства кормит? Кто руководит или командует ими?

Из постоянных телевизионных передач этого не поймешь, а на майдане Незалежности в эти апокалипсические дни я не бываю — только однажды с парапета телевизионного центра, куда меня пригласят в столь позднее время на заседание экспертного совета Государственного комитета по телевидению и радио, гляну на бурлящий ночной Крещатик, заставленный палатками, как глядел во время войны с наблюдательного пункта нашего третьего батальона 101-го гвардейского полка на освещенный ракетами передний край немецкой обороны за Вислой. И огромная тревога охватывает душу — горький военный опыт подсказывает: до добра это столпотворение не доведет!

За всю жизнь не видел, чтобы такие толпы молодых и здоровых людей на протяжении трех месяцев денно и ночью ничего не делали! А лишь слонялись по Крещатику, забивали, как говорят в нашем селе, «под завязку» майдан Незалежности и беспрерывно орали: «Так! Так!» или: «Ганьба! Ганьба!», «Геть! Геть!»

«Все смешалось в доме Облонских» — вспоминается начало знаменитого романа Льва Толстого. А здесь, братья и сестры, пахнет не домом Облонских — вся Украина висит на волоске — кажется, вот-вот прольется кровь! И тогда уже никто ничего не сможет сделать против вакханалии. В тот вечер со всей остротой ощутим, над какой пропастью окажется Украина ради президентского кресла, которое во что бы то ни стало надо заполучить назначенному за океаном кандидату! И все наше государство, вся наша жизнь удерживаются в правовом поле одним-единственным законодательным органом — Верховной Радой! Ну и организаторы этой затеи с самого начала изберут путь гражданского неповиновения, как они уверяют, мирный, не насильственный. И пытаются придерживаться этого намерения. Пока что. Но ведь одна-единственная провокация — и напряженная ситуация взорвется насильем!

Ведь ни днем, ни ночью не смолкает грохот молотками и железной арматурой по пустым металлическим бочкам перед правительственными зданиями и на прилегающих улицах и переулках. Слышны и в полночь, и за полночь песни групп «Грынджолы», «Океан Эльзы», «Вопли Видоплясова» — кто их там разберет? А также не смолкают «солисты» — лохматые и лысые, женщины и мужчины.

И вся эта вакханалия, парализовав работу центральных государственных учреждений, оставив Украину на распутье, без власти и органов управления, является ничем иным, как Охлократией! То есть — Властью толпы. Властью толпы, не всегда уравновешенной и вряд ли трезвой. Но перечисленные бесчинства квалифицируются ораторами Майдана, газетами и телевидением как «волеизъявление

народа», «пробуждение самосознания граждан, требующих справедливости!» — все это происходит во время подсчета голосов и после первого, и после второго, и после третьего туров голосования. Невольно возникают ассоциации с недавней «розовой революцией» в Грузии. А позже, через короткий промежуток времени, и с «тюльпановой» в Киргизстане, откуда президент Акаев еле ноги унесет от озверелой толпы, вылетев на личном самолете в Москву.

Заметно, что все три так называемые революции — и «розовая», и «помаранчевая», и «тюльпановая» — осуществлены по одному сценарию, разработанному, очевидно, в недрах ЦРУ по заданию явных и латентных насаждаателей «Нового мирового порядка на все века», окопавшихся на территории США. Они расставляют по всем странам своих людей, насаждают своих сторонников, преданных и надежных, чтобы контролировать ситуацию в регионах и избежать протестов. Именно таким образом легко и удобно осуществлять геополитическую экспансию и добиваться господства над миром — главной цели глобализации.

В те дни возмущения всей Украины и особенно Киева будут записаны в дневнике размышления и впечатления, волновавшие тогда многих. Волнуют и сейчас, когда все повторяется удивительно и непостижимо по инициативе самого президента под давлением его «помаранчевого» окружения после полного провала их непродолжительного «хозяйничанья» в Украине. Увольнение из областных, городских и районных администраций 32—37 тысяч работников с приобретенным опытом и замена их стоявшими «на Майдане» сторонниками Ющенко, а также «любыми друзьями», кумовьями, «национально сведомыми»,

но совершенно неподготовленными кадрами из Галичины внесут хаос в управление центральных органов власти — прежде всего в работу Кабинета Министров, который в конце концов возглавит Тимошенко, в экономику, в производство, в обеспечение страны природным газом и нефтепродуктами.

Грянут бензиновый, мясной, сахарный кризисы. Председатель Конгресса националистов Ивченко, поставленный во главе «Нафтогаза Украины», на первых же переговорах с «Газпромом» в Москве будет требовать переводчика, делая вид, что не понимает русского языка. Не знаю, нашелся ли переводчик для господина Ивченко, но вот цены на газ для Украины «подскочат» до мировых: для высокомерного господина Ивченко «Газпром» выставит цену 230 долларов за тысячу кубометров, хотя до этого Россия продавала нам газ «по-братски»: 49 долларов за одну тысячу кубометров. Такова стоимость амбиций высокомерных и недалеких «помаранчевых» деятелей, которые в «р-р-революционном порыве» потеряют разум, усевшись в теплые и «хлебные» государственные кресла и «мерседесы» самых дорогих, престижных и новых марок, стоимостью за 100 тысяч долларов! Не имея представления об элементарных правилах ведения переговоров. А уж «Протокол» им и вовсе непостижим!

Реприватизация таких гигантов промышленности, как «Криворожсталь» и Никопольский ферросплавный завод (по настоящей инициативе премьера Юлии Тимошенко!), поднимет новую волну протестов, снова взбудоражит Украину, напугает иностранных инвесторов, парализует продуктивную деятельность этих предприятий и окажется замаскированным перераспределением имущества, которому сам президент даст очень меткую оценку: «Отобрать

у одной шайки и передать другой». А от себя добавим: «И недаром!». То есть «помаранчевые» окажутся намного худшими управленцами, чем их предшественники! Что приведет к памяtnому для всех выступлению Александра Зинченко на телевидении, в котором он даст разгромную характеристику своим соратникам по Майдану и раскроет все их ничтожество, жадность, нечестность и непрофессионализм. Такими бесславными окажутся последствия «помаранчевой революции», шитой белыми нитками.

Но это — только внешние ее проявления. Глубинные же последствия «помаранчевых» событий в Украине, как и «розовых» в Грузии, окажутся более пагубными, даже трагическими. О сути тех отрицательных сдвигов в общественной и социальной жизни, напоминающих тектонические сдвиги в глубинных недрах нашей планеты, появляются неясные, как догадка или предчувствие, записи в дневнике, которые здесь следует привести.

События и последствия

1 декабря 1934 года наш отец — бухгалтер совхоза имени Косиора — вернется очень поздно, когда мы, дети, уже будем спать. Это будет последнее партийное собрание в его жизни, так как на том собрании, посвященном «чистке» партии, вызванной выстрелом Николаева и убийством Кирова в далеком Ленинграде, отца нашего «вычистят» для «очищения Коммунистической партии от нестойких элементов». Ему припомнят на том собрании давнее его выступление против «встречных планов» хлебозаготовки осенью 1932 года, которые и приведут к голоду 33-го. Те «встречные» планы «зачистят» из колхозных амбаров даже посевной материал, а у крестьян отберут не только

обсевки или оставшееся зерно, но и мелкие высевки. Страшны эти «чистки» и «зачистки», давние и сегодняшние! Еще страшнее «встречные планы» как попытки выслужиться перед вышестоящими инстанциями, продемонстрировать «преданность» и рабскую покорность прислужничества!

Об этих «встречных планах» почему-то не сказано ни слова при голосовании за признание голода 1933-го «Геноцидом украинского народа». Хотя той весной вымирало люда не меньше в Поволжье, на Кубани и на Дону — стоит вспомнить письма Шолохова Сталину о людоедстве в станицах и хуторах Верхнего Дона. Отчаянно смелые письма, полные боли и сочувствия, тревоги за все крестьянство! Но это так, к слову. Ведь даже в центральных черноземных областях России — Воронежской, Курской, Орловской, Тамбовской — люди умирали по селам от голода, как и в Украине. Но об этом и не заикайся! «Патриоты» сотрут тебя в порошок и заставят твердить, что «голодомор» — это еще и «геноцид», даже «этноцид» украинского народа россиянами! Куда тому «холокосту», что сейчас выдают за самое значимое, даже «знаковое» событие всей Второй мировой войны! Не битва под Москвой, не оборона Киева, Одессы, Ленинграда и Севастополя, даже не Сталинград и Курская дуга, не высадка союзников в Нормандии, не контрнаступление немцев в Арденнах, не Висло-Одерская операция, не штурм Зееловских высот и взятие Берлина, а «холокост»!

Дивны дела Твои, Господи! 57 миллионов погибших с оружием в руках на поле битвы с фашизмом и японским империализмом — это ничто, по сравнению с «холокостом»! Навоз, удобрение что ли? «Дай ответ!» — взывал когда-то наш Гоголь из далекого Рима. И сам же констатировал

печально: «Не дает ответа...» Выходит, солдатами и рождаются для того, чтобы гибнуть? И это даже не обсуждается, как аксиома? Горько сознавать такое кощунство. Может, только тебе, бывший солдат Великой Отечественной, а?

Вот тогда мы, маленькие, впервые услышим, как рыдает наш отец ночью, жалуясь маме на жестокую несправедливость и тревожась, что «террор» (мы тоже тогда впервые услышим это слово) прокатится по всей стране...

Мне вспомнится та далекая, 70-летней давности, ночь, когда буду слушать и смотреть по телевидению, как Литвин читает требование депутатов из фракции «Наша Украина» к Генеральной прокуратуре возбудить уголовные дела «за неправомерное использование открепительных талонов и манипулирование бюллетенями, а следовательно, и за фальсификацию результатов выборов 31 октября 2004 года». Этих обращений было так много (больше сотни!), что Литвин устанет читать их. А я не столько пойму, сколько прочувствую: членов избирательных комиссий №61 в Донецке и №113 в Луганске ожидает террор, участь всех тех, кого репрессируют по всей Украине и Советскому Союзу после выстрела Николаева и убийства Кирова.

Отдельные депутаты и целые группы депутатов из «Нашей Украины» требуют сурового наказания — вплоть до заключения! — членам участковых и территориальных избирательных комиссий Донецкой и Луганской областей всем и каждому. Создается впечатление, что снова слышен голос Киафы — иудейского первосвященника, когда он приведет толпу к Прокуратору Римской империи Понтию Пилату: «Распни! Распни его!» — указывая

перстом на Геноцри, на Иешуа, то есть на Иисуса, которого сам уже приговорил только что к распятию на заседании Синедриона! А теперь пытается, как говорится, «перевести стрелки» на представителя Рима. И хотя Понтий Пилат «умыл руки», как утверждают сами же авторы Библии, ему все равно приписывают распятие Иисуса, хотя он именно к иудеям обращал последние слова с Креста: «Кровь моя упадет на вас! И на детей ваших!». Так что ложь и фарисейство имеют древние, библейские корни! И искоренить этот недостаток нелегко и непросто. Особенно в политике!

Темная ночь расплаты над побежденными вырисовалась в то утро, 22 декабря 2004 года, над Донецком и Луганском, над всем непокорным Донбассом, который проголосует «не за того кандидата»! Что произойдет сразу после выборов и после победы «всенародно избранного президента» тогда и что творится теперь, напомнимся и послушаемся и дома, в Украине, и особенно в Эстонии, порядки в которой так ревностно будет расхваливать Президент Украины во время своего официального визита.

А теперь там сносят памятники и мемориалы, ровняют с землей обелиски и могилы освободителей от фашистской оккупации! Более того: выкапывают из могил скелеты и кости Воинов Советской Армии, отдавших свою жизнь за освобождение Прибалтики от фашистов!

Скоро, наверное, то же самое будет твориться и у нас, в Украине. Ибо уже вояки ОУН—УПА — герои, а настоящие освободители Украины — оккупанты в устах президента, ибо «музей советской оккупации» уже готовится, о чем «гарант Конституции» объявил во время визита в Грузию. То есть мы все, кто строил «Днипрелъстан», тракторный завод в Харькове, металлургические гиганты

на Днепре, на Азовском море и в Кривом Роге, кто защищал и освобождал Украину, — все-все оккупанты?! «Абсурд!» — скажете? Не спешите с выводами, а слушайте внимательно высказывания президента и должным образом оценивайте его намерения. Так и хочется крикнуть вслед за поэтом Дмитрием Кременем:

Внесіть мене у проскрипційні списки!
Я — тінь тіней. І голос. І ріка...

Последствия «помаранчевой революции» не только скажутся на экономических, социальных и морально-этических потерях, но и воплотятся в гибель людей: Кирпа, за ним — Кравченко. Это — из самых заметных, резонансных. Кто убил их? Нераскрытые вопиющие преступления лягут прямо, а не косвенно, на нынешнее руководство! А значит, воспринимаются как последствия «оранжевой революции» — ее жертвы! Кто бы их ни убивал.

Явной, наглядной жертвой «помаранчевой революции» стало для меня и всех жителей Баштанского района Николаевской области самоубийство безосновательно отстраненного с поста председателя Баштанской райгосадминистрации Владимира Федоровича Артеменко. За пять лет председательствования неустанным трудом, без выходных и праздников, проявив выдающиеся организаторские способности, он вывел Баштанку из заштатных сел в город, который ничем не уступает Очакову, Вознесенску, Первомайску, Новому Бугу, а во многом и превосходит их. Например, чистотой улиц, благоустроенностью городского жилищно-коммунального хозяйства, одетыми в асфальт улицами и переулками. Застройкой районного центра аккуратными многоэтажками и коттеджами. Районную больницу, некогда заброшенную, расположенную

в глинобитных хатах, где умирал у меня на руках мой отец в далеком 1963 году, Владимир Федорович превратил в оазис среди знойной степи: выстроил четырехэтажные корпуса, в которых расположены основные лечебные отделения. Облагородил ее территорию, открытую всем ветрам, клумбами и цветниками, посадил серебристыми тополями. Создал настоящий дендропарк с прекрасным прудом посередине. Плакучие ивы опускают к нему свои хрупкие ветки.

Областное начальство удивлялось: где он берет средства, как успевает все охватить, организовать, наладить? А местные жители радовались и принимали самое активное участие в этих преобразованиях! И вдруг, как снег на голову, телеграмма: «В связи с прекращением полномочий предшественника президента Вы отстраняетесь от должности председателя Баштанской райгосадминистрации. Президент В.Ющенко».

Артеменко, как правило, приходил на работу в семь и собирал в этот ранний час всех руководителей районных служб, предприятий и организаций, работников средств массовой информации. Ставил задачи, отдавал распоряжения, выслушивал рапорты о проделанной накануне работе.

В то хмурое, черное утро не вызовет никого. Долго будет сидеть над грубой, несправедливой телеграммой. Такие телеграммы рассылались, как говорится, «под копирку» всем руководителям областей и районов, как будто это были не люди, а винтики. На Майдане стояли и скандировали: «Ющенко! Ющенко! Ющенко!» много людей, его сторонников, и всех надо в благодарность за то стояние наделить теплыми и доходными местами во властных структурах, не вникая, кто те должности занимал

ранее, а кто приходил — с какой профессиональной подготовкой, с какими сугубо человеческими качествами и организаторскими способностями. А то и совсем без них? Ведь — «сознательные»! А тем более — «преданные революции»!

По-моему, это — самый тяжкий грех «помаранчевой» власти, эти 32 тысячи уволенных людей, наделенных и организаторским талантом, и неопенимым опытом управления.

В девять Артеменко запрет свой кабинет, отдаст ключи секретарше — от кабинета и от сейфа. Пойдет домой. Посидит в пустом доме — неожиданно сам, без работы, без людей, без дела, без никого и ничего!

О чем он будет думать в те предсмертные минуты? Мы никогда не узнаем. Ибо не дано знать, что думает и что чувствует человек перед тем, как наложить на себя руки и уйти из жизни в расцвете сил, опыта и интеллекта. Может, возникнет в его воображении тот дендропарк на месте убогого и заросшего бурьянами двора районной больницы, где лечились и умирали жители его района в примитивных глиняных хатах.

И тот пруд с плакучими ивами, с таким трудом спроектированный и созданный им. Такой красивый, что на нем загнездится пара лебедей! А может, он вспомнит, как трудно и долго будет заказываться проект памятника Шевченко и еще труднее будет сооружаться сам памятник? Зато украсит всю Баштанку. Так же, как и Дворец культуры, которым Баштанка гордилась до войны, ведь такого тогда не было ни в одном райцентре Николаевщины. Но после войны он стоял заброшенный, обтрепанный ненастьем — все как-то было не до него. А за последние три года своего председательствования в райгосадминистрации Владимир Федорович не только организует и проведет

евроремонт Дворца культуры, но и улучшит архитектуру этого прекрасного здания! Так неужели все эти его труды и достижения ничего не стоят? Не за них ли его снимают с работы? Как же так? Что же это за «справедливость»? Для чего и для кого он день и ночь трудился и всех заставлял трудиться в поте лица, требуя полной отдачи, чтобы сделать Баштанку цветущим, уютным городом, в котором всем его жителям радостно жилось и работалось?! А дети чтобы хорошо учились в обустроенных школах и недавно впервые в Баштанке открытой гимназии! Он же всю душу вкладывал все эти годы в обустройство райцентра! И вот такая благодарность за неутомимый труд и бессонные ночи?

— Лида, приходи сейчас же! — позвонит жене на работу.

Но когда она, встревоженная его непривычным тоном, вбежит в калитку, грохнет выстрел: Артеменко в отчаянии не дожидается жены — схватит ружье, испытывая невыносимую обиду, гнев за несправедливость по отношению к себе, невыразимую тоску по своему неусыпному труду, не то что недооцененному, а признанному новым президентом чуть ли не преступным (ибо только за преступления так беспардонно и безжалостно снимают с работы)! Зарядит ружье патронами с крупным заячьим шротом и, выбежав на порог сеней, из обоих стволов выстрелит себе в рот!

«Будто от того выстрела, — скажут мне баштанцы, — сорвутся с пруда и улетят от нас навсегда белые лебеди, оставив гнездо. Не стало Артеменко — не стало и лебедей в нашем крае! Как и до сих пор их не было...»

Что он тогда подумает о вас, Виктор Андреевич, когда будет хватать ружье? Что подумает тогда и что сейчас

думает о вас его жена, увидев, как падает ей под ноги ее мужественный и сдержанный муж с изувеченным лицом и снесенным страшным выстрелом из обоих стволов черепом? Не знаю, насколько уютно сидится вам в президентских апартаментах и в президентском кресле, но вы в моих глазах — убийца Артеменко! И еще многих талантливых руководителей-организаторов, которых бездумно, одним росчерком пера, или даже печатью вашего факсимиле, отправят в политическое и административное небытие ваши клеветы! Мне вы нанесли на всю жизнь страшную душевную травму и, наверное, пожизненно лично облили доведением до самоубийства прекрасного человека, талантливого организатора и руководителя моего родного района. А я ведь не один — подумайте об этом! И Артеменко — тоже не один. Вы представляете, сколько таких Артеменко по Украине?

Мы с ним не были друзьями: когда я приезжал в Баштанку, он под разными предлогами, как мне казалось, отлучался из райцентра, поручая председателю райсовета Валентине Сокол, моей давней знакомой, заботиться обо мне во время встреч с земляками. И только в последний приезд, когда будет отмечаться мое 80-летие, Владимир Федорович примет участие в моей встрече с преподавателями и учениками гимназии, которой гордился. Даже выступит с коротким словом. Но на фуршет не останется, сославшись на неотложные дела. Когда же я, уезжая, выражу удивление его отстраненностью, он пристально и прямо глянет мне в глаза и тихо, как будто нехотя, скажет: «Не люблю, знаете ли, греться в лучах чужой славы. Да и самих юбилеев не признаю! Забава только — и ничего более».

Вот такая незаурядная личность. И его, к сожалению, не стало в расцвете сил и таланта. Такой удивительной личности! Талантливого руководителя и организатора! И уже никогда не будет...

В Донецке, едва вступив на пост президента, вы кричали милиционерскому генералу: «Ты что здесь расселся? Не видишь, что перед тобой Президент Украины, а не свинопас!» Очень «толерантно»! Ничего не скажешь. И — «демократично», дальше некуда...

Но имейте в виду, Виктор Андреевич: мы тоже — не свинопасы! И не свинопасы все те руководители, которых вы скопом, всех одним махом, снимали росчерком пера только за то, что они назначены не вами! Это и есть волюнтаризм — за давностью уже забытое явление, которое благородным и мудрым никак не назовешь, даже при желании.

Жертвы «помаранчевой революции»

Безмерно жаль, больно и страшно смотреть, как ветеранов — старых и немощных, а то и тяжело больных лежачих — свозят этим «специально выделенным» транспортом на избирательные участки по античеловеческому неконституционному избирательному закону, «продавленному» «Нашей Украиной» и «бютовцами» в Верховной Раде! Как они виснут на руках своих родственников или солдат, теряют сознание, умирают на избирательных участках в условиях преступной поправки к «самой демократической избирательной системе», запрещавшей голосование на дому старым и немощным. Это не только зафиксировано телевидением на его экранах — оно останется в памяти народной и обязательно аукнется на будущих

выборах, которые вы назначаете антиконституционно всего через год под давлением «любых дружив» и одержимой жадностью власти «новой надежды Америки». Она уже не раз подводила вас под белый монастырь, как говорят в народе. Подведет и в этот раз. А что из этого выйдет? Увидим...

Любители афоризмов утверждают: «Революция пожирает своих детей!». Кто знает? Может, настоящая и пожирает своих детей? «Оранжевая» же пожирает чужих родителей! И вы думаете: вам это простится? Ой, нет! «Пепел Клааса» стучит в сердца тех, кто утратил маму или отца, сорванных с больничной койки или с домашней постели и привезенных почти насильно на избирательный участок, чтобы здесь умереть раньше времени, опустив бюллетень в урну и тем самым усадив вас в определенное США президентское кресло ценой собственной жизни — такое не забывается и не прощается! Ваша «помаранчевая» команда не останавливалась тогда ни перед чем. Да и сейчас не останавливается, стремясь к власти, которую упустила из-за непрофессионализма, а то и профнепригодности!

А я не могу забыть и до сих пор двух «доставленных» на избирательный участок старушек: одна буквально на глазах, перед телеобъективом, теряет сознание и гибнет, а вторая, обливаясь слезами, жалуется, что уже совсем слепая, а должна в третий раз голосовать за того же кандидата под бдительным надзором «наблюдателей»! То есть — за вас, Виктор Андреевич. Вы видели эти кадры? Лучше бы их не было. Век бы такого не видеть...

А вы, господа «помаранчевые» р-р-революционеры? У вас есть совесть и элементарное сочувствие? Или, стремясь к власти, вы плюете на божьи и человеческие заповеди? А как же эта «слеза ребенка», которая жгла сердце

Федора Михайловича Достоевского? Или вам застилает и зрение, и совесть давний лозунг революционеров и еще более древний постулат «Ветхого Завета»: «Цель оправдывает средства»?

Должны хорошо помнить его, поскольку все вы — бывшие секретари райкомов, горкомов, обкомов комсомола. А некоторые из вас — секретари ЦК ВЛКСМ, даже первые секретари ЦК ЛКСМУ! Но какие же вы теперь злобные антикоммунисты, Боже ж ты мой! Фашистов переплюнете! «Забыв» о своем комсомольском и компартийном прошлом. Да как же можно верить перевертышам? Следуя библейскому: «Единожды солгавши, теряешь веру навсегда».

Или, может, вы и тогда уже, руководя комсомолом, «проводили линию партии» по-своему? Под лозунгами: «Приспосабливайся!» и «Обогащайся, как можешь!». И уже тогда научились этому ремеслу хорошо — не хуже своих московских коллег: Гайдара, Немцова, Чубайса, Хакамады, Абрамовича, странным образом еще во время путча ГКЧП или сразу же после него ставших «чикагскими мальчиками» и ободравших Россию во главе с Ельциным, Березовским, Гусинским, Ходорковским и иже с ними, как липку.

А потом перед бесстрастными телекамерами Си-Эн-Эн расстреляли законно избранный парламент, который восстал против ельцинского государственного бандитизма, 3—4 октября 1993 года. Что-то очень похожее затевается и у нас в 2007 году. Что это? Закономерная наследственность? А разработчики не одни ли и те же? Нетрудно догадаться, кто они...

Много возникает вопросов, на которые нет ответа! Например: кто убил банкира Ляха? Кто довел до самоубийства

во время последнего тура переголосования полковника СБУ или МВД в собственном кабинете? Все покрыто мраком тайны? И все эти смерти будут забыты? Как и гибель на избирательных участках старых и немощных людей, поднятых с постелей вашими античеловеческими поправками к Закону о выборах, которые лишили их права проголосовать за пределами избирательных участков? Ведь нигде в мире таких запретов не существует!

Надеетесь, что эти жертвы вам забудутся?

Не надейтесь! Смерти на избирательных участках — беспрецедентный Знак Беды! Его черный отблеск ложится на помаранчевый цвет вашей «революции». Ведь что бы вы ни говорили, как бы ни отрещивались от этих смертей, а они — на вашей совести, на дьявольском счету вашей «помаранчевой революции» как средства захвата власти!

И ни время, ни новейшие события не смоют этого позора!

Об этике

Да, именно о ней. Поскольку до сих пор речь шла о моральных аспектах «помаранчевой революции», «мирного народного неповиновения», «пробуждения национального самосознания» или какие там еще у вас клише и штампы в ходу?

С этической точки зрения, совсем не обязательно вашим заезжим из Москвы сторонникам, типа Немцова, распинаться о своей поддержке, стоя рядом с вами перед толпой на майдане Незалежности. Достаточно и того, что приехал, явился. Ну и стоял бы молча! «Чье бы мычало?» — говорят в народе. Ведь все хорошо помнят, какую роль как советник Ельцина сыграл он в расстреле законно избранного парламента России в октябре 1993 года.

Сколько сотен людей там убито — и в подвалах, и на этажах так называемого Белого дома. Да и вокруг него. Во время штурма «Альфы», спецназа Кантемировской дивизии и дивизии внутренних войск МВД имени Дзержинского. Эти прославленные в советское время и в грозных битвах Великой Отечественной войны дивизии, подняв оружие против собственного народа, покрыли себя позором, как и все остальные войска, выполнявшие преступные приказы Ельцина!

Особенно во время расстрела Белого дома перед камерами Си-Эн-Эн из танков и БТРов! Все это содеяно правительством, в котором «мальчик резвый, кудрявый, веселый» был вице-премьером. Именно ему Ельцин во время аудиенции говорил перед телеобъективом: «Мы с вами не воровали, — не моргнув глазом. — Пусть мы будем бедны. Но зато совесть у нас чиста!». А теперь известно всему миру, что «Семье» принадлежит почти 60% всех активов российской экономики! Но и при этом диком невероятном обогащении Ельцин перед смертью оформит еще два земельных участка в Горках, на которые якобы пропали документы(?). Не отставал от своего патрона и Немцов, которому тоже перепало немало из тех государственных активов. Да из «прихватизации», проведенной вместе с Чубайсом.

Неужели таких одиозных «союзников» следует выставлять «мирному» Майдану? Еще и приглашать в советники Президента Украины!

Хорошо вписывалось в общую эйфорию Майдана и «мирной революции» выступление еще одного не варяжского, а московского гостя, который тоже, стоя рядом с вами, кричал в микрофон: «Мы посадим Путина в клетку, будем возить и показывать всему миру как величайшего преступника!». Забыл, бедняга, что Владимир

Владимирович — не Эйхман, нацистский палач, осуществивший «окончательное решение еврейского вопроса», то есть успевший уничтожить 6 миллионов евреев! Его действительно разыскал в Южной Америке израильский Моссад, арестовал и возил в клетке. Но ведь Путин — законно избранный президент России, соседнего славянского братского государства! С которым нас объединяет многовековая история и происхождение из одной колыбели — Киевской Руси. Да экономические, особенно энергетические связи! Как-то не вяжутся такие грубые и воинствующие выступления «друзей помаранчевой революции» с ее «мирным, ненасильственным» характером.

Поэтому надо ведь было по элементарным законам политической, да и человеческой этики отмежеваться от таких заявлений! И прежде всего вам — кандидату на пост Президента Украины. Но вы промолчали — сделали вид, что не слышите? Или сочли такие заявления правомерными?

А Майдан бурлил «праведным» гневом и скандировал, как тогда было принято: «Ющенко! Ю-щен-ко!» — будто то выступление шло от вас лично. Или безоглядно поддерживалось вами. Ничего себе «этика»! Наверное, это вытекало из общей идеологии, основанной на ненависти к России вашего галичанско-бандеровского окружения. «И далеко же мы на этом о-очень «этичном» коне доедем?» — думалось тогда. Да думается и сейчас...

И не надо было вашему «придворному» волосатому и бородатому «барду» перед выступлением бросать в толпу нелепую фразу: «Передаю привет Януковичу от Садада Хусейна!». Ведь это — подстрекательство толпы, нагнетание в ней ненависти к такому же, как вы, кандидату в Президенты Украины, а не злейшему врагу! Это и есть «этика» охлократии, хамства, духовной деградации

и раздора. Хотя вы, якобы, стремитесь к соборности, общественному согласию и территориальной целостности Украины. Под такими лозунгами? При таких призывах к ненависти и раздору? Такой риторикой объявляются войны, а не единение!

Да и вам, Виктор Андреевич, в тот же день — 26 декабря 2004 года, когда погибли ветераны на избирательных участках, не следовало бы, бросив бюллетень в урну при голосовании, говорить в телеобъективы: «То, что оппоненты добились пересмотра в Конституционном Суде нормы о запрете голосования на дому, является ложкой дегтя в бочке меда — в пакетном голосовании!». Очень неэтично прозвучала эта фраза, поверьте! Во-первых, потому что пересмотр произошел слишком поздно, когда, как говорят в народе, поезд уже ушел, и голосование завершилось без действия этого запоздалого пересмотра. А вам хотелось, чтобы и такого вердикта не было? Чтобы все было «белым и пушистым», за которое выдает себя леди Ю?

А во-вторых, после обнародования фактов смерти ветеранов на избирательных участках ваша риторика показала уже не только неэтичной, но и циничной! Ибо вырисовалось ваше полное равнодушие к старым и немощным людям, которые отдали свое здоровье, свою молодость, силы многолетнему труду. Наконец — принесли и положили свою жизнь на алтарь Отчизны! Вам лишь бы только все было — «о'кей!» И чтобы выборы признали международные наблюдатели «честными, демократическими, правовыми». Так и произошло: именно такими они и были признаны «мировым сообществом», ведь победили на них вы! А что третий тур переголосования — беспрецедентный в мировой практике? Да какое это имеет значение, правда? Кому нужны этические нормы? Результат! Вот

главное. И — самое главное! Это особенно ярко проявилось в вашем президентстве.

Ну, а уж выступление «пламенной Юлички» по Донецкому телевидению в помаранчевой футболке «Шахтера», в котором она уверяла, что фракция БЮТ не принимала участия в голосовании против открепительных талонов и против голосования на дому, то уже и библейские фарисеи померкнут перед ней! Ведь голосовала она против изменений в Конституцию — все это знают из ее собственных предшествующих заявлений на согласительном совещании в парламенте!

Можно как угодно разыгрывать подмену понятий. Можно рядиться при этом в тогу «босых кармелитов», а не только в футболку «Шахтера», «Челси» или «Милана». Но «шила в мешке не утаишь!», а «неправдой свет пройдешь, да назад не вернешься!» — не я говорю, а народ сказал, как завязал!

Хорошо было бы всем нам руководствоваться народной этикой. А особенно вам, президенту, с самого начала управления государством. А еще больше — международной! Ведь пренебрежение ею входит не то что в привычку, но и в суть самого правления. Что мы и наблюдаем уже вот третий год вашего президентства. Особенно этой весной! Демонстрировать свою веру в Бога публично и подписывать указ о роспуске Верховной Рады в первый день страстной недели, поставив на дыбы всю Украину, отравив Светлое Воскресение всем своим гражданам?! В этом есть что-то дьявольское, а не христианское. Тем более — не Православное.

Вы как будто преднамеренно настраиваете против себя все население Украины, кроме Галичины, «любых друзив», кумовьев и родственников. Оглянитесь на свое окружение, на своих советников — действительно ли они желают вам добра? О «новой надежде Америки» я молчу: она ослеплена

жаждой власти и ждать не может ни дня, ни полдня! Здесь все понятно, как диагноз: поражает выражение ее лица — оно становится каменным, искаженным, жестоким не по-женски, когда речь идет о власти. Особенно — о кресле премьера! И даже ее волшебные глаза становятся холодными, как лед! Они излучают такую одержимость, что становится не по себе! Даже если посмотреть в них на телеэкране. Куда женственность девается — редко и у самых суровых мужчин бывают такие глаза и взгляды, когда леди Ю, не помня себя, говорит или думает о власти. А ведь вы находитесь в постоянных контактах с этой оболстительной, решительной, деятельной и волевой особой и не можете не поддаваться ее влиянию. А «с кем поведешься, от того и наберешься», — опять-таки говорят в народе.

А древние оставили нам множество мудрых высказываний и советов. В частности и такой: «Бойтесь данайцев, дары приносящих!». Ведь дары бывают разные. Их вам приносят в виде установок то из Госдепартамента США через их посла, то с ОБСЕ и штаб-квартиры НАТО из Брюсселя, то из Совета Европы из Страсбурга, а то и нашептывает советы ваше ближайшее окружение из Секретариата президента. К каким из них прислушаться? А какими пренебречь? «Все зависит от времени, места и обстоятельств», — говорят философы. А у нас, по продолжительным наблюдениям, очень многое зависит от ваших настроений и от тех, кто их вам навевает. А это недопустимая роскошь для президента и огромная опасность для самой Украины и ее обездоленного олигархами и «реформами» народа!

Поэтому думайте об Украине и ее Народе, а не только о Галичине, ОУН—УПА и своем окружении из кумовьев и «любых друзив». Если способны!

АРАБ

Нам остаётся молчание!

Из эпоса «Гибель Богов»

Он сидит у окна в ресторане «Панорама» на 22 этаже гостиницы «Беларусь» в форменной рубашке «хаки» — цвета пустыни — без погон, курит тонкую дешевую сигару и неотрывно глядит на предрассветный Минск.

Средь ресторанный шума и суеты именно он, одиноко сидящий за дальним столом — изможденный и чернолицый, а не бронзово-смуглый, как представляются арабы из книг и преданий, — бросится в глаза, и я сразу же направлюсь к его свободному столу.

Моего появления Араб как бы и не заметит: ни взгляда, ни жеста, ни поворота головы. Так и глядит на Минск, словно старается запомнить навсегда, чтобы никогда и нигде не забывать его.

Между домов еще мерцают уличные фонари, светятся окна и сверкают огни рекламы. Но рассвет уже поднимает над столицей Белоруссии ветрила прозрачно-синеватой дымки, углубляя перспективу ее чудной панорамы, открывающейся с высоты птичьего полета.

Я впервые в Минске и тоже люблюсь утренним городом, отстроенным после войны: строгими зданиями в стиле

«Сталинский амфир», его прямыми улицами и широкими проспектами, просторными площадями, парками и скверами.

Немцы возьмут Минск 3 июля 1941 года, на одиннадцатый день войны. За потерю Минска расстреляют без суда и следствия командующего Западным фронтом генерал-полковника Павлова, начальника штаба генерал-лейтенанта Климовских, а также многих генералов и высших офицеров управления и Военного Совета фронта.

Араб может и не знать об этой давней трагедии, но, кажется, молчит и печалится по ее поводу. Пока управляюсь со своим завтраком, он даже не притронется к кофе. И сигара его потухнет под белесым пеплом.

Сидит, будто каменный Сфинкс, стерегущий пирамиды египетских фараонов в Африке. И его худое почерневшее лицо тоже окаменеет. Задумчивость и печаль угнетают и мучают его. И он не может или не хочет отрешиться от них — встряхнуться и взбодриться, прийти в себя. И я начинаю понимать: его терзает невыносимое горе!

За свою долгую жизнь я смотрюсь на страдальцев — в голодные годы, в оккупации, на фронте. Но такие угрюмые страдания, погруженные в молчание, увижу впервые.

* * *

«Брат мой Араб! Что вспоминается тебе в этой холодной и далекой стране? Некие беды, пострашнее нашей Великой Отечественной войны? Семейное горе или утрата дома? Или ты вовсе изгнан из пределов родины — с земли твоих предков? Ведь нагрянули уже и к вам современные завоеватели, еще более жестокие, чем древние испанские конкистадоры, уничтожившие инков и народ майя в Южной Америке, с их богатой культурой, и присвоившие их несметные сокровища. Потомки тех поработителей,

которые истребили благородных индейских вождей и отважных воинов, а остальных «краснокожих» загнали в резервации, захватив их благодатные земли в Северной Америке. А сейчас эти ковбои насаждают свою демоническую «культуру» и «демократию» по всему миру — на Балканах, на Ближнем Востоке, в Европе и Африке. Намереваются оккупировать всю нашу планету: на ней уже нет регионов, где бы не было «государственных», «национальных», «стратегических», «экономических» интересов Соединенных Штатов Америки.

Не об этом ли ты думаешь, брат мой? Ведь именно на вас, арабов, на ваш Ближний Восток и на Африку идет сумасшедшая экспансия — военная, идеологическая, расовая и религиозная. Особенно со стороны Израиля, поддерживаемого и поощряемого Америкой.

Египет, Ливан, Ливия, Иордания, Ирак, Иран, Сирия — все под прицелом Израиля и янки. С 2003 года каждый божий день стирается с лица земли Ирак. То же самое сделали с Ливаном — бывшим раем земным, превратив его в руины. А многострадальный красавец Бейрут повержен и разгромлен, как когда-то Сталинград в Великую Отечественную войну.

Тебе есть что вспомнить, брат мой Араб, есть о чем печалиться. Называю лишь то, что наверняка терзает твою израненную душу и изнуренную память. Предполагаю, что и Абделя Насера вспоминаешь — выдающегося Президента Египта, фактического вождя всех арабов, отравленного ЦРУ и «Моссадом» в расцвете сил и славы!

А сегодня, кстати, 21 декабря — день рождения Сталина, тоже подло отравленного врагами и предателями, как и твой Насер...

Ты, может, и забыл эту важную дату. Ибо кто же теперь вспоминает о ней? Кроме нас, солдат Сталина, воевавших

против фашистских вешателей и поработителей под его Верховным командованием. Так вот, брат мой, Абдель Насер никогда не допустил бы государственного бандитизма и разбоя США на арабских землях! А Сталин не позволил бы уничтожить Великий Советский Союз продажным изменникам, «агентам влияния» из числа высших партийных и государственных функцинеров, клонувшим на долларовую «зелень», чтобы разбогатеть, предав Родину и свергнув собственный народ в пучину бедствий, нищеты и бесправия.

Глядя на Минск, о чем думаешь, по ком страдаешь, какие города вспоминаешь, брат мой Араб? Абу-Даби, Багдад, Басру, Бейрут, Дамаск, Тегеран, Триполи, Эль-Аламейн или Мерс-эль-Кебир? Что мучает и гнетет тебя? Может, в беспрерывных перманентных войнах Израиля против арабов ты утратил родителей? Потерял любимую жену и детей? А теперь грустишь по ним перед панорамой этого далекого, но не чуждого тебе города?

Или вспоминаешь павших товарищей, которых ты оставил под вражеским огнем на поле боя, а теперь представляешь, как их терзают по ночам, пожирая, ненасытные и вечно голодные гиены?

Я никогда не узнаю, о чем ты думаешь, сидя рядом со мной за одним столом. Ибо ты молчишь, раздираемый твоим горем...»

* * *

Исхудалое оливковое лицо с черными тенями под глазами, под крыльями носа и на висках действительно кажется каменным. Такие лица иногда бывают у убитых горем людей, которым уже нет и никогда не будет отрады в этом жестоком мире...

Один весьма характерный «Катехизис» гласит:

«Арабы ведут созерцательный образ жизни. Они лишены целеустремленности. Никогда ни в чем не уподобляйтесь арабам! Будьте активными, постоянно деятельными!

Мир жесток — в нем ни на миг не прекращается борьба за место под солнцем, за право оставаться единым народом и жить на этой грешной земле!

Помогайте друг другу! Помогайте друг другу, даже если ненавидите друг друга! В единстве — наша сила! В целеустремленной деятельности — залог наших успехов!»

В этом катехизисе заключена скрытая угроза молчаливому, убитому горем Арабу. Я это улавливаю подсознательно. И мне невыразимо жаль его самого, его народ, его далекую Родину, которой я не видел и уже, вероятно, никогда не увижу. Не знаю даже, что это за страна? Египет, Ирак, Иран, Ливан, Ливия, Сирия или Саудовская Аравия?

Господи, на все Божья воля Твоя! Но сколько же несчастных стран и народов в Африке и на Ближнем Востоке? Все они — жертвы израильской агрессии. Да и сейчас находятся под его оккупацией и под прицелом международного жандарма — США.

И никто не защитит людей и государства, не остановит государственного террориста!

Сегодня ООН так же бессильна перед обнаглевшими США и Израилем, как некогда Лига Наций перед нацистским Третьим Рейхом Гитлера, воинствующим итальянским фашизмом Бенито Муссолини и перед японским милитаризмом.

* * *

Шестилетний арабский мальчик с игрушечным пистолетом в руке у гроба только что убитого израильскими

солдатами отца снова вспомнится мне этим утром. Его фотография из немецкого журнала «Штерн» обойдет многие газеты мира. Она так и лежит под стеклом на тумбочке торшера в моем кабинете на улице Михаила Коцюбинского в Киеве с тех давно ушедших времен. И слезы осиротевшего арабского ребенка орошают милитаристскую игрушку, которой он забавлялся, когда отец был еще жив. В те дни его горькие сиротские слезы станут слезами Ближнего Востока, всего Арабского Мира!

Не этот ли осиротевший арабский мальчик сидит теперь рядом со мной? Уцелел даже во время резни в лагерях беженцев Сабра и Шатила, учиненной тогдашним министром обороны Израиля Шароном, вырос, возмужал и приехал в Минск! А почему бы и нет? С той поры, как увижу эту фотографию, пройдет столько же лет, сколько теперь можно дать этому Арабу.

В Палестине Израиль учинит арабам настоящий холокост, забыв о шести миллионах евреев, погибших от рук гитлеровских и гиммлеровских бандитов. Как тут не согласиться, что история никого ничему не учит? И что человечество забывчиво. Но это — слишком упрощенное умозаключение. Настоящая беда в том, что страдания любого народа не становятся историческим опытом, на основе которого все мы должны стать мудрее и настойчивее в том, чтобы не допустить впредь такого ужасающего варварства!

К сожалению, осознанные народные страдания вызывают не только скорбь, но и жажду отмщения. Но при чем же здесь арабы? Почему на них вымещают свою месть и ненависть, изуверскую жестокость израильские «ястребы»?

Отнюдь не еврейский народ, а именно сионистские правители Израиля сживают со света и с их родной земли

палестинцев! Народ не может быть виновным — это старая как мир истина. В злодеяниях виновны правители, идеологи, ловко перекладывающие свои грехи на соплеменников пресловутым жупелом «коллективной ответственности».

Это же немыслимо — изгонять людей с их исконных земель, из родовых гнезд в лагерь беженцев, обрекать на невыносимые муки, страдания и мытарства с малыми детьми, младенцами и дряхлыми родителями! Да и в тех несчастных лагерях среди бела дня убивать беззащитных стариков, женщин и детей! Чем же эти зверства лучше холокоста, стенания по которому затмевают сейчас и оборону Москвы, и последовавшее за ней контрнаступление, приведшее к первому поражению вермахта, казавшегося непобедимым? И героическую оборону Киева, Ленинграда, Одессы и Севастополя. И Сталинградскую битву. И битву на Курской дуге. И битву Окинлека да Уэйвелла с Роммелем в Африке. И высадку союзников в Нормандии. И взятие Берлина. И даже саму Победу над германским фашизмом, принесшим человечеству столько горя и утрат! Все это сейчас меркнет по сравнению с холокостом, который внедряется в сознание подрастающих поколений как главное событие Второй мировой войны, в которой погибли, кроме евреев, 50 миллионов людей на полях битв с оружием в руках! А Главного Победителя над фашистской Германией, принявшего один на один весь ужасающий удар вермахта, выстоявшего и разгромившего его ценою небывалых в истории потерь, объявлять «империей зла»! В благодарность что ли?

Эта дьявольская жестокость и двойные стандарты в оценке событий, держав и наций сеют смуту, нарушают мирное сосуществование государств, дабы извлечь из

этого выгоду прежде всего устроителям «нового мирового порядка на все века»! Чтобы в обстановке «управляемого хаоса» обеспечить процветание стран «золотого миллиарда» за счет уничтожения остальных шести миллиардов людей — «неполноценных в расовом отношении» народов. Это ли не расовая теория Гитлера?

Забыли? Так вспомните же! И — опомнитесь! Иначе будет вам то, что и главным нацистским военным преступником в Нюрнберге!

Ведь должен же Международный трибунал в Гааге когда-нибудь судить не только Милошевича и Радована Караджича, но и настоящих истязателей и мучителей целых народов?

* * *

Позавтракав, убираю посуду, громыхая тарелками. Араб же и не шевельнется, не взглянет на меня. Выходя из ресторана, оглянусь: не изменит ли он свою позицию?

Нет. Так и сидит, облокотившись о стол, забыв о своем убогом завтраке, и все так же неотрывно глядит на панораму Минска.

Уличное освещение уже выключат, погаснет и крикливая капиталистическая реклама над кровлями домов да на их фасадах. В Минске она особенно лишняя, нахальная, противоестественная и чужая!

* * *

На съезде писателей, куда меня пригласят через Посольство Белоруссии в Киеве, я уже не застану ни лауреата Ленинской премии Ивана Мележа, ни председателя Союза писателей Белоруссии Ивана Шамякина, ни прелестного новеллиста Янку Брыля, ни Ивана Чигринова — автора дивного лирического романа «Плач перепелки» о той жестокой и страшной войне, прокатившейся по лесам,

полям, весям и городам Белоруссии. Все они — мои друзья и ровесники — тихо уйдут в мир иной, словно сговорившись, и не дождутся моего первого приезда на их Родину.

Перед открытием съезда ищу в толпе бывшего секретаря парткома Союза писателей Белоруссии Савицкого, некогда бросившегося чуть ли не на трибуну в Московском ЦДЛ с объятиями, растроганного моим юбилейным словом об Андрее Головки. Он, оказывается, с детства влюблен в его хрестоматийные рассказы «Пилипко» и «Червона хустина». Таких у нас после Андрея Васильевича больше не было и уже никогда, вероятно, не будет. Собираясь на съезд в Белоруссию, вспомню Савицкого — ведь мы с ним даже пображничаем и в «Арагви», и в моем номере в гостинице «Москва».

Но когда мне покажут его в толпе, я не узнаю Савицкого — так он постареет, изменится с той памятной встречи. И что удивительно — не выразит ни приязни, ни приличествующего в таких случаях радушия. Это меня обидит и огорчит. Забыл что ли? Уже в который раз удивлюсь: что с нами происходит? Стареем? Становимся безразличными? Устаем жить? Кто знает...

Ничего не скажу ему, ни о чем не спрошу и ничего не напомним. Зачем? Только почувствую себя вдруг чужим и ненужным в этой переполненной делегатами и гостями съезда филармонии, с уже установленной и украшенной новогодней елкой. «Стоило ли сюда приезжать, выбираться в такую дальнюю дорогу?» — подумается невольно.

Но я давно мечтаю попасть в Белоруссию Президента Лукашенко, который сбережет здесь всю инфраструктуру, не позволит разграбить народное добро ни в промышленности, ни в сельском хозяйстве. Поэтому обрадуюсь приглашению на съезд писателей, надеясь встретить

старых друзей по литературе, а заодно и побывать, наконец, в Белоруссии. Но никого знакомого, кроме Савицкого, не встречу, и стихи Плещеева отзовутся в душе и памяти, будут сопутствовать мне все время моего пребывания в Минске:

Над кровлей филин прокричит,
Осенний дождь прольет...

И станет жаль всех ушедших, кого я знал и любил, как свою душу...

* * *

Съезд будет, как съезд: на нем выступит с докладом председатель Союза писателей Белоруссии Николай Иванович Чергинец и руководители областных писательских организаций, как заведено еще при Советской власти. Эдакие «отчеты с мест», имеющие к литературе весьма зыбкое и отдаленное отношение. Эту тенденцию пытались преодолеть в Союзе писателей СССР и в братских писательских организациях. Бюрократизм, однако, окажется непреодолимым. В этом еще раз придется удостовериться.

Гости из Болгарии, Латвии, Литвы, Молдавии, Польши, России, Сербии, Сирии, Эстонии в своих выступлениях попытаются анализировать тенденции современного литературного процесса в Европе и в мире. Поделятся интересными рассуждениями о модернизме и постмодерне, об авангардизме и андерграунде, вытесняющими реализм, чтобы под видом поисков формы лишить литературу ее главной задачи — отражения глубинных процессов современной жизни, создания типичных народных характеров и судеб. Реальная действительность, таким образом, подменяется виртуальной не только в политике, кино и на телевидении, но и в литературе.

Особый интерес вызовет выступление профессора Дамасского университета — невысокого крепыша, довольно плотного, но подвижного, как ртуть. Его остроумная речь будет прерываться то аплодисментами, то смехом в зале.

Поразит и его тост на фуршете, когда Николай Иванович Чергинец предоставит ему первому слово. В это время создастся настоящее столпотворение вокруг стола, как всегда на шумных фуршетах. Да еще кому-то из старших писателей принесут стул, чтобы не стоять, а сидеть. И поставят как раз перед сирийцем! Дамасский профессор легко и ловко, почти без разбега, перепрыгнет злополучный стул и под общий хохот направится к микрофону, смеясь, как ребенок.

Он здесь, в Минске, все время в центре внимания прессы и телевидения. Как представитель далекой экзотической страны Ближнего Востока — самого взрывоопасного региона планеты. Со времени провозглашения государственности в 1947 году Израиль ведет беспрерывные войны, и его агрессивности нет предела! Сейчас США и их пособники обрушили еще более изуверское, разбойничье нападение на Ирак. Именно о государственном терроризме США скажет и здесь, на фуршете, дамасский профессор, как говорил он об этом в телеинтервью и в выступлении на самом съезде.

Тягостное это дело, скажу я вам, — слушать речь на непонятном языке, а затем и ее перевод. Но дамасского профессора выручают ум, лаконизм и красноречие.

— Мир лихорадит глобализация, терзают перманентные локальные войны, а литература молчит! — удрученно провозгласит он, держа в короткопалой руке фужер с апельсиновым соком. Ведь правоверные мусульмане не

употребляют алкоголя. — Она, как ни странно, пребывает в летаргическом сне что ли? А что делается в Ираке, в Ливане, в Палестине, на Голанских высотах, в секторе Газа, на реке Иордан? Вы ведь знаете, что там происходит. Знаете? А литература туда и не заглядывает! Мы должны на этом съезде взять и на себя частицу ответственности за ее странную и неправомерную инертность, за равнодушие к человеческим страданиям! На Ближнем Востоке десятилетиями льется кровь мирного населения, в том числе и детская кровь! Разрушаются древние города и памятники культуры. А литература молчит! Я не знаю, как это объяснить. Давайте вышьем за то, чтобы литература пробудилась, как Лесоруб Пабло Неруды, и сказала свое веское образное слово в защиту древнейшей культуры Двуречья между Тигром и Евфратом — колыбели человеческой цивилизации, которую в ходе преступной войны американские войки из особых, специальных подразделений грабят, губят, разворовывают и уничтожают! — он высоко поднимет свой фужер над головою, сделает символический глоток и возвратится на свое место, темный, как ночь.

Взволнованный его тостом, пробиваюсь к нему сквозь толпу и наталкиваюсь на плотное кольцо сирийской делегации, окружившей своего предводителя и выражающей восхищение его тостом. Высокие, плечистые, статные сирийцы напоминают скорее спецназ, чем литераторов! Дамасский профессор затеряется среди них со своим низеньким ростом и неказистой внешностью. Но он властвует над ними: все они слушают только его. Станный Дамасский профессор! А может, не только профессор?

Ищу в его окружении, в составе сирийской делегации, своего Араба. И, к большому сожалению, не нахожу.

Мне все время не дает покоя его молчание, страдальческий вид и отрешенность. Он мне кажется беззащитным, как ребенок! А как ему помочь, чем утолить его печаль? Я не знаю и не представляю.

* * *

На следующее утро Араба застану за тем самым столом у окна. За той же чашечкою крепкого кофе. С тем же ломтиком сыра. С той же тонкой дешевой сигарой. Будто так и сидит здесь со вчерашнего утра. И так же задумчиво глядит на сверкающие огни реклам, освещенные окна домов, на панораму окутанного синеватой мглою Минска.

Заговорить с ним и в этот раз не решусь: он так погружен в молчаливое созерцание, что нарушить его недопустимо. Да и как ты с ним заговоришь? Знает ли он наш язык? Но главное — это его отчуждение, самоуглубленность, печальное одиночество. Он как бы наслаждается и своим молчанием, и отрешенностью от мира сего, и созерцанием утреннего города.

«Араб, брат мой! Я бы мог рассказать тебе и о своих бедах и утратах, о своем трудолюбивом роде, выбитом на войне: Петро наш — 24-летний командир 122-миллиметровой гаубичной батареи — погибнет еще «на той войне, незначительной» в Финляндии. «Под станцией Кямряя, в двух километрах южнее Перон-Йокки» — так сказано в похоронке, прилетевшей в марте 1940 года. Затем, уже в Великую Отечественную, погибнут, обороняя Одессу, Роман и Сергей — рядовые пехотинцы, призванные из запаса в начале войны по мобилизационному плану. А Василия, тоже под Одессой, раненного в спину огромным осколком авиабомбы, откапают из глубокой воронки, без сознания, разведчики первого полка морской пехоты и

доставят ночью в медсанбат перед самой эвакуацией одесского гарнизона. Андрей, будучи ординарцем у командующего 26-й армией генерал-лейтенанта Костенко, возглавившего неудачное наступление на Харьков в мае 42-го, будет стреляться в окружении вместе со своим командующим. Но неудачно. Останется жив и попадет в плен, которого они попытаются избежать ценою собственной жизни. Виктор, восемнадцатилетний лейтенант, командир пулеметного взвода, погибнет 18 января 1945 года под Кенигсбергом. На стыке двух дивизий, прикрывая их фланги. Иван, или — как мы дразнили его за маленький рост — Ваня Зелик, погибнет летом 44-го в ходе Яско-Кишиневской наступательной операции. Таким образом, из всего нашего многочисленного рода останусь в живых один я. Да и то после почти смертельного ранения в ближнем бою на Фридрихштрассе в самом центре Берлина 28 апреля 1945 года за два дня до капитуляции берлинского гарнизона.

Переживу я, как и ты, мой друг Араб, оккупацию своей Родины. И узнаю, по чем фунт лиха. А главное, мы оба одиноки после стольких утрат и лишений, поэтому и называю тебя мысленно другом и братом. Ибо все солдаты, сражавшиеся и сражающиеся за свою родную землю, это наши братья. Не так ли?

Ты и без меня, вероятно, знаешь, но все-таки хочется напомнить: все мы теперь: арабы, славяне, африканцы и азиаты — поставлены на длительный конвейер вымирания ради процветания «золотого миллиарда». Кого уничтожают сразу — неожиданным нападением, ракетами да бомбардировками — так называемыми миротворческими акциями. Как Югославию, Сербию и другие балканские страны. Или бандитской агрессией, как сейчас уничтожают Ирак и Афганистан. А кого — другими, почти

незаметными методами, как Россию и Украину, население которых ежегодно уменьшается на миллион человек в России и на 400—500 тысяч в Украине. И никто не в силах отворотить эту погибель — остановить ее и спасти ни в чем не повинных людей!

Мы глубоко и непоправимо разъединены, брат мой! И объективными — географическими, языковыми барьерами. И субъективными — тайными политическими сговорами. Еще эффективнее нас разъединяют сатанизацией сербов, русских, арабов, корейцев, иранцев. На одних ставят модное клеймо «террористов». Другим шьют «геноцид» и «этнические чистки». Третьим клеют лейбл «империи зла». Вовсю стараются в этом подлом деле газеты и журналы, радио и телевидение, угодливые и продажные политологи, консультанты и «международные эксперты», своей ложью зашибающие огромную деньги. Их очень много развелось по всему миру, точно клопов и тараканов в старых и неряшливых домах-развалюхах.

А еще существуют десятки тайных центров, латентных аналитических институтов, руководивших в «холодной войне» подрывной деятельностью против СССР и стран Варшавского Договора. После преступного развала Советского Союза они продолжают свою подрывную работу. Против кого? А ЦРУ, британская военная разведка «МИ-5» или израильский «Моссад»? Их тоже содержат на бюджете не зря. Ты ближе к ним, брат мой, чем я, и хорошо знаешь, а то и ощущаешь на своей судьбе и на состоянии своего Отечества преступную деятельность сих «рыцарей плаща и кинжала».

Я не только не могу расспросить тебя о твоей судьбе и твоём горе, брат мой Араб. О том, что угнетает тебя. Но и рассказать о фотографии осиротевшего арабского маль-

чика, слезы которого почти сорок лет прожигают мое изболевшееся сердце. Не ты ли и есть тот выросший мальчик-сирота?

Сейчас я встану из-за нашего стола и уйду от тебя, быть может, навсегда, не обмолвившись с тобою ни словом! И враги наши будут торжествовать, радоваться нашей разобщенности и отчуждению.

И никто в этом не виноват, кроме нас самих: поддаваясь подло насаждаемой вражде людей и разобщенности народов, мы утрачиваем великое благо единения для совместной борьбы против лютых наших врагов! Несущих нам смерть и порабощение».

* * *

На второй день работы съезда дадут слово и мне. К выступлению я готовлюсь с самого начала переговоров с Посольством Белоруссии в Киеве. Да и председатель Союза писателей Чергинец загодя предупредит меня. Все эти дни только и думаю о том, что скажу сыбрам?

И все же... Поднимаюсь на сцену и иду к трибуне с ощущением, что меня захватят врасплох! На трибуне стою неприлично долго, собираясь с мыслями, чтобы избежать банальностей. Все, о чем собираюсь сказать, вдруг вылетит из головы. Или окажется несущественным, избитым. Взгляну на притихший зал и, неожиданно для себя, без вступления и приветствия делегатам, начну, как во сне:

— «Заратустра вышел из своей пещеры и крутым лесистым склоном стал спускаться к людям. В лесу он встретил святого. Старик, собирая грибы и ягоды, бормотал: «Я знаю этого путника. Когда-то он уже проходил здесь. Его зовут Заратустра. Заратустра изменился. Заратустра постарел. Заратустра стал ребенком!».

А когда Заратустра поравняется с ним, старик выпрямится, изумленно воскликнет:

— Как? Ты еще жив, Заратустра? Зачем так долго жить в этом поглупевшем, лживом, ожесточившемся мире? И куда это ты направляешься?

— Я иду к людям, — ответит Заратустра. — Я несу им дар.

— Ничего не давай им! — вскрикнет старик. — Они не верят нам, отшельникам. Не верят, что мы можем дарить. Наши шаги по ночным улицам раздаются для них слишком одиноко. Проснувшись в полночь в своих постелях, они тревожатся: «Куда лезет вор?». Однако, — подойдя ближе, вкрадчиво шепнет старик, — что ты несешь в дар нам?

Заратустра поклонится святому и скажет:

— Что же я могу принести вам? Позволь мне поскорее уйти отсюда, чтобы я чего-нибудь не взял у вас...»

Зал взорвется аплодисментами. Когда они утихнут, я скажу своим братьям-белорусам:

— Вместе с вами я аплодирую Фридриху Ницше — этому удивительному поэту философии. Но, как и Заратустра, ничего не несу вам, писателям голубоглазой нашей сестры Беларуси. Даже не имею полномочий. Руководство нашего Союза писателей отвергнет официальное приглашение и откажется от участия в вашем съезде. Одни из странного предубеждения к «недемократическому режиму» в Беларуси. Другие — боясь гнева высшего государственного начальства. Это позорное, недружелюбное действие глубоко возмущает меня! Потому я здесь...

Меня опять прервут аплодисментами.

— Стою перед вами без всяких полномочий — солдат Великой Отечественной войны, убитый в ближнем бою в центре Берлина 28 апреля сорок пятого. И воскресший аж на двенадцатый день — 9 мая, в День Победы! — стараниями, усилиями и мастерством наших опытных полевых хирургов. Я верен и предан нашему братству — военному, славянскому, советскому. А также братству по Киевской Руси — нашей общей исторической и этнической колыбели! Ее не отберут у нас никакие политические конъюнктушки! Никто не лишит нас благородного статуса народов-братьев!

Зал ответит овацией, и я с облегчением почувствую единение с аудиторией.

— Все, что я мог бы принести вам, — это моя честь и достоинство. И моя более чем шестидесятилетняя работа в украинской советской литературе. Это и есть мой дар вам, если принять во внимание иносказание Фридриха Ницше.

Тут меня опять прервут аплодисментами.

— А взять у вас я хотел бы сохраненный здесь, в Белоруссии, советский коллективизм, дух которого реет и вьется над вашей землей и столицей. Хотел бы также взять у вас неразграбленные колхозы и совхозы. Промышленные предприятия, сохраненные в государственной собственности. Конструкторские бюро и научно-исследовательские институты. Всю дорогу из Киева в Минск я любовался вашими ухоженными могучими лесами над знаменитыми реками: Днепром, Березиной, Припятью, Десной и Сожем. Фермами, белеющими издали среди пустошей и болот. От них у нас не осталось даже фундаментов. Восторгался изумрудными коврами любовно обработанных озерных полей, которые сразу напоминают Пушкина, навевают красоту и грусть его поэзии:

И страждут озими от бешенной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы...

Но у вас не разгуляться эдаким любителям охоты по заботливо ухоженным посевам — и в этом ваше счастье! У себя же мы видим совсем другую картину: гуляет панство, гуляет! Грохочет по ночам фейерверками в честь собственных «тезоименинств», оглушая ближние и дальние окрестности почти артиллерийской канонадой. Устраивает гульбища в будни — что хочет, то и вытворяет на просторах «золотой», как некогда пелось, Украины. И нет преград разгулу и роскоши рвачей и выжиг, разграбивших страну и народное добро, свергнувших трудовой народ в нищету и бесправие.

В Белоруссии им хода нет! Ваш Народный Президент всё народное хозяйство зажал в своем могучем державном кулаке и не дал разграбить, «прихватизировать» проходимцам, пронырливым дельцам и грабителям, как это случилось в Украине, России и других республиках некогда Великого Советского Союза! Оттого так и неистовствуют их покровители на Западе, обливая грязью вашу страну, вводя экономические санкции против нее, шельмуя гордого и независимого Александра Григорьевича Лукашенко. Берегите же своего Президента!

Тут овация сметет меня с трибуны, и я окажусь в плотной толпе. Делегаты, гости съезда и члены президиума жмут мне руку, а некоторые женщины, растрогавшись, даже целуют. Особенно запомнится высокая, белокурая, статная, прильнувшая к моему лицу, шепча сбивчивые слова благодарности. До сих пор чувствую на губах ее теплые слезы.

«Где же ты сейчас, белоруска моя ясная?» — вспомнится поэт Терень Масенко.

Пишу об этом через полгода, отнюдь не для того, чтобы похвалиться, покрасоваться. Однако и без лишней скромности. Ибо горжусь своим участием в работе писательского съезда братской Белоруссии, оклеветанной нашими общими врагами, объявившими ей экономическую блокаду! Я и на съезд приеду с намерением прорвать ее, доказать ее незаконность и презрение к ее дальним океанским организаторам и вдохновителям и ближним подхалимствующим подпевалам.

К тому же каждое произнесенное там и написанное здесь слово подтвердят слышавшие меня. «Не дадут збредать!» — как говорится у нас в таких случаях.

* * *

Чтобы опередить своего Араба, поднимусь бесшумным скоростным лифтом с 4-го на 22-й этаж без четверти восемь — до открытия ресторана.

Но Араб, к моему удивлению, уже сидит на привычном месте за той же чашечкой черного кофе и кусочком сыра на блюде. И так же дымит тонкой дешевой сигарой.

«Разве мои беды и мое горе, — снова думаю я, глядя на него, — сравняются с твоим нынешним горем, брат мой Араб? Знаю: это несравнимые вещи. Однако и мне горько и тяжело видеть, как гибнет без войны и вражеского нашествия родная земля! Как приходят в упадок гиганты Советской индустрии, окипевшие кровью и потом нашего работающего, трудолюбивого народа, в кратчайшие сроки создавшему промышленно-техническое могущество своей Державы. И все это богатство достается теперь «чертям нетруженным!» — так говорят наши люди.

Ликвидированы колхозы и совхозы, а фермы, ремонтные мастерские, полевые и тракторные станы разрушены до основания. Даже фундаменты выкопаны и растащены. Поверь, друг мой: это страшное зрелище! В каком мире мы живем, брат мой Араб?

Я не сравниваю наши беды с твоими бедами и наши страдания с теперешними страданиями жителей Арабского Востока — я утверждаю, что ваши и наши беды и страдания сотворены одними и теми же агрессорами, только разными методами. Это наше общее горе. Оно должно нас объединить!

Но почему-то не объединяет. Мы по-прежнему разобщены. Даже больше разобщены, чем прежде. Почему?

Молчишь, Араб? Молчи, молчи...

Я и без слов понимаю тебя. Ты еще раз доказал: настоящее горе — безмолвное. Вопят и кричат, чтобы отвлечь его. А когда оно разразится, тогда уже, брат, не накричишься. В молчании переносят или преодолевают его. В безмолвии и умирают с ним, как умирали те несчастные беженцы в лагерях Сабры и Шатилы. И человечество — все человечество, а не только Израиль и Шарон, несет ответственность за это злодеяние!

Араб, брат мой и друг по несчастью! Я никогда не забуду твоего молчания, твоего одиночества и самоотречения, залегшего в твоих очах, лежащего на твоем смуглом челе и пылающего на твоем исхудавшем лице. Не забуду, вопреки гениальному Сент-Экзюпери: «Араб одним поворотом головы, одним взглядом своим творит жизнь, и мне кажется, что он — как Бог... Это чудо... Он идет к нам по песку, как некий Бог по морю. Араб

просто посмотрел на нас и, положив руки на плечи, легонько нажал — и мы покорились ему. Нет ни рас, ни языков, ни каст... Есть только этот бедный кочевник, который положил руки архангела. Мы ждали, лежа ничком на песке. И вот мы пьем, так же лежа, погрузившись в таз, как телята.

Вода! Ты величайшее в мире богатство. Ты — жизнь. Что касается тебя, ливийский бедуин, то хоть ты и спас нас, но черты твои навеки сотрутся в моей памяти. Я не вспомню твое лицо. Ты человек, и я буду видеть в тебе всех людей мира. Ты никогда не видел, но узнал нас. Ты — любимый брат мой. И тебя я тоже узнаю в каждом человеке. Ты предстал передо мной в сиянии благородства и доброты, могущественный властелин, способный напоить жаждущих. В тебе все мои друзья и враги идут ко мне...».

Я люблю прозу Экзюпери. Но тебя не забуду и не предаю, брат мой Араб! Помнишь, у Редьярда Киплинга:

Я ел ваш хлеб, я пил вашу воду —
Как же я могу предать вас?!

«ДРУЗІ ІДУТЬ ПОЛКАМИ, І Я СЕРЕД НИХ СУРМАЧ...»

Вместо послесловия

В теплое сентябрьское предвечерье, в день памяти великого полководца Александра Невского под священными сводами актового зала Музея Великой Отечественной войны общественность столицы чествовала классика украинской литературы Александра Сизоненко.

В переводе с греческого его имя означает «защитник народа». Сизоненко — Александр Александрович, посему — дважды защитник. Но это не только потому, что родители в свое время его так нарекли. Талантливому писателю и публицисту пришлось защищать свой народ и пером, и оружием. Он принадлежит к тому поколению, которое из-за школьной парты шагнуло в пламя Великой Отечественной войны.

Однокурсникам Олеся Гончара, героическим студбатовцам, ставшим бессмертными благодаря его роману «Человек и оружие», и то было немного больше лет. А этим — по семнадцать! Мальчишки...

Об их юношеских руках напишет потом гениальный Андрей Малышко в своем «Прометее»: «Ви ще не вміли обнімати, а воювати довелося...»

Какая сила вела тогда этих почти детей к охрипшим военкоматам? Ответ звучит с широкого экрана — прямо в актовом зале демонстрируется документальная лента о жизни и творчестве Александра Сизоненко.

Писатель вспоминает: в первые дни войны он увидел погибших советских бойцов, которые лежали так, «наче пасли коней та й послули». И тогда ему показалось, что эти коротко стриженные ребята взывали к нему: «Напиши про нас, напиши, як ми тут лежали, не пропустивши ворога!»

Семнадцатилетний Саша сумел услышать и запомнить на всю жизнь их просьбу. Он напишет о них так, что за военную трилогию «Степь» («Степь», «Была осень», «Цель») получит Государственную премию имени Т.Г.Шевченко!

Но до того и сам наденет солдатскую шинель, заслужит боевые награды и получит тяжелое ранение, штурмуя Берлин. Как и все уцелевшие воины Красной Армии, Саша привезет с войны самое дорогое — Победу и фронтовую дружбу.

По каким-то незыблемым законам бытия с годами боевые побратимы все чаще будут появляться перед ним.

«Больше всего думаешь по ночам о тех, с кем рядом воевал, кого хоронил за холодными чужими реками. Они и поныне протягивают ко мне руки...» — говорит с экрана автор знаменитой «Степи» и уникальной военной трилогии «Советский солдат».

И с болью признается, что живет с растревоженной душой: сегодня те оплаченные миллионами жизней славные этапы Великой Победы втаптываются в грязь.

Но солдат Великой Отечественной войны и маршал великой украинской литературы отступить не привык. Уникальная память позволяет Александру Сизоненко выбирать самые меткие строки и выступать с ними на пути новоявленных манкуртов. Тех, кто, оправдывая собственное предательство, пытается залить грязью героический подвиг советского народа на протяжении 1941 — 1945 годов.

Немало ми воювали, стоптали чобіт рудих.
І якщо мертвих згадати, то я затужу по них.
А якщо живих згадати — хай заніміє плач!
Друзі ідуть полками, і я серед них сурмач.

Далеко не каждый ныне сущий украинский писатель или поэт имеет моральное право декламировать «Червоновишневі зорі» Андрея Мальшко. Какие «сурмачі» могут быть из буржуазных подпевал?!

Зато в устах Александра Александровича откровение Мальшко звучит естественно. Ибо, как отметил в тот вечер со сцены еще один классик украинской литературы поэт Борис Олійнык, Александр Сизоненко не сдал никого. Не сдал своих друзей-фронтовиков, павших на поле брани, не предал литературных отцов.

Кстати, маршалом украинской литературы Александра Александровича тоже назвал Борис Ильич, отметив при этом, что Сизоненко — «эпик по натуре и в то же время лирик».

Проникновенно и тепло говорил о литературном побратиме Борис Олійнык. Олесь Гончар и Андрей Мальшко присутствовали незримо на вечере-исповеди Александра Сизоненко своими отчеканенными вечностью строками.

Последние витали в переполненном зале вместе с песенными шедеврами знаменитого хора имени Григория

Вережки, песнями военных лет, задушевно исполненными Ольгой Богомолец, «Весенней сонатой» Бетховена...

Самого же Александра Александровича увенчали гирляндой красных яблок и наградили огромным полосатым арбузом. Все это было данью малой родине писателя — Николаевщине, где в селе Ново-Александровка Баштанского района он появился на свет. Ибо там же, по его словам, «кавуни, наче хтось накотив», а «дині пахнуть так, ніби аж спеку тамують».

И вот кульминационный момент вечера: на сцену зала поднимается сам Александр Сизоненко, коренастый крепкий мужчина, на груди которого боевые награды удивительно гармонируют с ароматными яблоками.

Проникновенно смотрит на людей, к нему пришедших, искренне, как это может только он, благодарит их и говорит о себе самое главное:

— Я — субъект и объект советской эпохи, которой никогда не было в истории человечества и которой, дай Бог, повториться. Я ни на шаг, ни на пядь от нее не отступил!

Звучит голос настоящего «сурмача», которого слушают невидимые полки советских солдат. Кажется, что из стен киевского Музея Великой Отечественной войны он доносится даже туда, за холодные чужие реки.

...«Не убивайте своих пророков» — назвал одну из собственных книг лауреат Государственной премии имени Т.Г.Шевченко, премий имени Ю.Яновского и И.Нечуя-Левицкого Александр Александрович Сизоненко.

И чествуйте их как можно чаще! — хочется добавить.

Любовь ГОЛУБЕВА

ВЕХИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

1923 год, 20 сентября — родился в селе Ново-Александровка Баштанского района Николаевской области в крестьянской семье.

1941, апрель — в баштанской районной газете «Під прапором Леніна» опубликованы первые рассказы семнадцатилетнего Александра Сизоненко «Весна» и «Встреча».

21 июня — выпускной бал в Баштанской средней школе, на котором получает аттестат зрелости с оценкой «отлично».

9 августа — фашистская мотопехота перерезала путь колонне колхозной техники, которую Александр вместе с товарищами эвакуировали на восток. Потянулись два с лишним года кошмаров немецкой оккупации.

1943 — спасая свою любовь ещё со школьной парты Галю Драгуновскую от концентрационного лагеря, обручается с ней. В любви и согласии они проживут более шести десятилетий, воспитают троих детей. Старшая дочь Людмила станет учителем украинского языка и литературы, младшая Ирина — врачом-терапевтом, сын Виктор — заведующим одной из кафедр романо-германского факультета Киевского национального университета имени Т.Г.Шевченко.

1944, март — призван в ряды Красной Армии. Рядовым-пехотинцем принимает участие в боях за освобождение города Ковель, форсировании Западного Буга и Вислы.

Август — после окончания школы младших командиров в качестве командира минометного расчета воюет на Магнушевском плацдарме в Польше, а затем в Германии.

1945, 28 апреля — во время штурма Берлина, в ближнем бою получает тяжелое ранение. Более года находится на излечении в госпиталях и клиниках.

1946—1948 — работает на предприятиях хлебопекарной промышленности города Николаева.

1947 — первый послевоенный литературный успех. Областная газета «Бугская заря» опубликовала рассказ А.Сизоненко «Недоигранный вальс». Затем его рассказы появляются в областной газете «Южная правда», журналах «Вітчизна», «Огонёк» и других изданиях.

1948—1955 — трудится на Черноморском судостроительном заводе: судосборщиком, инженером-планировщиком, контролером ОТК. Приобретенный здесь производственный опыт поможет ему в создании романа «Корабелы».

1952 — по рекомендации Александра Фадеева Александра Сизоненко принимают в члены Союза писателей СССР.

1954 — вступает в ряды Коммунистической партии Советского Союза.

1955 — успешно сдает государственные экзамены в Николаевском педагогическом институте имени В.Г.Белинского, на заочное отделение которого вступил в 1950 году.

1955—1961 — работает в отделе пропаганды Николаевского обкома Компартии Украины.

1961 — принимает предложение возглавить сценарный отдел Киевской киностудии имени А.П.Довженко, на этой должности работает до 1969 года.

1970 — целиком посвящает себя литературной деятельности.

1983 — писатель завершает работу над трилогией «Степь», которая выходит в издательствах «Радянський письменник»

и «Советский писатель», а также трёхмиллионным тиражом в «Роман-газете».

1984 — За трилогию «Степь» Александру Сизоненко присвоено звание лауреата Государственной премии имени Т.Г.Шевченко Украинской ССР.

* * *

Перу писателя принадлежат: сборники рассказов «Родные огни» (1951), «Родные края» (1955), «В батьківському краї» (1959), «Море замерзает у берегов» (1959), «Хліб з рідного поля» (1978), «Доки й живу» (1989); повести «Зорі падають в серпні» (1957), «Пауль, Петер, Йоган» (1967), «Музыка, музыка, музыка...» (2003); романы «Корабелы» (1960), «Білі хмари» (1965), «Кто твой друг...» (1972); трилогия «Степь» (1976—1983), «Далекий Бейкуш» (1992), «Не поле перейти...» (2004); трилогия «Советский солдат» (2005); а также книги «Там, за летами и событиями» (2003), «Не убивайте своїх пророків!» (2003) и другие произведения.

Государственные награды и отличия: ордена Отечественной войны первой степени, Трудового Красного Знамени, боевые медали «За отвагу», «За взятие Берлина», «За победу над Германией» и другие, орден Дружбы Российской Федерации. Лауреат Государственной премии имени Т.Г.Шевченко в области литературы и искусства, литературных премий имени Юрия Яновского, Ивана Нечуй-Левицкого, «Прохоровское поле» (Российская Федерация). Награждён Почётной Грамотой Президиума Верховного Совета Украинской ССР.

ЗАПЕЧАТЛЁННЫЕ
МГНОВЕНИЯ,
РОДНЫЕ СЕРДЦУ ИМЕНА

*Фотографии
из семейного архива*

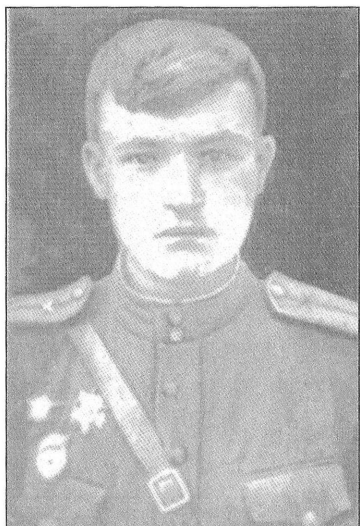
Отец Александр Никитович и мать Федора Дмитриевна в день свадьбы

Мама, отец и сестра отца Полина

Мама, её брат Захар (погибнет в первую мировую войну в австрийском плену) и сестра Анна

Командир минометной роты Михаил Сухов, в которой одним из расчетов командовал гвардии сержант Александр Сизоненко. Старший лейтенант Сухов погибнет на подступах к Берлину

Москва, 1946 год. После длительного лечения в госпитале (в первом ряду в центре)

1959 год,
Прикарпатский
военный округ.
Офицерские курсы
переподготовки,
после стрельбиц

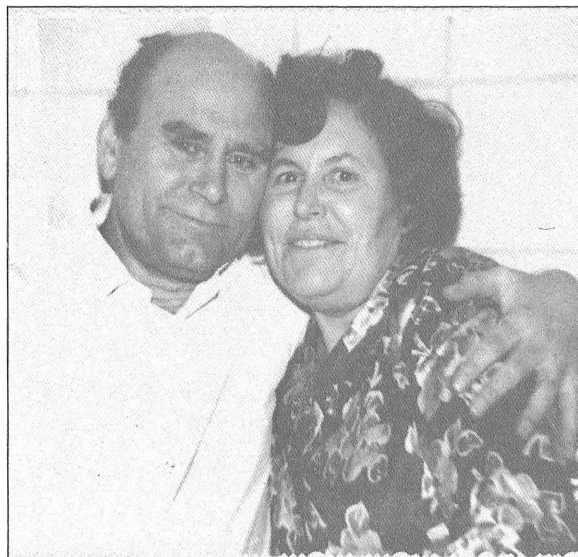
1961 год. Первое фото в
должности заведующего
сценарным отделом
Киевской киностудии
имени А.П.Довженко

Съёмочная группа киностудии имени А.П.Довженко за выбором
натуры во время работы над художественным фильмом по роману
Олександра Сизоненко «Білі хмари»

Снова с отцом в родном Баштанском районе, село Ново-Александровка

После новоселья
в писательском
доме по улице
М.Коцюбинского
в Киеве вместе с
супругой Галиной
Дмитриевной

У порога отчего дома

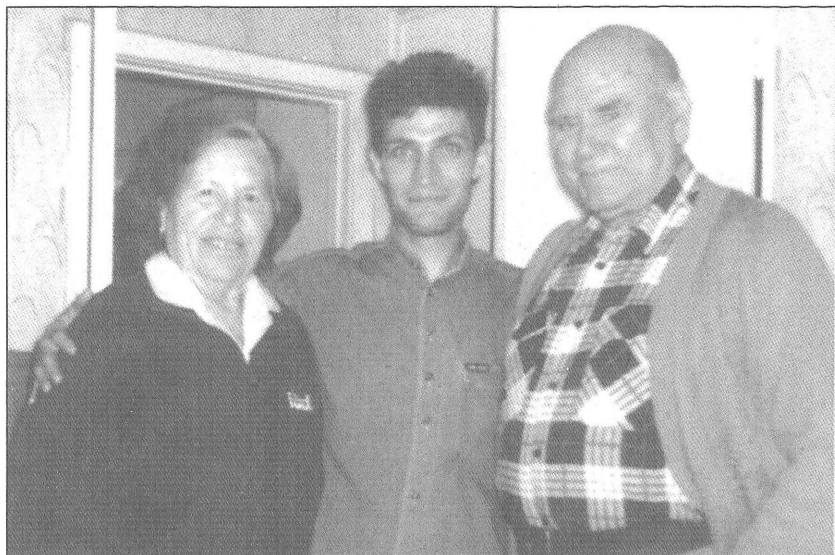
Такие родные лица...Галина Дмитриевна, её мама, Галин брат подполковник в отставке Олександр Дмитриевич вместе с писателем

Шагай смелее, внучек!..

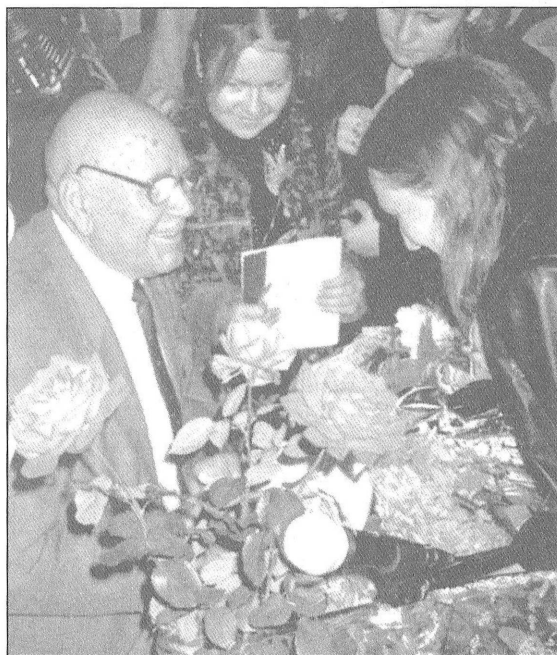
В гости в Кончу-Озерную наведался сын Виктор

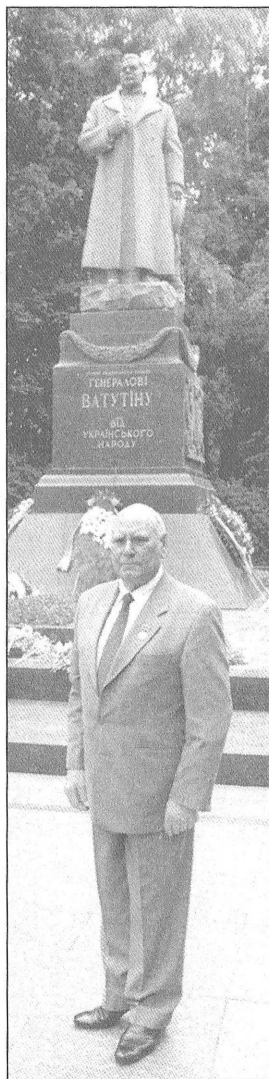
С уже позрелевшим старшим внуком Дмитрием

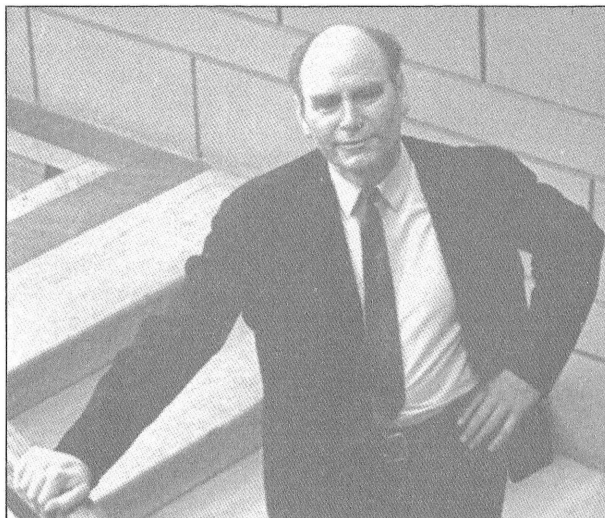
Галина Дмитриевна и писательница Любовь Забашта, супруга поэта
Андрея Малышко

Это уже традиция:
каждое
знаменательное
событие отмечать
вместе с дорогими
сердцу земляками:
автографы на память
от любимого писателя
в районном Доме
культуры

У памятника
освободителю
Украины
генералу армии
Николаю Ватутину

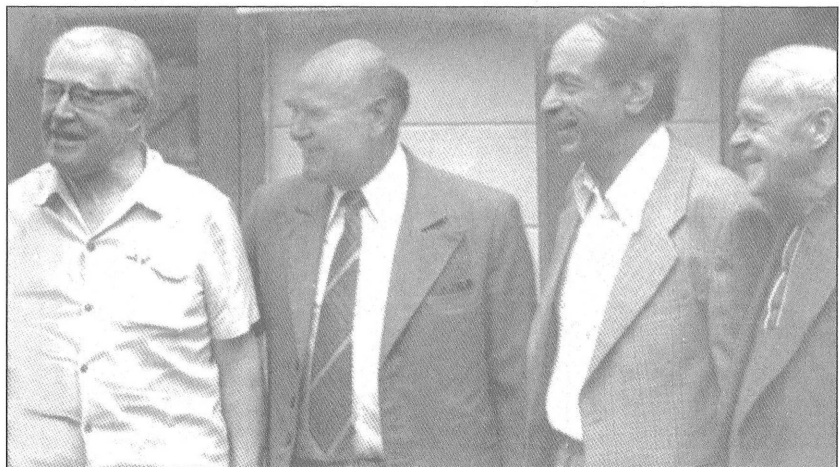
1976 год.
В Союзе
писателей
Украины после
завершения
первой книги
трилогии
«Степь»

На Днях литературы, посвященных созданию Николаевской областной писательской организации

Ты помнишь, мир спасенный? Раздумья у Мемориала советским
воинам в в Трептов-парке, Берлин

Москва. Перед открытием V Съезда писателей СССР (слева направо)
— Алексей Сурков, Александр Сизоненко, Леонид Вышеславский,
Иван Гончаренко

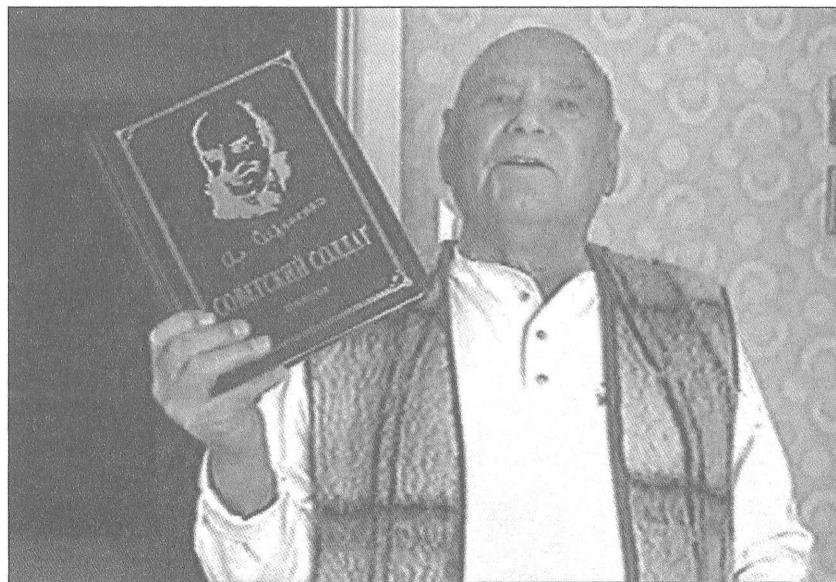
После вручения Литературной премии имени И.С.Нечуй-Левицкого:
Борис Олийнык, Евгений Нефедов (Российская Федерация), крайний
справа сам лауреат

1987 год. Автограф от мэтра, в роли которого —
американский писатель Грем Грин

В экспозиции Баштанского краеведческого музея

Александр Сизоненко представляет «Советского солдата» на Международной книжной выставке в Праге

Содержание

ПОДВИГ СОВЕТСКОГО СОЛДАТА.....	5
СПИТАЙ: ХТО МИ?	9
ОГЛЯНИСЬ ВО ГНЕВЕ, АМЕРИКА!	31
СТОЛЬКО ГРУСТИ В ТОЙ ПЕСНЕ... ..	36
ЄДНІСТЬ ЧИ РОЗБРАТ?	48
ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ — ЗНАЧИТ МЫСЛЯЩИЙ	53
ТЫ ПЛАЧЕШЬ, СОЛДАТ?	60
ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА 9 МАЯ!	81
«КОНТРА СПЕМ СПЕРО!»	89
МОЛЧАНИЕ ЯГНЯТ	111
ГИЕНЫ	123
ГАМБУРГСКИЙ СЧЁТ	134
ЗАБЫТЫЕ МЕЛОДИИ	162
ОХЛОКРАТИЯ.....	171
АРАБ	194
«ДРУЗИ ІДУТЬ ПОЛКАМИ, І Я СЕРЕД НИХ СУРМАЧ...»	216
ВЕХИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА	220
ЗАПЕЧАТЛЁННЫЕ МГНОВЕНИЯ	223

Александр Сизоненко
ГАМБУРГСКИЙ СЧЁТ

Киев: издательский дом «АДЕФ-Украина», 2008, — 240 с.

Издано по инициативе Всеукраинского общественного
объединения «Интеллигенция Украины — за социализм»

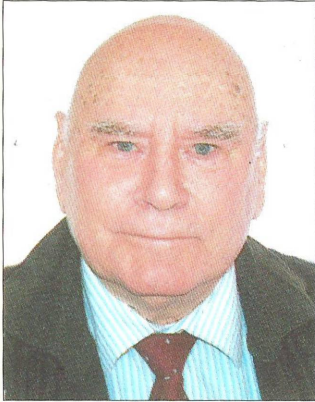
Составитель и редактор —
В.В.Сиряченко
Макет и верстка — Т.В.Качура
Корректор — Н.К.Немировская

Подписано к печати 5 сентября 2008 года.
Формат 60х90/16
Усл.-печ. л. 15,0. Печать офсетная. Бумага офсетная
Заказ № 393. Тираж 1500 экз.

Издательский дом «АДЕФ-Украина»
01030, Киев, ул. Богдана Хмельницкого, 32, оф.40-а
тел. (044) 284-08-60, факс: 284-08-50
www.adef.com.ua e-mail: adef@adef.com.ua

© Все права защищены

A 678594

СИЗОНЕНКО

Александр

Александрович

С незапамятных времен в немецком городе Гамбурге сохранилась эта традиция. Ежегодно здесь собираются борцы, дабы определить настоящую силу, мастерство и выносливость каждого. Победитель определяется в честной схватке «при закрытых дверях и завешенных окнах», а не по указке, как это часто бывает, устроителей состязаний. Борьба каждый раз проходит долго, некрасиво и тяжело, но зато помогает оценить подлинный класс атлета.

В современной действительности с помощью ставшего крылатым выражения «гамбургский счет» определяется значимость того или иного общественного явления или политического деятеля «без скидок и уступок, с предельной требовательностью».

Именно таким принципом руководствуется один из апостолов правды современной украинской литературе писатель Александр Сизоненко в своей новой книге, в основу которой легли его публицистические произведения последних лет. В наше тревожное время они приобретают особую актуальность.

4845
13